

#9(13)/2016 część 3

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#9(13)/2016 part 3

East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Peter Clarkwood(University College London)
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Peter Clarkwood(University College London)
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Кензикеев Р.В., Саитова Г.Ю. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА КАЗАХСТАНА.....	5
Петросян В.Г., Канокова Ф.Ю., Браев Р.Ф. «ИНЬ – ЯН», КАК ДИАЛЕКТИКА ОРНАМЕНТА В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	10
Петренко Дмитрий Владимирович КИНЕМАТОГРАФ ДЭВИДА ЛИНЧА: МЕДИААНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.....	15

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Kalaur S.M. COMMON APPROACHES TO THE TRAINING OF FUTURE SOCIAL SPHERE EXPERTS IN CONFLICTS RESOLUTION	19
Лаптев И.Г. ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АКТИВИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИГРЫ НА БЛОКФЛЕЙТЕ	23
Студеникин С.И., Рублёв А.И., Лядова Л.А., Медведева О.А. УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЕЁ АКТИВНОСТИ НА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЯХ ЛЕКЦИОННОГО ТИПА	26
Aliyeva Tinatin THE METHOD OF ORGANIZATION OF SEMINARS ON THE IMPLEMENTATION OF THE INTERDISCIPLINARY RELATIONS.....	36
Shpakivska Olga INVOLVING STUDENTS IN UKRAINE TO STUDENT SELF-GOVERNMENT AS THE MAIN CRITERION FOR THE FORMATION OF STUDENT COLLECTIVE	41

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Селезінка Л.М. ІННОВАЦІЙНІ ПІДХОДИ В УПРАВЛІННІ РОЗВИТКОМ СФЕРИ ЕНЕРГОЗБЕРЕЖЕННЯ РЕГІОНУ	44
Коновал В.О. СВІТОВИЙ ДОСВІД ВПРОВАДЖЕННЯ ЕЛЕКТРОННОГО УРЯДУВАННЯ	48
Мельничук Л.М. ПОЛІТИКА ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ СОЦІАЛЬНОГО РОЗВИТКУ РЕГІОНІВ У КОНТЕКСТІ ПАРАДИГМИ СОЦІАЛЬНОЇ ДЕРЖАВИ	53
Назаров А.Н. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕГИТИМНЫХ ОСНОВ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА ПОСТСОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	58
Никифорова И. ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ КАТЕГОРИЙ	63

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Наталья А.С., Сергей К.Х., Максим А.Б. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАРГИНАЛЬНЫХ ЖЕНЩИН, ОКАЗАВШИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ	70
---	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гаськова М.И. ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД К. УИЛБЕРА В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ	76
Каверина А.С. ДОВЕРИЕ К СМИ В УКРАИНЕ: ВЛИЯНИЕ ПРОБЛЕМ МЕДИЙНОЙ ОТРАСЛИ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ	83

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Прушковська І.В. ШЕКСПІРІВСЬКИЙ ІДЕАРИУМ У ТУРЕЦЬКІЙ КУЛЬТУРІ	87
Сухарева К.А. АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ МОТИВОВ В ТОВАРНЫХ ЗНАКАХ, РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ И ТЕКСТАХ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМАЯ ПОСРЕДСТВОМ ЭТНОНИМА «РУССКИЙ» И СООТВЕТСТВУЮЩИХ ОТЭТНОНИМИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ.	91
Тоирова Н.И. ПОРТРЕТ КАК СИМВОЛ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДРАМАТИЗМА В ПРОЗЕ.....	94
Tortkulbaeva Tursinay THE POEMS AND BLANK VERSES BY KAIROLLA IMANGALIEV.....	97

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Ruslan Kenzikeyev

Ph.D. candidate of the Kazakh National Academy of Arts named after T. Zhurgenov

Gulnara Saitova

Ph.D. in Art history,

professor of the Kazakh National Academy of Choreography

CURRENT STATE OF KAZAKHSTAN CHOREOGRAPHIC ART

Summary:

The article includes the historical information after the time of acquisition of independence by the Republic of Kazakhstan, the innovations concerning issues of the national ethnocultural centers, national theaters brought by the First President of the Republic of Kazakhstan - Nursultan Nazarbayev.

Keywords:

Assembly of People of Kazakhstan, national dance, folklore, teacher, choreographer, dancing ensemble, dance syncretism, dancing traditions, ethnoscapes, musical and dancing heritage.

Кензикеев Руслан Владимирович

докторант Казахской национальной академии искусств им. Т. Жургенова

Сайтова Гульнара Юсуповна

кандидат искусствоведения,

профессор Казахской Национальной Академии Хореографии

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА КАЗАХСТАНА

Резюме: В статье даны исторические сведения после приобретения Независимости Республики Казахстан. Инновации внесенные Первым Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым, касающихся вопросов национальных этнокультурных центров, национальных театров.

Ключевые слова: Ассамблея народа Казахстана, народный танец, фольклор, педагог, хореограф, танцевальный ансамбль, синкретизм танца, танцевальные традиции, этнос, музыкальное и танцевальное наследие.

Введение. В связи с нарастающей глобализацией жизни людей в многонациональном Казахстане, усиливается изучение народного искусства, фольклора и ряда существенных черт традиционной культуры, в том числе танцевальной культуры как казахского народа, так и других народов, проживающих в Республике. Развивая свою культуру, этносы стремятся к более полному отражению в ней своей истории, своего видения мира.

С возрастающей ролью этнокультурных и межэтнических взаимодействий, детальное изучение каждой из танцевальных культур актуально и поэтому, обусловлено необходимостью научного анализа данных этнических процессов: историческое наследие, национальные обряды, обычаи, традиции. К тому же, формирование этнических ценностей в значительной степени влияют на ориентацию и сложение идеологии в Казахстане.

Поэтому в начале 1990-х годов, Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Абишевич Назарбаев, высказал идею о объединении всех национальных культурных центров в единую организацию - «Ассамблея народа Казахстана», во всех областях республики были созданы малые ассамблеи. Историческим моментом явилась первая

сессия Ассамблеи, состоявшаяся 24 марта 1995 году в Алматы. В ее состав вошли представители 40 национальных культурных центров. «Ассамблея принимает самое деятельное участие в совершенствовании национальной политики. ... Ассамблея объединяет этнокультурные организации, их руководители входят АНК, а также малых ассамблей. В 2008 году был принят Закон «Об Ассамблее народа Казахстана», не имеющий аналогов в мире» [1].

Выступая перед делегатами на IV сессии «Ассамблеи народов Казахстана», Глава Государства Н.А. Назарбаев отметил: «Значительная часть истории Казахстана – это история этнического и культурного взаимодействия населяющих его народов, проникающего буквально во все сферы – язык, поведенческие стереотипы, мировоззрение, ментальность» и подчеркнул, что «межнациональное согласие основано на принципах единства и мирного сосуществования народов проживающих на территории нашей страны» [2].

Учитывая, что на территории Независимого Казахстана достойно проживают более 150 национальностей, Н.А. Назарбаев в своей «Стратегической программе 2050» провозгласил о необходимости активизации процесса изучения, сохранения и

развития различных аспектов каждого народа Республики [2].

Уделяя большое внимание «Ассамблее народа Казахстана», Н.А. Назарбаев подчеркивает о сохранение и изучение богатого культурного наследия каждого народа нашей Республики. И не случайно, по поручению Главы государства, в столице Республики Астане построен Дворец мира и согласия, где проводятся ежегодные сессии Ассамблеи народа Казахстана, съезды мировых и традиционных религий, знаковые мероприятия, оканчивающиеся большой концертной программой.

В концерте представляют самобытные произведения творчества народов Казахстана, где на уровне с профессиональными коллективами принимают участие различные народные и самодеятельные коллективы. Цель организаторов социально-значимых мероприятий – национальная политика страны, базирующаяся на принципах межнационального и межконфессионального мира и согласия. На сценических подмостках вместе с Государственными танцевальными ансамблями «Салтанат», «Алтынай» и Государственным Театром танца «Наз», «Шалкыма», высокий профессиональный уровень демонстрирует танцевальный ансамбль «Рухсара» Государственного Республиканского Уйгурского театра музыкальной комедии им. Куддуса Кужамьярова и танцевальная группа из Государственного Республиканского Корейского театра музыкальной комедии. На праздничных концертах вместе с народными казахскими танцевальными ансамблями «Казына», «Акку», «16 Кыз», «Кокшетау», «Жорга» и мн. другими выступают «Стокротка» Польского культурного центра, «Афродита» Греческого культурного центра, «Вайнах» чечено-ингушского НКЦ, «Парадиз» Павлодарского общественного объединения немцев «Возрождение», «Бахар» Азербайджанского культурного центра «Туран», танцевальные ансамбли татарского, башкирского, узбекского, армянского, турецкого и других этнических центров.

Сегодня государство поддерживает деятельность всех этнических центров. Важным направлением их деятельности – это, прежде всего бережное сохранение народных традиций, обычаев, знакомство с музыкальной, танцевальной культурой своего народа. Поэтому, многие здания оборудованы хореографическими классами, где преподают опытные педагоги и хореографы. Обучаясь национальным танцам, изучая историю, традиции, обычаи как своего, так и других народов – педагоги воспитывают уважение к культурному наследию и межкультурному общению.

Ежегодно, при поддержке республиканских, областных, районных акиматов проводятся международные, региональные фестивали, конкурсы-фестивали, среди которых имеют большую популярность «Шабит», детский конкурс-фестиваль «Бозторгай», Международный конкурс артистов балета (г.Астана). В этом году, по счету III конкурс,

который будет проходить с 11-17 сентября. Конкурс проводится в соответствии с решением попечительного совета частного фонда «Фонд развития и поддержки балета и национального танца» на базе Государственного академического театра оперы и балета «Астана Опера». Арт-директор фестиваля Асель Курманбаева, художественный руководитель «Astana Ballet». Председатель жюри Алтынай Асылмуратова, Художественный руководитель балетной труппы ГТОБ «Астана Опера», народная артистка Российской Федерации.

Всенародным стали Наурыз мейрамы, фестивали корейской, немецкой культур, татаро-башкирский сабантуй. На республиканском уровне проводятся форумы – праздники дунган, курдов и других народов.

На фестивалях наблюдается два основных процесса: первый – самопознание культур; второй – процесс взаимодействия и взаимовлияния народного искусства.

«Народное искусство и фольклор», по М.С. Кагана – «первобытное искусство», которые сохраняют на ранней стадии синкретическую форму двух взаимосвязанных «комплексов» - «мусического» и «технического» (пластического), а затем и позднее появившиеся элементы фольклорного творчества, который имеет такие термины, как традиционная хореография, или народная, или аутентичная.

Известно, народный танец синкретичен и по своей сути глубоко интернационален. В нем пересекаются пляска, музыка, игра-танец, вокал. Танцевальный образ раскрывает характер, манеру исполнения, а яркий национальный костюм, различные аксессуары, необычный головной убор подчеркивают и дополняют своеобразное творческое богатство народа.

В Республики бурное развитие получают и другие виды хореографического искусства. По инициативе главы Государства Нурсултана Абишевича Назарбаева в столице Астане были открыты Национальный академический театр оперы и балета «Астана Опера» (2013), Государственный театр «Astana Ballet» (2013) [3], а для подготовки профессиональных кадров в хореографическом искусстве, в сентябре этого года, открылась Казахская национальная академия хореографии (2016).

Национальный академический театр оперы и балета «Астана Опера» -это третий по величине оперный театр в мире. «Уникальная сцена, позволяет менять и устанавливать декорации для постановок с тремя актами. Под сценой на глубине тринадцати метров размещен нижний уровень – зал с автоматической системой управления. Оркестровая яма рассчитана на сто двадцать музыкантов. Зрительный зал выложен деревянными и латунными панелями, что обеспечивает отличную акустику. Подобная технология отделки применена и в репетиционных залах, их в театре двадцать шесть, а примерных комнат более шестидесяти» [4].

Театр открылся оперой «Atilla» Верди (премьера состоялась 21 октября 2013 г.). Продолжая лучшие традиции творческого сотрудничества с ведущими деятелями искусств мира, для постановки оперы руководство театра приглашает всемирно известных Пьера Луиджи Пицци (режиссер-постановщик), дирижера Валерий Гергиева из Мариинского театра. 24 октября состоялся грандиозный Гала-концерт «Рождение театра», с участием прославленных оперных и балетных мастеров Казахстана, популярных оркестров народных инструментов и танцевальных ансамблей, зарубежных и отечественных звезд эстрады.

В ноябре 2013 года - премьера балета Б.Эйфмана «Роден». Над подготовкой артистов работали приглашенные педагоги из Санкт-Петербурга Ольга Толмакова и Олег Парадник.

На базе оперных театров страны выходят в свет новые постановки, приглашаются именитые хореографы. Например, мэтр балетного искусства, народный артист СССР Юрий Григорович осуществил постановки в Государственном академическом театре оперы и балета им. Абая в городе Алматы. Он подарил алматинцам свои балеты «Легенда о любви» А.Меликова и «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева. В молодом театре «Астана Опера», только за первый сезон Ю. Григоровичем были осуществлены постановки балетов «Спящая красавица», «Щелкунчик» П.Чайковского и «Спартак» А.Хачатуряна. Выдающийся французский хореограф Шарль Жюд подготовил бессмертный балет С.Прокофьева «Ромео и Джульетта».

Растет и радует международная популярность молодого женского хореографического коллектива «Astana Ballet». Руководитель проекта Министр культуры и спорта РК Арыстанбек Мухамедиулы, поддерживая инициативу Главы государства Н.А. Назарбаева, говоря о задачах театра, во главу угла ставит - создание репертуара, соответствующего мировым балетным стандартам, но с особенностями национального колорита. Это поиск и создание репертуара новых танцев, одноактных балетов. Это - театр, умело сочетающий в своем репертуаре черты классического балета и современных танцев разных народов мира.

За небольшой отрезок времени (с 1 июля 2013 по настоящее время) коллектив «Astana Ballet» успел создать багаж оригинальных постановок, которые каждый раз радует публику. Среди них «Gaia» - хореограф-постановщик бельгийский балетмейстер Рикардо Амаранте; «Туманы времени» хореограф-постановщик, сценограф, художник по костюмам Исян Чжан (КНР); «Клеопатра» - балетмейстеры Николай Маркелов и Ксения Иванова; «Язык любви». Восхождение к Абаю, «Кармен», Мукаррам Авахри. Несмотря на свою молодость театр обладатель Премии Elle Style AWARDS.

Художественный руководитель Асель Курманбаева, стоявшая у истоков создания, Художественный руководитель А.Т. Алишева (2012-2014

гг.), главный балетмейстер А.А. Тати, режиссер-хореограф М.С. Авахри делают большой уклон в сторону синтеза казахского национального танца (танцевальной лексики) с современной хореографией, отвечающий современным тенденциям мирового искусства и отличающейся яркой национальной самобытностью.

Удачный синтез народного с классическим танцем и лексикой современной хореографии – одноактный балет «Алем». Это – балет философия, мысль о создании и сотворении мира всей тюркоязычной общности. Автор либретто Бахыт Кайырбеков - поэт, кинорежиссер, сценарист, заслуженный деятель РК, член Союза писателей, член Союза кинематографистов Казахстана. В основе сюжета лежит история рождения красоты и мира, обретения душой тела, ее испытания, искушения, отягощаемая разными сторонами света и тьмы В итоге она идет к восходу солнца, символизируя собой рождения нового человека. Приглашенные из России балетмейстер Никита Дмитриевский, в тесном сотрудничестве с композиторами Булатом Гафаровым и Армандом, сценографом Леонидом Басином, художником по костюмам Ася Соловьевой, художник-орнаменталистом Светланой Ивановой - решили, одну из главных задач – рассказать публике языком выразительной пластики о сотворении мироздания. Световая гармония и проекция 3D Mapping, обогатили балет новыми приемами, помогли раскрыть и дополнить идею балетного спектакля, переступить грань реальности, войдя в мир фантазии. А использование ударного инструмента (дангыра, дойра, дап) в современных ритмических рисунках, как бы открывал завесу тайн фольклорной самобытности тюрков. В балете используется и символика «Древо жизни», которое дает начало новой жизни.

Здесь уместно вспомнить слова кандидата искусствоведения, профессора, балетоведа Юрия Слонимского, писавшей, что «содружество балета с фольклором было и остается насущно необходимым. Начиная с первых шагов балета, фольклор всегда являлся одним из могущественных строителей системы театрального танца: об этом, в частности, говорят даже названия некоторых балетных па, фольклор питал своими соками театральный танец, непрестанно обновлял и обогащал его» [5, с. 222].

Сценические танцы, основанные на фольклоре, входят в репертуар спектаклей и концертных программ Государственного Республиканского Уйгурского театра музыкальной комедии им. К. Кужамьярова и Государственного Республиканского Корейского театра музыкальной комедии города Алматы. Обратим внимание, что в Казахстане 5 национальных театров. Кроме Уйгурского, Корейского существуют русский Государственный академический театр им М. Лермонтова, Немецкий, Узбекский областной в Таразе. Все театры вносят вклад в развитие многонациональной культуры Казахстана, занимая достойное место среди лучших

творческих коллективов республики, которые позволяют сохранять и развивать национальную культуру.

Уйгурский театр вырос на основе самодеятельного кружка «Синеблзников», и в 1934 году стал самостоятельным профессиональным театром. Сегодня, Уйгурский театр – это единственный профессиональный театр в мире, театр синтетический. В нем функционируют драматическая труппа, фольклорный ансамбль «Нава», танцевальный ансамбль «Рухсара», а также эстрадно-молодежные ансамбли «Яшлик» и «Сада». Уйгурский театр – это отдельная тема, поэтому не останавливаясь подробно, хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые значимые факты. Во-первых, спектакли идут на родном языке. Во-вторых, музыкальные танцевальные традиции бережно сохраняются и передаются из поколения в поколения, знакомя молодого зрителя с литературным языком, обычаями, образцами музыкального и танцевального наследия. Это народные песни, дастаны, отрывки из 12 мукамов, различные танцевальные стили. Артисты театра знакомят зрителей не только Казахстана, но и за рубежом. Им с большой теплотой принимали зрители Индии, Пакистана, Португалии, Египта, Турции, Китая, Финляндии, Англии, Америки. С 1991 года, почти ежегодно проходят взаимные гастроли театра и уйгурских артистов СУАР КНР.

Значимым событием в жизни театра было присутствие Президента Республики Н.А. Назарбаева на торжественной презентации нового здания театра, состоявшегося в 2002 году. В своем приветствии Президент подчеркнул, что «У нас в Казахстане созданы все условия для сохранения и развития уйгурской культуры, являющейся неотъемлемой частью многообразной культуры Республики. Большая роль в этом принадлежит Государственному Уйгурскому театру, где многие годы трудятся замечательная плеяда мастеров сцены. Значимый вклад в эту работу вносят и общественные объединения, такие, как Республиканский уйгурский культурный центр Казахстана».

Развиваясь в русле единой этнокультурной политики Казахстана, Государственный Корейский театр музыкальной комедии не только сохраняет национальный колорит, самобытность и язык, но и является неотъемлемой частью многонациональной республики, обогащая культуру корейцев, проживающих в полиэтничном окружении. В театре сосредоточены профессиональные силы, представляющие основные жанры корейского национального искусства: драматическая труппа, фольклорно-этнографическая группа «Самульнори», балет традиционного корейского танца и солисты-вокалисты.

Известно, история становления корейского театра в Казахстане связана с депортацией корейцев, проживавших в России на Дальнем Востоке. Придерживаясь национальных обычаев, традиций, нра-

вов, они сохраняли и фольклорное искусство, которое стало развиваться в различных самодеятельных кружках Приморского края Российской Федерации.

Первый национальный корейский театр в мире, зародился в Приморском крае Дальнего Востока в 1932 году. Изучая страницы истории Корейского театра, в связи с депортацией с Дальнего Востока (1937 г.) и многочисленными переездами корейцев внутри Казахстана, можно выделить 4 основных этапа.

Корейский театр, корейский сценический танец в современных условиях и сложившихся во всем мире тенденциях к глобализации не стоит обособленно в стороне, а напротив, устойчиво и планомерно интегрирует в межкультурное пространство. Благодаря государственной политике Казахстана, направленной на позитивное взаимодействие с зарубежными странами, были установлены контакты с исторической родиной артистов Корейского театра. Повышение квалификации, стажировки отечественных хореографов в КНДР, Республику Корея и наоборот, приезд корейских балетмейстеров в Казахстан, проведение ими мастер-классов и подготовка танцевальных номеров, в целом творческий взаимообмен подвиг к совершенствованию режиссерского и исполнительского мастерства, использованию инновационных подходов и методов при постановке, послужил определенным толчком в развитии корейского сценического танца.

Большим событием для театра явились гастроли в Россию. По специальному приглашению Генерального консульства Республики Корея в Санкт-Петербурге и при поддержке Министерства культуры и спорта Республики Казахстан артисты корейского театра приняли участие в мероприятиях Дней Кореи в России в 2014 году

Поддерживая процесс культурного взаимодействия и взаимообогащения на сцене Корейского театра ставятся спектакли и на казахском материале. Результатом успехов 83-его театрального сезона (2014-2015) являются три новые пьесы «Самая большая выгода», «Любовь женщины», «Генерал Ко Сон Ди».

Знаменательными событиями 83-го театрального сезона стало и участие артистов танцевальной группы, ансамбля «Самульнори» на концерте, посвященном XXII сессии Ассамблеи народа Казахстана, а также гастроли в Республику Корея и Россию. Так, 26 сентября 2014 года в Волгограде на сцене Царицынской оперы артисты показали театральное представление «Связанные одной судьбой», посвященное 150-летию переселения корейцев в Россию. О дружбе народов рассказывает спектакль «Небо голубой шатер», театральное представление «Памяти павших будьте достойны», посвященное Дню Победы 9 мая, традиционные корейские песни и танцы представлены в «Рожденном ветре мелодии».

84-й театральный сезон открылся премьерным спектаклем «Легко ли быть королевой» (Цой Ен Гын) в постановке режиссера из Республики Корея

Кан Те Сика, хореограф-постановщик Н.Ким, рассказывающим историю о том, кем мы можем быть, как можно добиться поставленных целей, как ценить самое ценное - любовь близких людей.

Корейский традиционный танец, бытующий на территории Казахстана, а также Кореи (южной и северной), Дальнего Востока - феномен корейской культуры в значении модели духовного мира и интеграции его в мировую цивилизацию;

- создание инновационных театрализованных представлений в синтезе с музыкой, поэзией, живописью делает уникальным явлением национальной культуры;

- наличие традиционной основы (через сохранение культурного наследия) в современных народных танцах позволило установить преемственность и жизнеспособность танцевального искусства корейского народа, подчеркивая его уникальность и ценность для мировой культуры в целом.

В заключение хотелось бы отметить:

- суверенитет и принципы демократии многонациональной Республики Казахстан потребовали проведения реформ в социально-экономической, политической и культурной жизни нашей страны.

Благодаря глобальной перестройке за годы Независимости страна продемонстрировала миру достижения политики и толерантности всех населяющих Казахстан народов. – Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Абишевич Назарбаев подает идею об объединение всех национальных культурных центров в единую организацию - «Ассамблея народа Казахстана» (в начале 1990-х); В 2008 году был принят Закон «Об Ассамблее народа Казахстана», не имеющий аналогов в мире»;

- по инициативе главы Государства Нурсултана Абишевича Назарбаева в столице Астане были открыты Национальный академический театр оперы и балета «Астана Опера» (2013), Государственный театр «Astana Ballet» (2013), а для подготовки профессиональных кадров в хореографическом искусстве, в сентябре этого года, открывается Казахская национальная академия хореографии (2016);

- все традиции отражают жизненный опыт многонационального народа Казахстана, и являются ярким примером художественно-исторической памяти.

Использованные источники

1. История создания Ассамблеи. Используются материалы «Ассамблея народа Казахстана»: исторический очерк/ Тугжанов Е.Л., Кан Г.В., Коробков В.С., Шаяхметов Н.У. – Алматы: Раритет, 2010. – 304 с. <http://rukhanialem.psu.kz/index.php/ru/etnokultura/istoriya-sozdaniya-assamblei> 09. 12. 2015 время 20:09
2. Назарбаев Н. А. IV сессия «Ассамблея народов Казахстана». <http://apgazeta.kz/2013/04/27/missiya-assamblei-v-xxi-veke/> 6.10.2014.
3. Электронный ресурс: kazakh-tv.kz/ru/view
4. Рыжкина Г. «Астана опера»: третий по величине оперный театр в мире. - Вуко 24/7. Культура. Театр. - 13 октября 2013. – Дата и время посещения 28 .07. 2016; 10:30
5. Слонимский Ю. В честь танца. – М.: Искусство, 1968

Petrosyan V. G.

*Doctor of pedagogical sciences, professor,
the director of Lyceum for gifted children at
Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov*

Капокова Ф.У.

*Candidate of art sciences, associate professor,
department of design and decorative-applied art
of Kabardino-Balkaria State University
named after H. M. Berbekov*

Braev R. F.

*Senior teacher,
department of design and decorative-applied art
of Kabardino-Balkaria State University
named after H. M. Berbekov*

Петросян В.Г.

*Доктор педагогических наук, профессор,
директор лицея для одаренных детей при
Кабардино-Балкарском государственном университете
им. Х. М. Бербекова*

Канокова Ф.Ю.

*Кандидат искусствоведения, доцент
кафедры дизайна и декоративно-прикладного искусства,
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова*

Браев Р.Ф.

*Старший преподаватель кафедры дизайна и
декоративно-прикладного искусства,
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова*

«YIN-YAN» AS DIALECTIC OF ORNAMENTE IN JEWELRY ART OF NORTH CAUCAS «ИНЬ – ЯН», КАК ДИАЛЕКТИКА ОРНАМЕНТА В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Summary: The symbols «YIN-YAN» which is typical for an ancient Chinese art finds out in jewelry of North Caucasian people from the end of XVIII and the beginning of XX century. Are these symbols of art the founders of ornamental dialectic in jewelry art of North Caucasus? We attempt to make a research for finding an answer to this question using the examples of Kabardian and Nogai jewelries completely opposite in shaping system and semantic ornamental motives. The result of this study will allow identifying the common dialectical principle as a traditional harmonizing factor, which is fundamental for jewelry art of the North Caucasus.

Key words: ornament, symbol, dialectic, jewelry, balance.

Аннотация: Символы «Инь – Ян», характерные для древнекитайского искусства, встречаются повсеместно в ювелирных украшениях Северного Кавказа конца XVIII – начала XX века. Являются ли данные символы основоположниками диалектики орнамента в ювелирном искусстве Северного Кавказа остается загадкой. Для поиска ответа делается попытка, на примере совершенно противоположных по системе формирования и семантике орнаментальных мотивов ювелирных украшений кабардинцев и ногайцев, провести исследование, которое позволит выявить общий диалектический принцип, как традиционный гармонизирующий фактор, являющийся основополагающим для ювелирного искусства Северного Кавказа.

Ключевые слова: орнамент, символ, диалектика, ювелирные изделия, равновесие.

Изучение орнаментики ювелирных изделий, бытовавших на территории современного Северного Кавказа, открывает перед исследователями удивительный мир символов и знаков. Среди этого

разнообразия, в декоре и формах изделий многих народов, довольно часто можно встретить символы «Инь – Ян» (Рис.1).

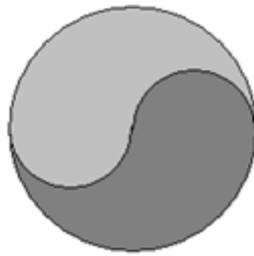

Рис. 1.

Изображение символа Инь – Ян. Изображение в виде круга, образа бесконечности, разделенного волнистой линией на две половины. Верхняя светлая – Ян, нижняя темная – Инь.

Большинство рассматриваемых изделий отвечает диалектическому принципу, характерному для древнекитайского искусства, что приводит к необходимости более глубокого исследования данной проблемы и поиска ответа на вопрос – «Являются ли данные символы основоположниками диалектики орнамента в ювелирном искусстве Северного Кавказа?».

Вопросы формирования орнамента у различных народов Северного Кавказа рассмотрены как в монографических исследованиях, так и в публикациях многих современных авторов, к таковым можно отнести труды Авацатурян Э.Г. [1], Аслановой Л.А. [2], Кузеевой З.З. [5], Мальбахова Б.Х. [6], Накова Ф.Р. [7] и др. Каждый из них рассматривает основы формирования орнамента, касаемо отдельного этноса, в контексте народного искусства многонационального региона, уделяя внимание таким аспектам, как семантика орнамента, сакрально-культурные основы формирования орнамента, они выделяют орнамент как знак, изучают проблемы генезиса орнамента, при этом, не уделяя должного внимания вопросам диалектики. К сожалению, ни в одном исследовании нет ответа на поставленный вопрос, что делает данную проблему открытой для дальнейшего изучения.

Целью данного исследования является нахождение решения для поставленной проблемы, изучение диалектических принципов взаимодействия противоположностей в орнаментике ювелирных изделий народов Северного Кавказа, как гармонизирующего принципа окружающего мира «Инь-Ян».

Инь – Ян – это основные понятия древнекитайской натурфилософии, «универсальные космические полярные и постоянно переходящие друг в

друга силы» (женское – мужское, пассивное – активное, холодное – горячее и т.д.). Учение о силах Инь – Ян систематизировано в приложении к «Книге перемен» («И цзин»), приписываемых Конфуцию, и развито в школе натурфилософов (иньян-цзя). Инь – Ян понимаются как «полярные модальности единого субстанционального начала – пневмы (ци), а этапы их зрелости соотносятся с «пятью стихиями» (дерево, огонь – Ян; земля – нейтральна; металл, вода – Инь)». В неоконфуцианстве Инь – Ян – проявления покоя или движения единой субстанции – Великого Предела (тайцзи) [3, с.304].

Борьба сил Инь и Ян рассматривалась как источник движения и изменения мира, что свидетельствует о наличии в мышлении древних китайцев элементов диалектики. Постоянная смена и чередование Инь и Ян составляют Дао, т.е. закономерный процесс развития мира [8, с.104]. По фэн-шуй, эти два начала должны находиться в совершенной гармонии.

Для поиска решения поставленной проблемы делается попытка, на примере совершенно противоположных по системе формообразования и семантике орнаментальных мотивов ювелирных украшений кабардинцев и ногайцев, провести исследование, которое позволит выявить в них общий диалектический принцип.

Предпосылкой исследования явились обнаруженные на территории современной Кабардино-Балкарии ювелирные изделия кабардинцев, датированные концом XVIII – началом XIX годов. Характерные древнекитайские символы встречаются здесь на серебряных пуговицах, поясных пряжках, деталях конской сбруи (Рис. 2).

Рис. 2. Древнекитайские символы на серебряных пуговицах, поясных пряжках, деталях конской сбруи. Кабардино-Балкария. концом XVIII – началом XIX годов. Частная коллекция автора.

Развитие рисунка от простейшего к более сложному сохранило сущность и содержание, вложенные в изначальный символ – равновесие: белое и черное (серебро и чернь), полированная и гравированная поверхности, «гравировка под глянec» и дражировка, гравировка и глубокая гравировка и т.д.

Символ Инь – Ян, нашел отражение и в искусстве ногайцев, дисперсно проживающих сего-

дня в различных регионах Северного Кавказа. Ювелирное искусство этого этноса обладает иными чертами - отсутствие, свойственное изделиям кабардинцев, обилия орнаментального декора, проявляется в цельности форм и монументальности. Особенно ярко диалектическая система просматривается в формах нагрудных украшений (Рис. 6), характерных лишь для ногайских женщин [4, с. 86].

Рис. 6. Традиционный женский ногайский костюм. Астраханский музей-заповедник. Начало XIX в.

На примере изучения ювелирных изделий двух народов – кабардинцев и ногайцев, выявлено, что большинство содержат символы идентичные Инь - Ян, не только в мотивах орнамента, но и в формообразовании вещи. Композиционный строй изученных изделий отвечает диалектическому принципу

(на уровне подсознания, без «философской нагрузки»), а основные «противоположности», превращают их в уникальные, гармоничные и самобытные произведения искусства. Для более наглядного примера, данные выводы приведены в таблице.

ИНЬ	ЯН
Плавные (кривые, изогнутые) линии	Прямые линии и углы
Растительный, зооморфный орнаменты	Геометрический орнамент
Темные цвета (чернь)	Светлые цвета (цвет серебра)
Приглушенные тона (оксидирование)	Яркие тона (позолота)
Неподвижность (ножны, элементы пояса)	Подвижность (лезвие, элементы пояса)
Мягкость	Твердость
Тупая часть	Острая часть
Металл	Дерево, кожа, кость
Холод (холод металла «нагрудника»)	Тепло (тепло бархата одежды)
Асимметрия	Симметрия
Отсутствие рисунка на изделии (тыльная сторона ножен кинжала)	Наличие рисунка на изделии (лицевая сторона ножен кинжала)

Со временем первоначальный «примитивный» рисунок постепенно дополнялся и видоизменялся

на основе местных традиций и собственных представлений мастеров о прекрасном. При этом терялся исходный философский смысл символа (Рис. 3).

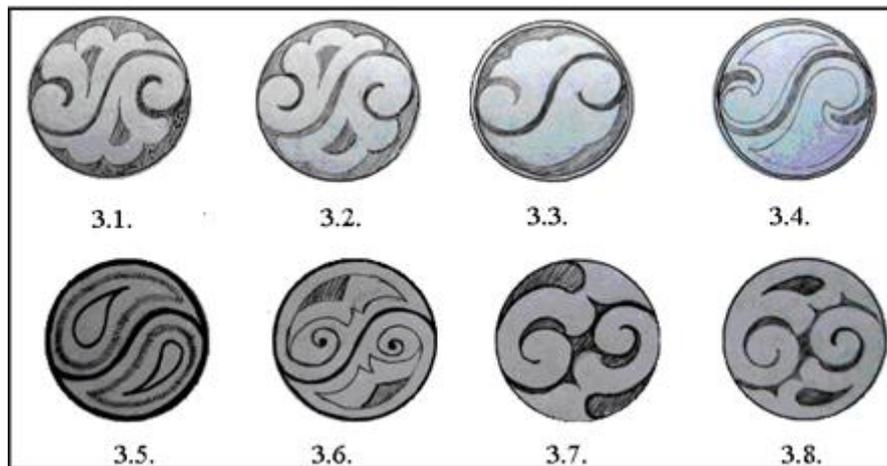

Рис. 3. Варианты рисунков на серебряных изделиях, выполненных в технике кавказской черни с использованием глубокой гравировки и чеканки.

Обнаруженные варианты рисунков на серебряных изделиях, датируемых уже концом XIX – началом XX годов, творчески переработаны, они выполнены в технике кавказской черни с использованием глубокой гравировки и чеканки (Рис. 3; типы 3.3, 3.4, 3.5, 3.6).

Трансформация символа нашла отражение в орнаментике изделий современных мастеров-ювелиров, например, в работах мастера Юсупа Юзбашева (1890 – 1989 г), много лет проработавшего в г. Нальчике (Рис. 3; типы 3.1, 3.2, 3.7, 3.8). В процессе творческой переработки, изменялось не только «содержание» символа, но и его форма, которая принимала в некоторых случаях вид овала (Рис. 4).

Рис. 4. Серебряная пуговица, овальной формы с мотивом Инь и Ян

Изделия с нарушением основного принципа равновесия встречаются в ювелирных изделиях и современных мастеров, из-за чего они теряют свою привлекательность, гармонию рисунка, которыми

славятся изделия мастеров Северного Кавказа. Для примера рассмотрим два кинжала, перегруженных орнаментом (Рис. 5; Рис. 6).

Рис. 5. Кинжал. Изделие выполнено с нарушением основного принципа равновесия. Работа современного мастера. XXI век.

На кинжале, изображенном на рис. 5, баланс смещён в сторону гравировки, в ущерб черни, на

кинжале, изображенном на рис. 6, фон почти полностью покрыт эмалью, позолоченные детали теряются на фоне мелкого эмалевого рисунка.

Рис. 6. Кинжал. Изделие выполнено с нарушением основного принципа равновесия. Работа современного мастера. XXI век.

Таким образом, на примере изученных ювелирных изделий раннего периода, можно сказать, что в искусстве Северного Кавказа «Инь и Ян» - это две взаимодополняющие противоположности, причем каждая имеет свои атрибуты и «поля энергии»,

они не могут существовать друг без друга. Это взаимодействие противоположностей и является традиционным гармонизирующим принципом окружающего мира, нашедшем яркое отражение в традиционных ювелирных изделиях Северного Кавказа.

Список литературы:

1. Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. – М., 1995.
2. Асланова-Ханфенова Л.А. Черкесский орнамент. Сакрально-культурные основы формирования. - Черкесск: Ин-т гуманитарных исследований, 2013.
3. Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. / гл. ред. А.М. Прохоров. - М.: «Советская энциклопедия», 1991. Т.1. 1991.
4. Канокова Ф.Ю. Декоративно-прикладное искусство ногайцев: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.04 / Канокова Фатима Юрьевна; [Место защиты: Моск. гос. худож.-пром. ун-т им. С.Г. Строганова].- Москва, 2012.- 192 л.
5. Кузеева З.З. Ногайское народное орнаментальное искусство // Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к будущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции г. Черкесск, 14-16 мая 2014. – С.363-366
6. Мальбахов Б.Х. Черкесское (адыгское) декоративно-прикладное искусство. – Нальчик, 2012.
7. Наков Ф.Р. Тхыпхъэ: Адыгская (черкесская) знаковая система. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010.
8. Философская энциклопедия, Т.2, М.: «Советская энциклопедия», 1962.

Петренко Дмитрий Владимирович

кандидат философских наук, доцент кафедры теории культуры и философии науки, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Petrenko Dmitry Vladimirovich

Petrenko Dmitry Vladimirovich. PhD (Philosophy). Associate Professor, Theory of Culture and Philosophy of Science Department, V.N. Karazin Kharkiv National University.

THE CINEMA OF DAVID LYNCH: MEDIA ANTHROPOLOGICAL RESEARCH КИНЕМАТОГРАФ ДЭВИДА ЛИНЧА: МЕДИААНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Summary

The article deals with the research of the anthropological strategies of the cinema of David Lynch. The problem “a man and film” is analyzed in the context of a much wider problem “a man and media”. It allows considering the cinema of David Lynch in the context of mediaanthropology. The purpose of the given article is to study the directions of representation of human in David Lynch's film. It deals not only with the reproduction of the human person's images fixed by ideology, but with the experiments of creating experimental toposes, where the rearticulation and opening of the human take place.

Keywords: film, media, anthropology, human, representation.

Аннотация

Статья посвящена исследованию антропологических стратегий кинематографа Дэвида Линча. Вопрос о соотношении человека и фильма анализируется в контексте более широкой проблемы «человек и медиа». Это позволяет рассматривать кинематограф Линча в контексте медиаантропологии. Цель данной статьи – исследование репрезентаций человека в фильмах Линча. В центре статьи – изучение не только медиального воспроизведения фиксированных идеологией образов человека, но и кинематографические опыты создания экспериментальных топосов, в которых происходит реартикуляция и размыкание представлений о человеке.

Ключевые слова: фильм, медиа, антропология, человек, репрезентация.

Постановка проблемы. Экспериментальный кинематограф осуществляет реконфигурацию антропологического опыта зрителя. Стирание различий «внутреннего/внешнего», «тела дисциплинарного / тела трансверсирующего», «диспозитива / голый жизни» превращает кинопросмотр в акт экспериментирования, реализуемый через серию идентификаций и дезидентификаций медиаобразом. Эта позиция представляет собой альтернативу эстетической идентификации фильма, которая, прежде всего, обращается к фиксации стилистических особенностей и включению кинообразов в серию легитимирующих дискурсов, объясняющих искусствоведческую, потребительскую или техническую ценность фильма.

Анализ последних исследований и публикаций. Для медиаантропологического рассмотрения (Д. Кампер, Г. Рауниг, В. Савчук) принципиально важным является воспроизводство/сопротивление идеологиям, которое воплощают медиаобразы. Так, фильм и его воспроизведение приобретают трансверсально-антропологическую ценность, становясь пространством борьбы разнонаправленных сил. Здесь история искусства важна не как легитимирующий дискурс, а как предшествующая событию фильма серия практик трансверсирования.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. В данном контексте особый интерес представляют фильмы американского кинорежиссера Д. Линча, и вбирающие в себя традиции

авангардной медиаобразности, прежде всего, сюрреалистической, и в то же время вписывающиеся в контекст так называемого постмодернистского искусства, никогда в полной мере ему не принадлежа.

Цель статьи – реконструкция трансверсально-антропологических стратегий актуализируемых в кинематографе Дэвида Линча.

Изложение основного материала. Сюрреалистические медиапрактики в достаточно радикальной форме воспроизводятся в дебютном полнометражном фильме Линча «Голова-ластик». Сюрреализм часто использовал радикальные телесные образы для того, чтобы реализовать свою главную антропологическую задачу – воздействовать на телесную идентификацию зрителя, сместить ее структурную целостность. Линч нередко воспроизводит этот сюрреалистический жест, уже в фильме «Голова-ластик» вырабатывая одну из своих трансверсальных киностратегий – вторжения. Искаженные тела вторгаются в сновидческое пространство фильма для того, чтобы стать трансверсальным аттрактором, остраивающим дисциплинарные пространства.

Л. Альтюссер, исследуя аппараты власти, пришел к выводу, что помимо таких структур как армия и полиция, непосредственно осуществляющих силовое воздействие государства на индивида, к аппаратам государства необходимо также отнести школу, университет и семью. Рассмотрение семьи как аппарата реализации государственной власти

позволило существенно расширить анализ идеологии, выявляя ее микроуровень: оказывается, власть охватывает индивида на всех уровнях, в том числе и тех, которые ранее считались частью личного пространства. Известный лозунг феминисток 1970-х годов «личное – это политическое», по сути, развивает тезис Альтюссера о проникновении идеологии в самые интимные аспекты человеческой жизни [1, с. 8].

Семья как проводник власти и насилия идеологии, охватывающей индивида с самого рождения, в фильме Линча «Голова-ластик» подвергается деконструкции: появление монструозных тел подрывает систему господства. Ребенок-мутант – линчевская версия насекомого из «Превращения» Ф. Кафки – это вызов любым формам идеологической интерпелляции. Если задачи фильмов о семье – это воспроизводство дисциплинарных семейных ролей, то «Голова-ластик» демонстративно переворачивает каноны жанра, создавая при помощи гротескных и кошмарных образов пространство деидеологизированной семьи. Аппараты власти здесь не работают: предъявление катастрофического тела ребенка отражает самые изощренные стратегии власти/знания и, таким образом, вносит трещину в первичный акт идеологической интерпелляции, через фигуры родителей превращающей индивида в субъекта идеологии.

Один из основателей шизоанализа Ф. Гваттари очень высоко ценил фильм «Голова-ластик», так как увидел в нем аудиовизуальную реализацию противостояния психоаналитической фиксации на отношении ребенка и родителей. Голова-ластик – это анти-Эдип, подрывающий психоаналитическую герменевтику детской сексуальности. Классическая психоаналитическая эдипова схема здесь не работает. Ребенок в фильме «Голова-ластик» – не объект, над которым совершается символическое насилие, а скорее, источник трещины, которая постепенно поглощает и так остраненную семейную модель. Ребенок в фильме Линча – парадоксальный объект, искажающий любую возможность нормативной семейной конфигурации, позволяющей ее идентифицировать как аппарат власти.

В качестве такого парадоксального объекта в фильмах Линча часто выступает искаженное или фрагментированное тело. Так, в фильме «Синий бархат» подобным телесным аттрактором становится отрезанное человеческое ухо. Фильм «Синий бархат» выстраивается на двух уровнях: упорядоченный мир провинциального американского города и непристойная изнаночная реальность, переполненная насилием и перверсивной сексуальностью. Главный герой, Джефффри, представляет первый мир. Его образ дает приемлемую для зрителя идентификацию и поэтому, по замыслу Линча, должен стать проводником во второй, скрытый мир, который находится за замечательной декорацией одноэтажной Америки.

Аккуратно подстриженные газоны, регламентированные привычки жизни небольшого города,

воспроизводящие социальные роли жители – это лишь поверхность репрезентации, которая выполняет задачу вовлечения зрительского внимания, ориентированного на серию интерпелляций. Уже в первых сценах фильма Линч дает понять, что его задача – не воспроизводство репрезентации, а ее плавное смещение через демонстрацию серии вторжений: аффективные образы триллера на телеэкране в доме героев, инфаркт отца Джефффри, насекомые, копошащиеся под газоном.

Подлинным аттрактором становится найденное Джефффри человеческое ухо, оно как будто открывает вход в другой мир, прежде закрытый для Джефффри и, соответственно, зрителей. Отвратительный парадоксальный объект, отрезанное ухо фактически служит тем, что в риторике называется interrupцией: оно создает пробел, прерывность в повествовании, и в то же время направляет дальнейшие линии трансверсальной алеаторизации. Джефффри начинает расследование и постепенно погружается в эту скрытую и опасную реальность условного второго мира. Фактически Джефффри занимает позицию детектива – удобную антропологическую ловушку для зрительского восприятия. В этом фильме вырабатывается линчевская стратегия трансверсальной алеаторизации: вовлечение зрителя в пространство фильма при помощи воспроизводства узнаваемых стереотипов повествовательного кино.

Ориентированный на серию кинематографических интерпелляций, ожидающий визуального удовольствия от следования за нарративными конструкциями зритель фильмов Линча на самом деле становится объектом антропологического эксперимента. В этом отличие Линча от постмодернистов, для которых воспроизводство нарративных схем необходимо лишь для создания эффекта иронической дистанции от эпохи классических повествований. В хрестоматийном постмодернистском романе «Имя розы» У. Эко воспроизводство стереотипов исторического романа и детектива подчинено главной задаче – демонстрации условности любого художественного произведения, его сконструированности, так как роман – это не более чем текст, интертекстуально соотносящийся со множеством других текстов. Кинематограф Эко рассматривает подобным образом: в работе «Отсутствующая структура» философ пытается сформулировать семиологическую теорию кино и визуального восприятия через понятия «код», «иконический знак», «сообщение», сводя визуальную культуру и визуальную коммуникацию к специфической знаковой системе.

«Синий бархат» Линча демонстрирует всю несостоятельность базовой для многих линий постмодернизма семиологической теории визуальной культуры. Центральные образы фильма, как будет показано далее, не являются знаками. Они представляют собой *интерруптивные аттракторы* – травматичные объекты, аффективные образы, кото-

рые сопротивляются любой кодификации и семиотизации. Интерруптивные аттракторы, по сути, и предъявляют опыт киновосприятия, так как они непосредственно апеллируют к визуальной и аудиальной перцепции, в отличие от акта чтения, свершаемого через посредничество кодов знаковых систем.

В этом заключается несостоятельность семиологических теорий кино и, шире, медиа: заключение медиаобразности в тиски семиологических категорий приводит к насилию текстуальности, абсолютизируемой лингвистическим поворотом. Конечно, семиологические исследования существенно помогли в изучении проникновения диспозитивов власти в кинообразы: и в реконструкции связи нарративного кино и идеологических интерпелляций, и в описании эффекта вторичных коннотаций, пристегивающихся к медиаобразам и манипулирующих зрительским восприятием, и в подготовке рассмотрения пространства фильма как сконструированного пространства репрезентации. В теории кино Эко коды восприятия и коды узнавания позволяют проводить дешифровку кинообразов и понимать структуру киноповествования. Но при анализе медиапроектов, ориентированных на раскрытие трансверсального, данные концепции беспомощны, так как они фактически исключают возможность осмысления антропологического преобразования и стирают событийность акта киновосприятия, сводя его исключительно к туманной метафоре чтения,

Фильмы Линча демонстрируют антропологическое использование нарративных конструктов, которые становятся не более чем инструментами завлечения, но не в пространство коммерческого аттракциона, воспроизводящего стратегии власти в кинематографе культурной индустрии, а в линии ускользания, производимые трансверсальной алекторизацией. В «Синем бархате» Линч только начинает разрабатывать данные медиастратегии производства трансверсального, активно вводя в стереотипные нарративные конструкции интерруптивные аттракторы для того, чтобы привести Джеффри, а вслед за ним и зрителя в изнаночный мир, травматичный для пронизанного интерпелляциями восприятия.

Расследование приводит Джеффри к двум фигурам этой скрытой реальности: певице Дороти и лидеру преступного мира Фрэнку. Один из самых скандальных эпизодов фильма – это сцена перверсивных сексуальных отношений Фрэнка и Дороти, в которой используется кусок синего бархата. Эту сцену зритель как будто бы смотрит глазами Джеффри, который прячется в шкафу в комнате Дороти. Джеффри здесь занимает позицию вуайера, усиленную использованием субъективной камеры, что также включает в вуайеристский взгляд и видение кинозрителя.

Часто данная сцена рассматривается исследователями в психоаналитических категориях. Так, С.

Жижек строит свою интерпретацию на идее терриоризации перверсивных образов в эдиповой схеме, воспроизводя всю психоаналитическую мифологию: репрессивная фигура отца, непристойное влечение к матери, фетиш – кусок синего бархата – актуализация ускользающего объекта а. На самом деле психоанализ здесь восстанавливает пошатнувшийся символический порядок: сцена настолько радикальна, что, действительно, провоцирует у зрителя перцептивный шок, поэтому психоаналитическая герменевтика здесь приходит на помощь, вводя объяснительный эдипиальный комментарий к аффективной образности фильма.

Однако с позиций трансверсальной антропологии важным в сцене с Дороти и Фрэнком является как раз преодоление нормированных сексуальных отношений, уводящее как от фиксации в аппаратах власти, распределяющих возможные ролевые модели в отношениях между мужчиной и женщиной, так и от психоаналитических интерпретаций, вгоняющих перверсию в проявления репрессированной сексуальности и оковы эдиповой схемы. Поэтому центральным объектом в данной сцене с точки зрения трансверсальной антропологии является небольшой кусок синего бархата, который Фрэнк использует в своих перверсивных действиях.

Для психоаналитической интерпретации синий бархат будет типичным фетишем, который свидетельствует об обнаружении ребенком отсутствия у матери пениса, так называемом комплексе кастрации. Фетиш – это и свидетельство первичной нехватки (реальной, как в теории Фрейда, или символической, как в анализе Лакана), и в то же время условие доступа к табуированному удовольствию: фетиш и является субститутутом пениса, и по принципу смещения воспроизводит первичную сцену травмы.

Таким образом, фильм становится историей травмы, о которой у психоаналитического киноисследователя существует определенное предзнание, что и направляет ход дальнейшей интерпретации: поставить диагноз и героям фильма, и, возможно, режиссеру, а сам фильм использовать исключительно как иллюстрацию к уже известным психоанализу герменевтическим схемам. У данного подхода есть два недостатка: 1) он антимедиален, так как при подобном использовании психоанализа не важно, с каким материалом работает исследователь: будь то новелла Кафки или картина Л. да Винчи; 2) он игнорирует потенции трансверсальности, акцентируя внимание лишь на подавленной сексуальности и искаженным ее проявлениям через действия героев.

В контексте трансверсально-антропологического исследования синий бархат важно понимать не как заместительный фетиш, а как интерруптивный аттрактор, вторгающийся в восприятие зрителя, увлеченное штампами детективной наррации. Синий бархат проявляется в фильме в трех ипоста-

сях: 1) символической: синий бархат как плавающее означающее; 2) аудиальной: синий бархат как песня, звучащая на протяжении фильма; 3) визуальной: синий бархат – это просто визуальный объект, провоцирующий действия героев фильма, но в то же время и театральная занавес, раскрытие которого маркирует начало фильма, и халат Дороти – *femme fatale*, вносящей деструкцию в упорядоченный мир Джеффри.

Конечно, для психоаналитика кино здесь возникает параллель: как поднятие занавеса предвещает зрителю фильмическое зрелище, так и снятие халата Дороти обнажает ее плоть – предмет влечения героя фильма. Зритель в психоаналитических исследованиях кино – это вуайер, жаждущий удовольствия, а структуры фильмического, такие как кадр, в игре присутствия и отсутствия воспроизводят ритмы сексуального желания (возбуждение и сдерживание). Как пишет по этому поводу К. Метц, «Эти процедуры сокрытия/раскрытия можно также сравнить с определенной кинематографической “пунктуацией”, в особенности, когда они производятся медленно и отмечены заботой о дозировании показываемого и эффекте ожидания (медленное появление объекта в кадре, медленное исчезновение из кадра, использование диафрагмы, очень “растянутый” наплыв» [2, с. 111, 112].

Занавес скрывает и открывает кинематографические образы, синий бархат замещает и демонстрирует непристойное удовольствие. В этой точке – главное расхождение психоаналитического и трансверсально-антропологического исследования кино: удовольствие не должно быть базовым понятием при исследовании антропологических эффектов кинообраза. Это ни в коей мере не отменяет значимости психоаналитических исследований кино, но в то же время ограничивает язык психоанализа его применением лишь в локальных ситуациях трансверсально-антропологического исследования: ставка на удовольствие как базовую антропологическую категорию часто воспроизводит гедонистические идеологии позднекапиталистического общества, и психоанализ зачастую становится легитимизирующей их нарративной.

В фильме Линча синий бархат создает серию «означающее – образ визуальный – образ акустический», которая, будучи формально включенной в нарратив, становится главной стратегией ее подрыва. Синий бархат – это ритуальный подпольный

мира, в который Линч погружает зрителя, следующего за взглядом вуайера-расследователя Джеффри. Выполняя функцию интерруптивного аттрактора, синий бархат разрушает кинорепрезентацию и порождает трещины в интерпеллированном восприятии зрителя. Данные процедуры воплощают линчевскую медиастратегию трансверсальной алегоризации, подвергающую де(кон)струкцию сформированные идеологии идентичности зрителя и демонстрирующую радикальный перверсивный телесный опыт как вторжение в воображаемую целостность дисциплинарного тела. Синий бархат прочерчивает серию ускользаний за рамки кинорепрезентации и опирающихся на нее идеологий, расшатывая дискурсивный порядок и демонстрируя перверсивную образность.

В фильме «Синий бархат» Линч только лишь намечает свои трансверсально-антропологические стратегии, в полной мере заявленные в более поздних фильмах, прежде всего, в одном из важнейших фильмов 1990-х годов – «Шоссе в никуда», в котором режиссер демонстрирует отшлифованную в опыте реализации ряда предыдущих кинопроектов стратегию воспроизводства нарративов. Обращение к нарративности у Линча, как уже было обозначено выше, связано с необходимостью перцептивного вовлечения зрителя в кинематографическое действие [3, р. 314]. Узнаваемые нарративные штампы здесь – это ловушки, захватывающие восприятие зрителя, постепенно подводимое к перцептивной и когнитивной катастрофе.

Выводы и предложения. В отличие от авангардной стратегии вторжения, использованной Линчем в фильме «Голова-ластик», стратегия вовлечения более эффективна для актуализации трансверсальной алегоризации, так как, потенциально играясь со стереотипами жанрового кино, она усыпляет защитные механизмы зрителя, – ведь это всего лишь кино, развлекательное кино. В этом пункте можно увидеть главное расхождение кинематографа Линча с доминирующими линиями эстетики постмодернизма: воспроизведение типичных жанровых нарративов у режиссера служит не для создания ироничной дистанции по отношению к фильму/тексту после «смерти автора» и разоблачения «эффекта реальности», а для иммерсивного воздействия на зрителя, идентифицирующего себя с узнаваемыми персонажами жанрового кино.

Список литературы

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства Луи Альтюссер ; пер. с фр. С. Рындина ; под ред. И. Калинина и В. Софронова // Неприкосновенный запас. — 2011. — № 3 (77). — С. 3—15.
2. Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино / Кристиан Метц ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной; науч. ред. А. Черноглазов. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. — 336 с.
3. Olson G. David Lynch : Beautiful Dark / Greg Olson. — New York, NY : Scarecrow Press, 2008. — 752 p.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Kalaur Svitlana Mykolaivna

Ph.D., associate professor, doctoral candidate of Pedagogy and Education Management department of Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University

COMMON APPROACHES TO THE TRAINING OF FUTURE SOCIAL SPHERE EXPERTS IN CONFLICTS RESOLUTION

Abstract: the necessity of future social sphere experts to resolve conflicts that may arise during their professional activities is justified in the article. The need of theoretical knowledge and practical skills in solving professional and personal conflicts for the future experts was analyzed. Contradictions, that are unresolved in the formation of adequate level of preparedness for conflict resolution for future social sphere experts were investigated. The main attention was focused on the characteristics of a systematic approach and development of the training system for conflict resolution of future social sphere experts. Practices, influencing the students' competence in resolving conflicts, were analyzed.

Keywords: future social sphere experts, conflicts resolution, systematic approach, system, method of formation.

Formulation of the problem. International educational space requires innovative transformations from higher educational institutions of Ukraine, related to the training of future experts. Taking into account the fact that today there are quite a lot of problems in the social sphere, first of all, fundamental changes must be applied to conceptual approaches in preparing a new generation of future experts, who will be able to successfully address them. Therefore, the theoretical knowledge and practical skills that students will gain (social teachers, social workers, psychologists and practical psychologists) while studying in higher education institutions must substantially improve their professionalism. As noted by V. Kremen [1], the strategic goal of higher education development in Ukraine is the training of the professional that «is capable of effective vital activity in the twenty first century» [1, p. 231]. We fully share the position of scientists [6], that today the strategy of training of experts with higher education is fundamentally changing, the principle becomes the search and selection of scientific information that is needed for further improvement of professional activity, and «competitiveness of expert with higher education is not based anymore on the amount of knowledge acquired during the training, but on the ability to use his creativity and ability to replenish and to gain the knowledge» [6, p. 23].

Social sphere of Ukraine fully reflects the current state and conflicts of the entire Ukrainian society. In particular, the practice of the organization and provision of social services shows that our country is the process of a fundamental reassessment of values, the rise of various social problems of clients of social services is observed. Accordingly, the primary need is to considerably improve the content and methods of professional training of future social teachers, social workers and practicing psychologists, based on consideration of competence in the field of conflict resolution.

The future expert in his professional activities will be tangent to solving of various personal and professional problems of his clients. So while studying in

higher education, it is advisable to form in students the solid theoretical knowledge and practical skills, as well as the abilities to prevent and resolve conflicts. From this position, the leading idea of the whole educational process in higher educational institutions can be considered the providing of continuous training of future bachelors and later masters in that field. We believe that the training of future social sphere experts should be focused on the development and improvement of personal qualities, professional mobility formation, as well as on innovative approaches to solving complex professional tasks that usually have conflictological coloring.

Analysis of previous studies. We can state the fact that the subject of numerous psychological and educational research of scientists were the forms of conflicts expression, investigation of main reasons of their causes, behavioral characterization of interaction subjects, mechanisms of conflict resolution. In particular, common approaches for coverage of the conflict culture of experts were scientifically justified in the writings of V. Andrieiev, N. Hrishyna, V. Zhuravlyov. Components of conflict competence were represented in the works of T. Kovshechnikova, H. Shchedrovitskyi.

However, it was found that the author's interpretation of the scientific definition of the «conflict competence», «conflict readiness» is quite profound and represent a significant interest, but it does not include social sphere features and does not reveal all aspects of professional training of future experts in conflict resolution. As for today in Ukraine nobody conducted thorough and complex science research, which would be related to the development of an integrated system design of conflict competence during the continuous education in the system of «College – University – training»; methodology of design and organization of educational environment in the context of innovative educational technologies did not become the subject of a thorough study. Taking into account the above-mentioned, we consider it appropriate to examine more thoroughly the theoretical and practical approaches to

the development and implementation of training system in resolving social conflicts for future experts.

The purpose of this article is aimed to study the nature and content of the system approach and analysis of the most promising methods for training of future social sphere experts in conflicts resolution.

Materials and findings. Note that in the most general overview the professional activities of social sphere experts are aimed at the implementation of government programs: social protection of the unemployed and the homeless; social adaptation of persons with mental disabilities; social guarantees to servicemen; employment and social adaptation of adolescents and young people; social care of patients with HIV infection; social adaptation of persons released from prison. In particular, social teacher, practical psychologist and social worker should be professionally competent and have profound and diverse knowledge (in philosophy, sociology, theory of social work, legal disciplines, psychology, pedagogy, political science and conflict studies), to be able to work with different social, age, religious, ethnic groups and individuals; know the basics of organizational management, research, analytical, scientific and educational activities.

In the beginning let's analyze the essence of «professional competence». We should note that the term consists of two terms – «profession» and «competence». Profession (from Lat. *Professio* – officially specified occupation) – type of employment of person who has a set of theoretical knowledge and practical skills obtained in the result of special training and experience. The scientific definition of «professional competence» O. Ovcharuk [5] states as the unity of theoretical and practical training of students, which involves a combination of knowledge with professionally significant personal qualities. V. Yahupov and V. Svystun [7] believe that professional competence is a complex integral professional and personal formation which is created «in the process of training during higher education, manifested, developed and improved in professional activities, depends on the types of theoretical, practical and psychological training, personal, professional and individual mental qualities, values, content and features of this activity» [7, p. 6]. Namely, only the combination of theoretical and practical training of expert for future career will contribute to his professional competence.

It is acknowledged that each type of professional activity requires from individual certain competencies, which are integrated into the process of setting up of vital competence and act as a result of development and self-identity. Professional competence is a manifestation of professional culture of an expert. It serves as the fundamental principle of professionalism, the main characteristic of personality and is closely linked to successful activities in professional situations. The global scientific community singled out four major professional competencies: ability to learn throughout life – professional and methodological competence (learning to know); ability to perform professional activities – competence of professional activity (learning to do);

the ability to live in society – social and communicative competence (learning to live together); incipience of a person as personality – personal competence (learning to be).

During the research, we came to the understanding that professional competence of future social sphere experts includes the level of basic and special education, the ability to accumulate vast life and professional experience, and to predict the possible consequences of their own activities. Professional competence acts as a significant positive result of the education and envisages expert's readiness to effectively organize his internal and external resources for the solution of professional tasks. Professional competence of future social sphere expert, in terms of competence approach, should be considered as an integral part, characterized by the culture of work and interpersonal interaction, the ability to proactively and creatively solve professional problems. A professional should be flexible, mobile, able to acquire and analyze the information, use it for the individual development and self-improvement, be able to generate new ideas, make unconventional decisions and bear responsibility for them, use knowledge as a tool for solving problems in life and professional and personal conflicts. Thus, the prominent place in structure of professional competence must be occupied by the competence in the field of conflict resolution.

It was found that during the practice an expert can experience possible conflicts with customers, as well as with his colleagues. On the basis of summarizing the scientific views of experts we believe that formed readiness for conflict resolution has to be the integral part of the professional competence of the future social sphere expert, which includes: theoretical knowledge of conflicts; diagnostic skills to identify the conflict in a professional environment at the initial stages of its emerging and application of constructive technologies to solve it; knowledge about the best way to resolve the conflict. However, full commitment to conflict resolution in students of following majors: social education, social work, psychology and practical psychology is not formed. They have no internal motivation for self-improvement in this area, cognitive and conative areas are immature, there is no reflection. We should note that our study did find some contradictions between: the requirements set by the organization of professional training in connection with the modernization of the educational sector and the requirements of the employers (during the modernization of social services) and requirements of society (review of professions image) and somewhat outdated approaches that take place during experts' training; the need to design a coherent process of continuous professional training in accordance with the state educational standards, educational and qualification characteristics and lack of preparedness of lecturers for this subject-methodical activity. On a practical level we found the contradictions between: the development of the conflict science, general content research of professional competence and lack of development of modern scientifically based approaches and methods of professional competence formation of

future social sphere experts in conflict resolution; strengthening of the positions of acmeological, system and competency approaches in the educational paradigm and inert traditional system of professional training of future social sphere experts; the perspective of the use of teaching methods based on cloud services in the disciplines that form the students' willingness to resolve conflicts and insufficient level of usage of interactive methods in their implementation.

Resolving these contradictions and multidimensionality of determined questions cause purposeful scientific search of the optimal educational solutions. First of all we note that stated stage of pilot study was organized on the basis of Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University; Khmelnytsky National University; Sumy Makarenko State Pedagogical University; Zhytomyr Ivan Franko State University; Kharkiv Humanitarian Pedagogical Academy. The results of complex survey showed that graduates of the fourth year, acquiring education level «Bachelor», have quite low theoretical knowledge in the field of conflict, they cannot find the best way out of difficult conflict situations, «Self-concept» is not formed.

Based on the fact that the conflicts will inevitably accompany the social sphere where future experts will work, teachers must master the technology of behavior in conflict situations and train their students: correctly identify real participants of conflict situation; analyze the possible consequences, motives, goals, aims, interests, clients' character features; determine the professional competence of all parties of the conflict; on the basis of valid methods quickly detect the interpersonal relationships of conflict parties; be competent to determine the true cause of conflict, which arose in life of clients; reveal attitude to conflict of the persons who are indirectly involved in a conflict situation, but interested in its effective resolution.

In the study, we have put forward a working hypothesis that the significant perspective in improvement of the professional training of future experts in conflicts belongs to using the simulation situations in form of a game, which should be directed to: compliance with delicacy during the dialogue with clients; holding from imposing of their own position to clients; forecasting of possible pressure consequences from the side of clients; using the most appropriate strategy for the conflict behavior, providing a choice between compromise, cooperation, competition, concessions, avoidance; controlling their emotions; using of assertive behavioral strategy in their future careers.

Note that adjustment of possible understanding between the parties of the conflict in the social sphere is not simple, use of certain methods can contribute to solving the conflict, namely: the method of introspection, empathy, logical analysis. In particular, the method of introspection is the ability to put yourself in the place of opponent, to imagine his thoughts, feelings, and draw conclusions about the motives and external irritants of his behavior. This method is effective, but it borders with the threat to falsely consider your own thoughts and feelings as the thoughts and feelings of

another person, also to improperly recreate the image of your opponent and his desires and expectations. When putting himself in the shoes of his opponent, the student must learn to adequately compare the performance and behavior of the individual with real impression of him. At the workshops students have the opportunity in the form of a game to exchange positions with clients. The method of empathy is based on technique of penetration into the feelings of another person. This method is useful for emotional personality, capable of intuitive thinking that allows full trust to his intuitive sense. Its application on practice will enable the student to stop in advance the intelligent interpretations and understand the claims of client, with whom he will work in the future, providing a certain social services. The method of logical analysis is focused on people with rational thinking. It provides an opportunity to understand the interlocutor, to recreate a system of intelligent ideas about him and specific difficult life situation in which he was caught temporarily. Using logical analysis will help future social teacher to predict and correctly prevent a large number of professional conflicts that may arise during the delivery of social services to the clients of social institutions.

In practice, in formation of high level of professional readiness of the future experts to resolve conflicts that arise in professional activity the important role is played by scientific and balanced approach to developing and implementing a systematic approach and developing on its basis an integrated educational system. This assumption was put forward by us, based on the analysis of works of L. Bertalanffy, V. Brusin, A. Dakhin, N. Kuzmin, H. Schedrovytskyi, which explored fundamental questions of designing the educational systems.

Based on the main objectives that we set ourselves, we can consider the central point in our study the usage of a systematic approach that involves «epistemological perspective or a particular dimension of reality» [4, p. 8]. The essence of the systems approach is that additional sub-models are introduced based on the expansion of the system, taking into account a variety of factors and trends in the dynamics of the study. System approach allows building a clear and logical sequence of forms and methods of students' training to work on resolving professional conflicts. It provides a clear logic and it is based on the sequence in the educational process organization. Based on a systematic approach the training of future social teachers and social workers should be considered in connection with purpose, objectives, organization of training and methodological support aimed at concrete results - a high level of preparedness for this type of activity. Our vision of systematic approach involves: a clear definition of the «system» concept; research of the system components; usage of modeling procedure to design and build a model of system of future social sphere experts training for solving conflicts in professional activities; experimental verification of its effectiveness.

System approach implies that the conflict knowledge and skills, which are formed in the course

of training, should be inextricably linked and should form a coherent system. Based on works of V. Yahupov [8], specific rules were singled out, while implementing this approach in the training of students, such as: structuring the content of theoretical material and its logical distribution; transition from simple forms and means to more complex; a clear separation of the main topic in educational material that students learn; consideration of future careers specifics in the study of theoretical material about conflicts. The systematic approach is the basis for development of training system of future social sphere experts to resolve conflicts in professional work. The scientific definition of «system» in a philosophical dictionary is interpreted as a category that reflects not something separate and indivisible, but involves contradictory unity of many and integer at the same time. From an educational point of view, the system is a set of a certain number of elements, where each one affects the behavior of a system, but none of the specific elements in the case of independent existence has this kind of impact. In the Education Encyclopedia it is stated that «training system is a means aimed at implementation of objective» [3, p. 516].

Summing up the information provided, the scientific definition of «system» we can describe as a set of specific elements that determine the activity and contribute to the overall objective achievement through interconnection and interdependence of the constituent elements that are used. In the study, we strived that our developed and implemented system of professional training had a significant influence on the formation of a high level of readiness of future social sphere experts for conflict resolution in professional activities. Thus, the professional training system of future social sphere experts to resolve conflicts in professional activities must have a specific structure and consist of certain structural elements. We will stop briefly on the characteristics of approaches to the isolation of the structural components of the system that will be sufficient for the formation of a high level of readiness of the future social sphere experts in that direction. In the context of

the structural characteristics of the system it was based on the understanding of Y. Halahuzova, stating that the system should include «a set of interrelated tools, methods and processes, required to create an organized, purposeful and intentional pedagogical influence on identity formation with desired qualities; ensure the implementation of value-semantic, regulatory, technological and procedural productive functions; contributes to the goals of human development» [2, p. 73].

Structural components of the system should reflect internal and external connections between components and ensure the effectiveness of the whole process of formation of professional readiness of the future social sphere experts for conflict resolution. It means that developed system of future social sphere experts training for solving conflicts in professional work must include a specific set of interrelated principles, approaches, methods, forms, that should have a significant influence on the formation of all components, criteria and indicators of readiness.

Conclusions. Study of the nature and specifics of professional conflicts that may arise in the social sphere by students will increase their general professional competence. We believe that the theoretical knowledge and practical skills will allow future professionals, who work in the social field, to prevent the emergence of conflicts and to provide professional qualified practical recommendations; to avoid destructive conflicts; to solve the conflicts by reaching a consensus; to defend their position and find arguments to stay on the chosen path while helping the clients. Forming a high level of professional readiness of the future social sphere experts for conflict resolution presupposes the existence of subsystems of a united system, each of which has to combine specific components. We can predict that introduction of the system approach and development and implementation of a system in the training of future social sphere experts will have a positive impact on the formation of their readiness for conflict resolution.

List of references:

1. Higher education of Ukraine and the Bologna process: teachers guidance book. / [Edited by V.H. Kremen]. – Ternopil: Educational book – Bohdan, 2004. – 384 p.
2. Halahuzova, Y.N. Theory and practice of professional systematic preparation of social teachers: Diss. Of PhD: 13.00.08 / Halahuzova Yulia Nykolaevna. – M., 2001. – 373 p.
3. Education Encyclopedia / [Academy. of pedagogical sciences of Ukraine]; chief editor V. H. Kremen. – K: Yurinkom Inter, 2008. – 1040 p.
4. Methods of systematic pedagogical research: Textbook. Edited by N.V. Kuzmyna. – Moscow: People's Education, 2002. – 208 p.
5. Ovcharuk O. V. Competency development approach: strategic goals of the international community / O.V. Ovcharuk // Competence approach in modern education: world experience and Ukrainian perspectives: library of educational policy / under edition of O.V. Ovcharuk – K: KIS, 2004. – p. 6–15.
6. Podolyak L.H. Psychology of high school, teacher's guidance for undergraduates and graduate students / L.H. Podolyak, V.Y. Yurchenko. – K. Fil-studio, 2006. – 320 p.
7. Yahupov V. Competency approach to training of experts in higher education / V.V. Yahupov, V.I. Svystun // Scientific notes of NaUKMA [Vol 71. Pedagogical, Psychological Sciences and Social Work]: Collection of science works / chief editor A.M. Hirnyk – K., 2007. – p. 3–8.
8. Yahupov V. Pedagogy: Textbook / V. Yahupov. – Kyiv: Lybid, 2003. – 560 p.

И.Г. Лантев,

отличник народного просвещения, кандидат педагогических наук, профессор кафедры дошкольного и начального образования Астраханского государственного университета.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АКТИВИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИГРЫ НА БЛОКФЛЕЙТЕ

THE POTENTIAL DEVELOPMENT OF MUSICIANSHIP OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN THE PROCESS OF PLAYING THE BLOCK FLUTE

I.G. Laptev, excellence in public education, candidate of pedagogical Sciences, Professor of chair of pre-school and primary education Astrakhan state University.

Аннотация: Развитие музыкальности младших школьников является приоритетной задачей в процессе музыкального воспитания младших школьников. Одной из известных методик по успешному решению данной проблемы является инструментальное музицирование младших школьников на уроке и во внеурочное время и, в частности, игра детей на блокфлейте.

Ключевые слова: Младший школьник, музыкальность, игра на блокфлейте.

Abstract: The Development of musicianship younger students is a priority in the process of musical education of younger schoolboys. One of the known methods for the successful solution of this problem is the instrumental music making for primary school classroom and in extracurricular time and, in particular, the children play on the block flute.

Keywords: Junior schoolchild, musicality, play the block flute.

Инструментальное музицирование младших школьников завоевывает всё большее признание во всем мире. Например, во всех начальных школах Польши уже давно введено инструментальное музицирование. Учащиеся исполняют на инструментах различные ритмические и мелодические импровизации, мелодии песен и пьес. «Музыка не может дать детям полного удовлетворения, если они не способны исполнять ее на простейших (элементарных) музыкальных инструментах» — отмечается в польском журнале «Музыкальное воспитание в школе» [9].

Успешный многолетний практический опыт работы в российской общеобразовательной школе показал, что музыкальность младших школьников активно развивается в процессе игры на блокфлейте и представляет «широкое поле для творческой деятельности детей» [2].

Инструментальное музицирование школьников с низким уровнем музыкальных задатков, которые ранее устранились от музыкальной деятельности, позволяло в увлекательной форме «осваивать навыки игры на блокфлейте» [7]. На уроке в поиске одного верного звука 2-3 учащихся аккуратно закрывали отверстия на инструменте, при этом визуальный и слуховой контроль сопровождался игрой педагога на блокфлейте. Как только правильное звучание было найдено учащимися, весь класс повторял интонационно верно этот звук. Звучание трансформировалось в инструментальную несложную мелодико-ритмическую модель, сыгранную педагогом на одном звуке. Эту модель как музыкально-ритмическое эхо повторяли учащиеся – инструменталисты, затем все ученики класса с увлечением пели эти однозвучные мелодико-ритмические фразы в унисон с играющими блокфлейтистами. Далее на последующих уроках

музыки учащиеся осваивали точность интонационного звучания двух, затем трёх звуков, а это уже позволяло инструментально музицировать с опорой на ладовые ассоциации при завершении музыкальной фразы.

Небезынтересно, что звуки этого инструмента с колеблющимся столбом воздуха воспринимаются не только слуховым анализатором, но и вибрационно, на основе «костно-тканевой проводимости, которая в слуховых восприятиях играет довольно большую роль» [4].

Следует заметить, что в процессе исполнительской деятельности формирование музыкальности происходит всегда комплексно. Когда школьник играет на блокфлейте какую-либо мелодию, или импровизирует на инструменте в пределах трёх-пяти ступеней, то он одновременно воспринимает: а) ритмическую структуру; б) высотные соотношения звуков; в) ладовую функцию; г) тембровую окраску; д) регистровую значимость; е) динамическую звучность; ж) темповую характеристику, з) форму фразы. Творческое осознание характера исполнения является «стреттным» и, как отмечал Б.М. Теплов, «на основе эмоционального критерия» [6].

Блокфлейта отличается от других инструментов своего семейства наличием семи пальцевых отверстий на лицевой стороне и одного на тыльной — так называемого октавного клапана. В мундштуке находится деревянная пробка (блок), прикрывающая отверстие для вдувания воздуха, оставляя лишь узкую щель для прохождения воздуха в ствол инструмента. Звук в блокфлейте формируется в стволе инструмента уровнем колеблющегося столба воздуха – чем меньше закрытых отверстий, а значит колеблется меньший столб воздуха, тем выше звучание инструмента. Звукоряд блокфлейты

диатонический, но с использованием виолочных аппликатур расширяется до хроматического звуко-ряда. Блокфлейта обычно имеет строй «Фа» или «До». Для младших школьников наиболее приемлемой для игры является блокфлейта сопрано «До».

На внеклассных занятиях в процессе освоения навыков игры с целью активизации развития «музыкально - слуховых представлений», как одного из трёх основных компонентов музыкальности (Б.М. Теплов), младшим школьникам в индивидуальном порядке предлагалось сначала мысленно сочинить «свою» мелодию в пределах пяти звуках, а затем сыграть её. Беседы с детьми указывали на адекватность предварительного сочинения с мысленным перекрытием пальчиками отверстий инструмента и последующего проигрывания музыкально-ритмической модели. В связи с тем, что блокфлейта «сопрано», при последовательном открытии отверстий, имеет диатонический строй в до-мажоре, а примарная певческая зона детей звучит на октаву ниже, то практически все дети с низким уровнем музыкальных задатков постепенно интонационно верно повторяли голосом «свой» мелодический рисунок. Это был значительный потенциальный прогресс в развитии музыкальности детей.

Если на уроке инструментальная деятельность учеников составляла не более пяти минут, то на внеклассных занятиях школьники с увлечением осваивали азы нотной грамоты, совершенствовали навыки игры в исполнении фрагментов школьных песен и их интонационно верного пропевания. что способствовало успешному освоению песенного школьного программного материала всеми без исключения детьми в классе.

Современные российские требования к общеобразовательной школе по предмету «Музыка» стали более динамичными. В «Стандарт начального общего образования по искусству» как раздел опыта музыкально-творческой деятельности, обладающий значимыми компенсаторными возможностями и нивелирующий дисбаланс координации между слухом и голосом, вводится инструментальное музицирование [5].

Опыт инструментального музицирования с детьми указывает на высокие потенциальные возможности игры на блокфлейте как средства активизации музыкального развития младших школьников.

В качестве заинтересованности инструментом блокфлейта, «родственником» флейты, младшим школьникам можно рассказать древнюю легенду о гамельнском крысолове. А начать можно со строк М. Цветаевой из поэмы «Крысолов»:

Сладкие сны, густые чаши...

А сердце всё тише, а флейта всё слаще...

Не думай, а следуй, не думай, а слушай.

А флейта всё слаще, а сердце всё чаще...

И затем возможна фантазийная транскрипция, свободная интерпретация учителя легенды о гамельнском музыканте-крысолове...

Однажды в городок Гамельн пришли крысы. Они причиняли жителям города неисчислимые бедствия. И вот явился крысолов, взявшийся избавить город от беды. Магистрат заключил с ним договор, по которому обязался выплатить 1000 талеров, если он сумеет избавить город от крыс. Крысолов заиграл на волшебной флейте и крысы вышли из своих нор, собираясь вокруг него. Когда крысолов убедился, что все грызуны выползли, он двинулся в сторону реки Везер. Вся толпа крыс и мышей последовала за ним, бросилась в воду и утонула. Но жадный магистрат не захотел заплатить Крысолову положенную ему сумму. Тогда Крысолов отплатил жителям Гамельна: он снова заиграл на своей флейте и все жители города – и взрослые, и дети – всю неделю без отдыха танцевали и пели, а затем они навсегда исчезли из Гамельна... Рассказывают, что где-то высоко в альпийских лугах живут счастливые люди, не знающие несправедливости, вражды, корысти, и будто эти люди красиво поют, а говорят они, конечно, на гамельнском диалекте.

Младшие школьники с восторгом и воодушевлением воспринимают необычный рассказ учителя о музыканте-флейтисте, что опосредованно способствовало лучшему усвоению навыков игры на блокфлейте.

Следует заметить, что основными являются два важных навыка игры на инструменте – точное перекрытие отверстий блокфлейты и верная без напряжения подача воздуха в мундштук.

Во внеклассной работе инструментальная музыкальная деятельность младших школьников приобретала поистине широкий спектр и способствовала активному развитию чувства ритма, темпа, тембра, лада, регистра, формы. Дети изучали нотную грамоту, осваивали при игре на блокфлейте немецкую аппликатурную систему, проявляли творчество в процессе несложного инструментального музицирования.

«Человек, испытывавший радость творчества даже в самой минимальной степени, - отмечал академик, музыковед Б.В. Асафьев, - углубляет свой жизненный опыт и становится иным по психическому складу, чем человек, только подражающий актам других» [1].

В школе был организован ансамбль блокфлейтистов, который выступал как на родительских собраниях, так и на других торжественных мероприятиях. В репертуаре ансамбля, играющего как без сопровождения, так и в сопровождении фортепиано, были народные песни и музыкальные пьесы классического характера. Например, любимыми произведениями ансамблистов были русская народная песня «Со вьюном я хожу», исполняемая трехголосным канонем и народная песня «Во кузнице», где звуки первых двух слогов исполнял солист и далее мелодию подхватывал весь инструментальный ансамбль.

Из музыкальной классики чаще всего исполнялись специально аранжированные пьесы из цикла «Детский альбом» П.И. Чайковского [8] – №4

«Мама», №5 «Марш деревянных солдатиков», №16 «Старинная французская песенка» и №17 «Немецкая песенка», в которой важным приёмом легкого стоккатирирования, являлось выполнение навыка подачи звука в мундштук как бы слогом «ту».

Из зарубежной музыки дети исполняли в унисон фрагменты пьесы «Снег танцует» из сюиты для фортепиано Клода Дебюсси «Детский уголок» и тоже унисонные фрагменты пьесы «Кукла (Колыбельная песня)» из цикла пьес для фортепиано в 4 руки Жоржа Бизе «Детские игры».

С увлечением дети разучивали и исполняли в сопровождении фортепиано песни различных народов. Это – итальянская народная песня «Четыре таракана и сверчок» с вокальным исполнением, швейцарская народная песня «Кукушка». Греческая песня «Колечко» исполнялась первоклассницей-солисткой в сопровождении ансамбля блокфлейтистов, а английские песни «Покажи, как играет флейта» и «Наш оркестр» на высоком эмоциональном уровне звучали с хоровым исполнением этих песен.

«Как инструмент воспитания и совершенствования психики ребенка, - отмечает профессор В.И. Петрушин, - музыкальная деятельность не имеет себе равных по силе своего воздействия... Ребенок, получающий в процессе музыкального обучения

постоянную сенсорную стимуляцию мозга, оказывается более умным, более социализированным по сравнению со сверстниками, которые не включены в музыкальную деятельность» [3].

Достаточно широкий диапазон исполняемых на блокфлейтах в процессе внеклассной музыкальной деятельности небольших, но значимых в мировой музыкальной литературе музыкальных произведений расширял музыкальный кругозор учащихся, совершенствовал развитие музыкальных способностей и содействовал формированию музыкально образованной личности школьника с достаточно развитыми творческими возможностями.

Инструментальная деятельность младших школьников давала повод для прослушивания в домашних условиях с родителями и ознакомления, не без помощи интернета, с другими музыкальными произведениями из этих же и других музыкальных циклов. Более того, в семейном кругу инициировалось создание семейных музыкальных ансамблей, о чем с гордостью сообщали дети.

Таким образом, практика подтвердила гипотезу о принципиальной важности и потенциальных возможностях игры на блокфлейте младших школьников в процессе активизации развития музыкальности.

Литература:

1. Асафьев Б.В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. М.-Л.: Музыка, 1965. С.80.
2. Лаптев И.Г. Детский оркестр в начальной школе. М.: Владос, 2001. С.105.
3. Петрушин В.И. Задачи музыкальной психологии и психотерапии в современной России // Музыкальная психология и психотерапия. М., 2011, №3(24). С. 8.
4. Руководство по фонииатрии / под ред. В.П. Морозова. Л., 1970. С.130.
5. Стандарт начального общего образования по искусству // Начальная школа, 2004, № 10. С.7.
6. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей. Избр. труды. М.: Педагогика, 1985. С.126.
7. Laptev I. The play the block flute - innovative aspect of musical abilities of younger schoolboys. - "Global Science and Innovation": A global perspective on science, technology and innovation conference. 17-18 December. - USA, Chicago, 2013. P. 259-261.
8. Laptev I. Instrumental music - arrangements plays "Children's album" P. Tchaikovsky. Lap Lambert Academic Publishing, Deutschland, Saarbrucken, 2015. 149 p.
9. Wychowanie Muzyczne w Szkole // 1970, №3. С. 167.

Studenikin Sergey Ivanovich

*Candidate of Technical Science, senior lecturer, senior lecturer of chair physical training and sports
Moscow State Institute of the International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation (Odintsovo branch)*

Rublyov Alexander Ivanovich

*Candidate of pedagogical sciences managing chair Physical training and sports
Moscow State Institute of the International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation (Odintsovo branch)*

Ljadova Ljubov Alekseevna

*Senior lecturer of chair of physical training and sports
Moscow State Institute of the International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation (Odintsovo branch)*

Medvedeva Olga Aleksandrovna

*Senior teacher of chair of physical training and sports
Moscow State Institute of the International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation (Odintsovo branch)*

Студеникин Сергей Иванович

*кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры
физического воспитания и спорта*

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ (Одинцовский филиал)*

Рублёв Александр Иванович

*кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой
физического воспитания и спорта*

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ (Одинцовский филиал)*

Лядова Любовь Алексеевна

доцент кафедры физического воспитания и спорта

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ (Одинцовский филиал)*

Медведева Ольга Александровна

*старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ (Одинцовский филиал)*

**STUDENT UCHEBNO-INFORMATIVE ACTIVITY
IN EDUCATIONAL INSTITUTION: SCIENTIFIC APPROACHES
OF INCREASE OF ITS ACTIVITY ON STUDIES OF LECTURE TYPE
УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ ПОВЫШЕНИЯ
ЕЁ АКТИВНОСТИ НА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЯХ ЛЕКЦИОННОГО ТИПА**

Summary. The article presents the problem of activization of student uchebno-informative activity in educational institution on studies of lecture type. Various information sources are analysed, as well as modern, most effective scientific approaches and ways (further - methods) of increase of student activity are generalised, systematised and united together. Practical recommendations about using methods of activization of uchebno-informative activity on studies of lecture type are developed. The article also presents comparison of a modern scientific explanation of offered methods to views of outstanding thinkers, philosophers, politicians, scientists, psychologists, teachers, from ancient time up to now.

Аннотация. В статье представлена проблема активизации учебно-познавательной деятельности (УПД) обучающихся в образовательном учреждении на учебных занятиях лекционного типа. Проанализированы различные информационные источники, обобщены, систематизированы и объединены воедино в рамках статьи современные, наиболее эффективные и действенные научные подходы, принципы, методы, приёмы и способы, правила и рекомендации (далее обобщённо – методы) повышения активности УПД обучающихся (студентов вуза). Выработаны практические рекомендации по применению методов активизации УПД на учебных занятиях лекционного типа. Произведено сопоставление (сравнение) современного научного обоснования предлагаемых методов с воззрениями и взглядами на рассматриваемую проблему выдающихся мыслителей, философов, общественных и политических деятелей, учёных, дидактов, психологов, педагогов, начиная от древности и до наших дней.

Keywords: uchebno-cognitive student activity, explanatory-illustrative (traditional) teaching, developing training, activization, method, reception, way.

Ключевые слова: учебно-познавательная деятельность обучающихся, объяснительно-иллюстративное (традиционное) обучение, развивающее обучение, активизация, метод, приём, способ.

Главное в обучении детей состоит не в том, что им сообщается, а в том, как им сообщается изучаемое
Н. Пирогов

Постановка проблемы. Анализ последних исследований и публикаций. Успешность достижения цели обучения зависит не только от того, **что усваивается** (содержание обучения), но и от того, **как усваивается**: индивидуально или коллективно, в авторитарных или гуманистических условиях, с опорой на внимание, восприятие, память или на весь личностный потенциал человека, с помощью репродуктивных или активных методов обучения и т.д.

Объяснительно-иллюстративное (традиционное) обучение не в полной мере обеспечивает эффективное развитие мыслительных способностей обучающихся потому, что базируется на закономерностях репродуктивного мышления, а не творческой деятельности. Кроме того, оно недостаточно эффективно способствует формированию мотивации достижения успеха. Акцент при изучении учебных дисциплин переносится на сам процесс познания, эффективность которого полностью зависит от познавательной активности самих обучающихся.

Другой тип обучения (развивающее обучение в его различных вариациях) делает упор в обучении на развитии личностных качеств, в частности, интенсивной мыслительной (интеллектуальной) деятельности. С этой целью педагоги применяют концепции, принципы, методы, технологии активного обучения. Многие современные авторы считают, что при использовании педагогами методов активного обучения (МАО) нет необходимости принудительно активизировать внимание и мышление, сам процесс учебной познавательной деятельности (УПД) обучающихся. Считается, что сами, так называемые, МАО удерживают внимание, познавательный интерес к обучению на достаточно высоком уровне. С этим утверждением трудно не согласиться. А вот при применении традиционных, объяснительно-иллюстративных методов необходимы **специальные приёмы, способы**, даже **целые методы поддержания интереса и внимания к процессу обучения**. Да, такая проблема существует, о ней говорится и пишется уже давно, проводится много педагогических и психологических экспериментов, и дидакты при классификации методов обучения даже выделяют методы активизации УПД в отдельную группу [2,3].

Однако преимуществом традиционного обучения и, в особенности, **необходимость усвоения в короткие сроки большого объёма информации** (что в современном стремительно развивающемся

мире становится жизненно необходимым), и отсутствие таких возможностей у других видов обучения не позволяет обходиться без него в современном образовательном процессе.

Оптимальным, даже в век всеобщей компьютеризации, является сочетание различных видов и методов обучения **в зависимости от целей и содержания обучения** на каждом конкретном этапе развития общества и учебного процесса.

Но бросающаяся в глаза «пассивность» традиционного обучения заставляет заниматься поиском методов, способов и приёмов активизации, стимулирования познавательной деятельности обучающихся, развития их самостоятельности, мотивирования интереса к обучению.

Для усиления, интенсификации УПД **очень важно повышение уровня мотивации учения**, стимулов к отличной успеваемости, **формирование** у обучающихся **интереса к УПД, создание культуры учёбы**. Русский физик и педагог Н.А. Умов, будучи профессором Московского университета, придавал огромное значение познавательным потребностям человека и роли педагога в их развитии: **«Всякое знание остаётся мёртвым, если в учащихся не развивается инициатива и самостоятельность: учащихся нужно приучать не только к мышлению, но и к хотению»** [4]. Выдающийся американский педагог и подвижник просвещения Х. Манн неустанно в своих теоретических работах по педагогике и практической деятельности неустанно подчёркивал: **«Учитель, пытающийся преподавать без того, чтобы внушить ученику желание учиться, куёт холодное железо»** [4].

Кроме того, необходимо, чтобы **содержание, организационные формы, методы и средства обучения** оказали особенно сильное стимулирующее влияние на обучающихся, **интенсифицировали их умственную (интеллектуальную) работу**.

Для этого обучение должно опираться на принципы и методы обучения, существенно повышающие активность УПД обучающихся [3].

Можно выделить следующие **отличительные особенности активного обучения** [3]:

– **принудительная активизация внимания и мышления**, когда обучающийся вынужден быть активным независимо от его желания;

– достаточно **длительное время вовлечения обучающихся в учебный процесс** (поддержание внимания в течение длительного времени), поскольку их активность должна быть не кратковременной и эпизодической, а в значительной мере устойчивой и длительной (то есть в течение всего занятия);

– **самостоятельная творческая выработка решений, повышенная степень мотивации и эмоциональности обучаемых**.

Напомним, что основным источником интереса к самой учебной деятельности является, прежде всего, ее содержание, методы, средства и формы его доведения до обучающихся. Учебный материал сам по себе содержит множество стимулов, возбуждающих любознательность и мыслительную активность обучающихся. К ним относятся: *новизна научных сведений, яркость фактов, оригинальность выводов, своеобразный подход к раскрытию сложившихся представлений, глубокое проникновение в сущность явлений* и т.д.

Важным моментом стимуляции мышления является создание и укрепление мотивации. При этом содержание мотива может быть весьма разнообразным, начиная от жизненной необходимости и кончая желанием получить интеллектуальное, психоэмоциональное или физическое удовольствие. Поэтому, помимо специальных методов формирования мотивации учения, на каждом учебном занятии необходимо применять отдельные приемы мотивации и стимулирования УПД. Путь к цели успешен лишь при высокой мотивации деятельности.

Помимо перечисленных путей повышения активности, необходимо также в процессе устного изложения знаний применять особые педагогические приемы, возбуждающие мыслительную активность обучающихся и способствующие поддержанию их внимания. Методы, способы, приемы активизации могут использоваться как самостоятельные педагогические разработки для осуществления процесса обучения, так и в сочетании с традиционными методами обучения, но уже со специальной целью – активизации УПД обучающихся.

Выделение нерешённых ранее частей общей проблемы. Кажется, что в современном мире ничего нового в области обучения, образования, воспитания придумать невозможно («всё давно придумано и известно»), и на это не однажды указывали признанные авторитеты в различных областях знания и деятельности.

Приведём лишь некоторые высказывания отдельных учёных, исследователей, писателей в отношении образовательной деятельности.

Французский писатель, мыслитель, литературный критик Анатолий Франс так сравнивал творчество и искусство и характеризовал их: *«В придании старым мыслям новой формы состоит всё искусство и всё творчество»* [4].

Ему же принадлежит мысль относительно оригинальности и новизны в области преподавания: *«Оригинальность встречается, быть может, всего реже и даётся всего труднее в области преподавания, нежели где бы то ни было»* [4].

Ещё одна цитата. Так В.Л. Гинзбург, советский и российский физик-теоретик, академик АН СССР и РАН, доктор физико-математических наук, лауреат Нобелевской премии по физике 2003 года говорил, имея в виду образовательный процесс: *«Я не*

боюсь обвинений в консерватизме: существующие методы – продукт длительного опыта, а человек, как объект обучения, в целом не изменился и за столетия» [4].

Что же касается нерешённых частей исследуемой проблемы активизации УПД обучающихся, то необходимо отметить, что методы активизации УПД представленные в разрозненных источниках, представляют собой выборочное, ограниченное количество направлений применения (либо организационной, либо содержательной, либо методической направленности). При этом многие методы классифицированы (типизированы) вне группы методов активизации УПД. Авторами статьи была предпринята попытка представить в статье методы различной направленности и объединить их в рамках одного признака классификации – признака повышения активности УПД. То есть перед коллективом авторов была поставлена задача выделить из многообразия общедидактических, общепедагогических методов таких, которые бы специально были направлены и выполняли функцию активизации УПД вне зависимости от того, есть ли у обучающихся устойчивые и сильные внутренние мотивы учения.

В разных источниках и у различных авторов приводятся отдельные различные методы активизации УПД, при этом, авторы работ не претендуют на широкий охват, систематизацию и объединение их в рамках отдельной работы. Такая попытка проанализировать, упорядочить и систематизировать существующие методы (способы, приемы, правила, рекомендации и т.д.) из богатейшего арсенала методов обучения, воспитания, активизации УПД также была предпринята в рамках единой тематической работы и представлена в данной статье.

Помимо консолидации методов и выделения (селекции) из них возможно максимально эффективных и наиболее действенных, рекомендованные (предлагаемые) методы были апробированы авторами статьи в своей педагогической практике при проведении учебных занятий, обогащены опытом практического применения в педагогической деятельности, и подтвердили (доказали) свою действенность и эффективность.

Цель статьи. (Цель исследований). 1. Изучение и анализ информационных источников по исследуемой проблеме. 2. Обобщение, систематизация и объединение в рамках единой статьи сведений по проблеме активизации УПД обучающихся (студентов вуза) на учебных занятиях лекционного типа. 3. Сопоставление (соотнесение, сравнение) современных научных подходов к проблеме активизации УПД с воззрениями выдающихся мыслителей, философов, общественных и политических деятелей, учёных, дидактов, психологов, педагогов, начиная от древности, и до наших дней. 4. Выработка практических рекомендаций по применению методов активизации УПД на учебных занятиях лекционного типа с целью повышения эффективности образовательного процесса.

Прежде чем перейти к изложению основного материала, необходимо напомнить основные понятия, имеющие непосредственное отношение к данной статье. Это понятия «метод», «способ», «приём», «правило», «рекомендация». Интересно также их соотношение друг с другом.

Метод (греч. *methodos* – *путь исследования, путь к чему-либо*) – это совокупность (система) определённых правил (требований), подходов, принципов, **приемов, норм познания и действия**, сформулированных на основе знания закономерностей исследуемой области с целью постижения истины, а также практических способов для достижения определённого результата (цели) в данной сфере деятельности. Он дисциплинирует поиск истины, позволяет (если правильный) экономить силы и время, двигаться к цели кратчайшим путем. Основная функция метода – регулирование познавательной и иных форм деятельности» [3].

Каждый метод обучения складывается из отдельных элементов (частей, деталей), которые и называются методическими приемами. В свою очередь, **прием как элемент метода и, соответственно, фрагмент деятельности состоит из системы наиболее рациональных действий** [3]. По отношению к методу приемы носят частный подчиненный характер. **Прием и метод соотносятся как часть и целое.** С помощью приема не решается полностью педагогическая или учебная задача, а лишь только ее этап, какая-то ее часть, приемы подчиняются той задаче, которую преследует данный метод. Одни и те же методические приемы могут быть использованы в разных методах. И наоборот, один и тот же метод у разных преподавателей может включать различные приемы. Методы и методические приемы тесно связаны между собой, могут заменять друг друга в конкретных педагогических ситуациях. В одних обстоятельствах метод выступает как самостоятельный путь решения педагогической задачи, в других – как прием, имеющий частное назначение.

Таким образом, **метод включает в себя ряд приемов, но сам он не является их простой суммой.** Приемы определяют своеобразие методов работы педагога и обучающихся, придают индивидуальный характер их деятельности.

Соотнесение понятий «прием» и «правило» приводит к следующему выводу. **Правило – это нормативное предписание** или указание **на то, как следует действовать наиболее оптимальным образом**, чтобы осуществить соответствующий методу прием деятельности. Правило поэтому выступает описательной, нормативной моделью приема, а система правил для решения определенного типа задач – это уже нормативно-описательная модель метода.

Способ – это **действие или система действий**, применяемых при исполнении какой-нибудь целенаправленной деятельности, при осуществлении чего-нибудь (как правило, это понятие

употребляется при достижении целей **путём практических действий**, в отличие, например, от умственных, мыслительных). **Рекомендация** – совет, наставление, пожелание, указание [3].

Педагогические приемы, методы, правила активизации УПД обучающихся могут быть универсальными и применяться на всех (многих) видах учебных занятий, но существуют и такие, которые применимы лишь к некоторым видам учебных занятий, в соответствии с их спецификой. Русский педагог, писатель, основоположник **научной педагогики в России** К.Д. Ушинский так говорил по этому поводу: «Мы не говорим педагогам – поступайте так или иначе; но говорим им: **изучайте законы тех психических явлений, которыми вы хотите управлять, и поступайте, сообразаясь с этими законами и теми обстоятельствами, в которых вы хотите их приложить**» [4].

Сущностью активизации УПД обучающихся является следующее: **заставить самостоятельно мыслить, действовать, проявлять инициативу, до всего доходить самому ценой напряжения внимания, мысли, чувств и воли.**

Изложение основного материала. УПД – основной вид деятельности молодых людей (студентов), получающих ВПО (ВО) в образовательных учреждениях. От того, насколько эффективной будет эта деятельность, настолько успешным будет профессиональное становление будущего специалиста, его всестороннее развитие и личностный рост. Прослеживается прямая зависимость между уровнем познавательной активности обучающихся (студентов) в образовательном процессе вуза, эффективностью обучения и качеством получаемого образования.

При подготовке лекционного занятия необходимо **четкое продумывание плана** (схемы) ведения (изложения) **лекции.** В начале лекции надо сообщить слушателям этот план лекции, чтобы они четко представили себе, чем будут заниматься в отведенное для занятия время. В ходе лекционного занятия лектор должен вести **логически стройное и последовательное изложение** одного за другим всех пунктов плана с резюме и **выводами** после каждого из них и логическими связями при переходе к следующему разделу.

При этом важны **единство в терминологии учебной дисциплины**, устоявшийся понятийный аппарат, отсутствие противоречий в понятиях и определениях, а также в утверждениях педагога, недопущение расплывчатого или двоякого толкования одних и тех же понятий. Древнегреческий философ и мыслитель Сократ так говорил о значении терминов и понятий в ходе выявления истины: «Если бы мы с самого начала диалога ясно и четко определились с основными понятиями дискуссии, то половина возникших вопросов и проблем решились бы сами собой» [4].

Обеспечение доступного, ясного изложения учебного материала, понятное объяснение терминов, подбор интересных (занимательных) примеров

и иллюстраций, подбор зрелищных, красочных, информативных средств наглядности – важнейшее условие удержания устойчивого непроизвольного внимания слушателей (обучающихся) на содержании обучения. Л.Н. Толстой так выразался о простоте и ясности утверждений: *«Самый верный признак истины – простота и ясность. Ложь всегда сложна, вычурна и многословна»* [4].

Для устойчивой активной УПД обучающихся *применяйте в обычной «традиционной» лекции элементы (приёмы) «нетрадиционных» лекций* – лекции-визуализации, лекции-диалога, лекции с заранее запланированными ошибками. Эти виды лекций относятся к разновидностям методов активного обучения. Их активизирующие элементы-стимулы, несомненно, оживляют «мерно-монотонное» течение «традиционной» лекции, вносят эффект новизны, неожиданности, повышенного интереса к содержанию обучения.

Читать лекцию необходимо, свободно излагая учебный материал темы занятия, используя план и тезисы лекции (например, прибегая изредка к помощи записи на карточках или с краткого конспекта). Ни в коем случае не читайте лекцию с учебника и не сидите все время за столом. Психологи доказали, что человек более доступно и успешно воспринимает разговорную речь, живой рассказ, беседу, нежели академически построенную фразу. Это с одной стороны. А с другой – преподаватель, уткнувшийся в книгу, не только не может следить за реакцией аудитории на свои слова, но и производит впечатление некомпетентного, незнающего, растерянного человека. Находящийся постоянно за собственным столом, преподаватель, отгораживается этим столом от студентов. Создается и визуальный барьер, и психологический.

Для активизации и привлечения внимания слушателей оптимальным будет перемещение преподавателя по аудитории во время объяснения темы, возможна попутная проверка успешности работы студентов (написание конспекта, зарисовка графиков, рисунков, составление таблиц).

Раскладывая во время объяснения раздаточный, наглядный материал, желательно проходить между рядами, уделяя внимание студентам. При ответе у доски докладчика (в ходе, например, семинара) можно присесть на свободное место за парту, став частью слушающей аудитории.

Огромное мотивирующее и стимулирующее влияние на обучающихся оказывает *самостоятельность и оригинальность мысли и действий преподавателя; неравнодушное личное отношение* к тому, о чём ведётся речь на занятии. Перед обучающимися оказывается нестандартная, нескучная, увлечённая и заинтересованная личность преподавателя, которая личным заразительным примером показывает обучающимся, как надо мыслить, вести себя и относиться к тому, чем ты занимаешься.

Активное применение вопросно-ответного метода, постановка *информационных* и *активирующих* вопросов, приводит к дискуссии, к диалогу, к аргументированию своего мнения и отстаивания своей точки зрения в обсуждаемом вопросе. Этот метод больше подходит для семинара, беседы, для активных методов обучения, чем для обычной «сообщающей», «объяснительно-иллюстративной» лекции. Однако, отдельные приёмы вопросно-ответного метода можно и нужно включать и в обычную лекцию для придания ей большей динамичности, активности и интереса.

Старайтесь даже в «сообщающей» лекции использовать *метод создания проблемной ситуации*. Конечно, включение этого метода или отдельных его приёмов в такую лекцию требует соответствующего представления учебного материала. Однако ожидаемый эффект того стоит. Американский философ, психолог и педагог Джон Дьюи, автор «проектного», деятельностного подхода в обучении и образовании совершенно обоснованно утверждал: *«Мы думаем только тогда, когда сталкиваемся с проблемой»* [4].

Приём повышения информативной (информационной) ёмкости содержания занятия заставляет обучающихся, активизировать мыслительную деятельность. При этом не стоит забывать о *приёме разрядки интеллектуального* (умственного) *напряжения* и чередовать интервалы интенсивной мыслительной деятельности с интервалами отдыха головного мозга (смена поз и вида деятельности, юмор, шутка, забавная история, интересный случай из профессиональной практики и т.п.).

Эффективность усвоения учебного материала резко возрастает, если студент чётко осознаёт и понимает значимость и важность того, чему его учит педагог, наставник, преподаватель. *Постоянная связь (подчёркивание важности) изучаемого учебного материала и учебной деятельности с практикой, с будущей профессиональной деятельностью, с жизнью*; подчёркивание важности, актуальности и необходимости того, что изучается и осваивается для развития личности обучающегося, для его профессиональной и общей компетентности, для становления его как специалиста-профессионала – этот приём мотивации активной УПД весьма полезен и эффективен.

Будет также полезно, если преподаватель, применяя в своей деятельности тот или иной *метод* (приём, способ) *познавательной деятельности*, обратит внимание на то, как «работает» этот метод, обучит ему студентов. Такой педагогический приём (*подчёркивание методов познавательной деятельности*) позволяет обучающимся осваивать не только содержание изучаемой дисциплины, но и позволяет понимать, осознавать с помощью каких «инструментов» происходит процесс познания и учения, «учиться (обучаться) тому, как надо учиться», какие методы и приёмы можно эффективно практиковать в процессе самостоятельной

работы, в процессе самообразования, в ходе изучения (познания) явлений и процессов окружающей действительности. Древнегреческий драматург Менандр в своих пьесах не раз подчёркивал жизненное значение умения учиться: «*Великое благо тому, кто научился учиться*» [4].

Хорошо зарекомендовал себя в части активизации УПД обучающихся *приём переключения внимания на иные предмет* (например, стенды учебной аудитории, макет, слайд и т.п.), *мысль, метод, состояние, вид деятельности. Применение различных форм организации деятельности студентов, чередование различных форм деятельности* имеет научное объяснение. Экспериментальные исследования показывают, что *произвольное внимание* в таком возрасте *аудитория может удерживать в течение 30-40 минут* [1]. Потом, в силу напряжённой интеллектуальной работы, длительного сосредоточения произвольного внимания на объекте изучения, эмоциональной и психологической усталости студенты начинают отвлекаться. Задача преподавателя, не дожидаясь момента понижения внимания и наступления усталости от одной и той же учебной деятельности, сменить вид деятельности: предложить задание для самостоятельной работы, попросить студентов высказать свою точку зрения, переключить внимание на наглядно-иллюстративный материал и т.п.

Этот приём помогает разгрузить мозг, снять психоэмоциональное и физическое напряжение, стрессовое состояние от напряжённой мыслительной работы на занятии. Если переключить внимание на тематику смежной учебной дисциплины, то этот приём помогает установлению и систематизации межпредметных связей. При переключении внимания на другой объект или вид деятельности в коре головного мозга происходит перемещение зон возбуждения и торможения с одной области (участка) коры на другую, что позволяет чередовать интенсивную мыслительную деятельность и отдых одних и тех же нервных клеток (нейронов). Такое чередование даёт возможность поддерживать высокую работоспособность обучающихся длительное время.

Приём отступления от темы занятия является разновидностью приёма переключения внимания. В отступлении можно привести конкретные примеры из своей профессиональной деятельности, организации работы конкретных людей и учреждений; исторические факты; примеры поведения и деятельности известных исторических, литературных, научных и других персонажей в обстановке, схожей с рассматриваемой на занятии; связи темы лекции с будущей профессиональной деятельностью и т.п. Помимо достижения уже отмеченных целей, данный приём позволяет достигать также воспитательных целей при использовании в отступлении определённых воспитательных методов (убеждение, пример, создание воспитывающей ситуации и др.).

Используя невербальные средства (голосовая интонация, темп речи), а также вербальные (прямое указание на важность приводимой информации) *чётко выделяйте то, что следует записать в конспект лекции*. При необходимости надо повторить важные положения (законы, выводы, поддержки, цитаты и т.п.), чтобы облегчить записи; *темп чтения лекции* должен быть таким, чтобы слушатели могли сделать необходимые записи в конспектах.

Для привлечения и удержания внимания аудитории в процессе занятия (лекции, а также иного вида занятия) используйте следующие приёмы [1,3]:

- постоянно поддерживайте зрительный (визуальный) контакт со всеми, сидящими в зале;
- время от времени задавайте слушателям вопросы, даже и не требующие ответа;
- делайте паузы в речи, меняйте темп речи и громкость звука голоса;
- не находитеесь на одном месте, тем более, сидя за преподавательским столом, перемещайтесь вдоль учебной доски, демонстрационного экрана; жестикулируйте;
- время от времени предлагайте аудитории какое-либо действие (переключить внимание на боковые стенды в аудитории; зарисовать в тетради для конспектов рисунок, схему, диаграмму и др.);
- при длительном выступлении не реже одного раза в 20 минут *меняйте характер деятельности* аудитории: говорите, отвечайте на вопросы, показывайте слайды, передавайте раздаточный материал по рядам и т.п.;
- время от времени обращайтесь лично к кому-либо из находящихся в аудитории слушателей с вопросом, замечанием, просьбой;
- своевременно делайте перерывы и проветривайте помещение и т.д.

С целью активизации непроизвольного внимания обучающихся на относительно продолжительный отрезок времени можно задействовать метод *создания на заднем плане* (за спиной преподавателя, на проекционном экране, в некотором отдалении) *медленно изменяющегося визуального фона абстрактного характера*. Изменение с небольшой интенсивностью визуальной картинке неопределённой формы и содержания не даёт непроизвольному вниманию обучающихся отвлекаться на посторонние (внутренние и внешние) раздражители, сосредоточивая произвольное внимание на проявлениях учебного процесса. Данный приём активно применяется на учебном телевидении (например, канал «Культура», учебная программа «Академия») при чтении лекций лекторами по совершенно разным учебным дисциплинам.

Для активизации процесса осмысления учебного материала важно, чтобы он был доступным, логически взаимосвязанным, правильно понятым, актуализированным. В этих целях лучше всего *использовать яркие и точные формулировки, схемы, рисунки, примеры, сравнения с тем, что*

знакомо. Материал целесообразно излагать в форме рассуждений, доказательств, постановки вопросов, побуждения обучающихся проводить аналитико-синтетическую работу в процессе занятий. Используйте приемы обеспечения логического запоминания, убеждения, аргументации, доказательства, классификации, систематизации и обобщения.

В конце занятия обязательно **оставляйте время для ответов на возможные вопросы** студентов. Обязательно отвечайте на вопросы студентов и по ходу занятия, либо перенесите ответ в специально отведённое для этого время (окончание занятия – в конце основной части, перед заключительной частью).

Преподаватель, который может дать немедленный ответ на возникающие вопросы, показывает уровень своей профессиональной компетентности. Конечно, возможны и даже неизбежны ситуации, когда ответ сразу бывает дать затруднительно. В этом случае, если вы не готовы отвечать, – скажите об этом прямо: искренность ценится аудиторией выше компетентности. Надо записать вопрос и обязательно к нему вернуться в следующий раз, подготовив подробный и исчерпывающий ответ.

Поощряйте вопросную активность студентов, ведь студент, задающий вопрос, так проявляет свою заинтересованность в освоении учебного материала, что очень ценно. Студенческие вопросы свидетельствуют о мыслительной активности и заинтересованности слушателей. По меткому выражению американского литератора Т. Фуллера: «Кто ни о чём не спрашивает, тот ничему не научится» [4]. Без стеснения уточняйте, что имел в виду спрашивающий, если вам непонятен вопрос. Отвечая на вопрос, отвечайте всем, а не только задавшему его. Ответ на вопрос не должен становиться лекцией. Отвечайте кратко. Слушайте вопрос до конца, даже

если вы заранее знаете, что отвечать. Полезно, выслушав вопрос, немного подумать. Не начинайте ответ на вопрос со слов «нет» или «вы не правы».

При подготовке к занятию предположите, какие вопросы могут быть вам заданы, и подготовьте ответы на них. Если вы предполагаете, что вам будут задавать трудные вопросы, сами предложите, чтобы вопросы были острыми [1,2].

Если кто-то из обучающихся явно скучает на занятии, либо преподаватель чувствует снижение вовлечённости части аудитории в учебный процесс, он может использовать **приём прямого обращения с вопросом, замечанием, требованием к конкретному обучающемуся** активизировать внимание ввиду важности излагаемой (сообщаемой) информации. Этому обучающемуся в силу необходимости надо или «включить» мышление, или напрячь память, или задействовать речевой аппарат. Данный приём активизирует учебную деятельность других обучающихся хотя бы уже потому, что не исключается вероятность того, что следующим спросят тебя, и необходимо быть к этому готовым.

Используйте приемы ускорения запоминания (мнемонические, ассоциативные); **приёмы, способствующие прочности и надёжности запоминания** и базирующиеся (основанные) на научных исследованиях экспериментальной и педагогической психологии. Приведём ещё одни очень важные для деятельности преподавателя данные. Учёными получены экспериментальные данные [5], которые свидетельствуют, что **при лекционной подаче материала усваивается не более 20-30% информации, при самостоятельной работе с литературой – до 50%, при проговаривании – до 70%, а при личном участии в изучаемой деятельности** (например, в деловой игре) – **до 90%** (табл. 1).

Табл.1. Увеличение объёма усваиваемой информации в зависимости от применяемых методов обучения

Метод обучения	Лекционная подача материала	Самостоятельная работа с литературой	Проговаривание	Личное участие в изучаемой деятельности
Объём усваиваемой учебной информации	≤ 20-30%	До 50%	До 70%	До 90%

Применение логического приёма выделения главных и наиболее существенных положений в излагаемом материале весьма и весьма важен. Также это относится и к **выделению** тех **основных вопросов**, в которых надлежит разобраться обучающимся. Почему это важно? Во-первых, потому, что намного проще уяснить и припомнить самое основное, нежели всё, что сказано, целиком. Не следует перегружать память подробностями и деталями. При необходимости вокруг главного нетрудно будет добавить уточняющий материал. Во-вторых, поняв самое главное в сказанном, будет легко представить содержание темы в целом. В-третьих, если обучающийся настроен на выбор самого главного

(целевая установка), оно будет более хорошо понято и усвоено. Выдающийся чешский педагог-гуманист, писатель, общественный деятель, основоположник научной педагогике, систематизатор и популяризатор классно-урочной системы Ян Амос Коменский говорил про главное при чтении книги (учебника): «Один **важный плод чтения – усвоение читаемого, выбор главного**. И только это поддерживает ваш ум в постоянном напряжении, усваивает увиденное в вашей памяти и ослепляет его очень ярким светом. **Не выбрать из книги ничего, означает пропустить все**» [4].

Практически все тексты избыточны и насыщены несущественной информацией, словами и

предложениями, которые являются второстепенными и неважными. То же самое можно отнести и к устному изложению учебного материала. Чтобы научиться выделять из текста или из сказанного главное, необходимо знать ряд правил и выработать на основании этого знания навык работы с текстом (с конспектом лекции) по выделению главного. Подробно о правилах, навыках работы по выделению главного описано в источнике [3].

Способность выделять главное (основное, важное), отделять его от второстепенного является одним из главных навыков, важных и необходимых не только для успешного учения, но и для разрешения многих жизненных (житейских) ситуаций. По образному выражению русского писателя, прозаика и драматурга М. Горького, *«Кто не умеет различать главное от второстепенного, тот жарит курицу с перьями»* [4].

Важно на каждом учебном занятии систематически и настойчиво, сквозь каждый раздел учебной программы, сквозь каждую тему, учить обучающихся одной из основных мыслительных операций и, в то же время, одному из основных логических методов – *выделению главного и отбрасыванию второстепенного, отказу от ненужного.*

Применение логического приёма сравнения (сопоставления) – незаменимо в педагогической деятельности. *Сравнение имеет исключительное значение*, особенно когда сравнения подобраны удачно, что *придает выступлению исключительную яркость и большую силу внушения*. К.Д. Ушинский указывал на огромную роль сравнения в активизации УПД обучающихся и считал, что *«сравнение есть основа всякого понимания и мышления, что все в мире познается не иначе, как через сравнение»* [4]. Психологический механизм воздействия сравнения на мыслительную деятельность человека пытался в свое время раскрыть еще Гельвеций, французский писатель, философ и мыслитель: *«Всякое сравнение предметов между собой, – писал он, – предполагает внимание; всякое внимание предполагает усилие, а всякое усилие – побуждение, заставляющее сделать это»* [4].

Ключевым является также *применение логического метода (приёма) обобщения (формулирования выводов, составления заключений, резюмирования)*. Работа над новой темой (разделом) при устном изложении учебного материала, как правило, должна заканчиваться кратким обобщением, формулированием теоретических выводов, закономерностей и итогов (промежуточных и конечных). Это утверждение относится к разным словесным (вербальным) методам: лекции, рассказу, объяснению, беседе, диалогу, дискуссии и др. Можно с блеском вести аргументацию, но все же не достигнуть желаемой цели, если, в конечном итоге, мы не сумеем обобщить предлагаемые факты и сведения. Поэтому, чтобы добиться как можно большей убедительности, *мы обязательно должны сами сде-*

лать выводы и предложить их собеседнику (обучающемуся), потому что факты никогда не говорят сами за себя.

В ходе доведения учебного материала до обучающихся *не следует сводить* свое изложение к простому пересказу учебника, а делать его более глубоким по содержанию, дополняя его новыми деталями и интересными примерами. Надобно также *уметь придавать* своему изложению *увлекательный характер*, делать его живым и интересным; необходима *занимательная, выразительная и эмоциональная форма* ведения занятия, *изложения* учебного материала; *нестандартность, нешаблонность* ведения учебного занятия.

Преподаватель не должен *читать слово в слово* (то ли со слайда, то ли с текста на листе) *то, что написано и высвечено на слайде*. Слайд необходим, чтобы представить «картинку» (рисунок, фотоизображение, график, схему) для иллюстрации того, о чём говорится. Когда текст высвечен на экране, и он же зачитывается вслух слово в слово лектором (докладчиком), с точки зрения психологии, происходит следующее. Считывание информации по зрительному каналу происходит много быстрее, чем по слуховому. Восприятию и осмыслению обучающимся текста на слайде препятствует проговаривание лектором того же текста, но с меньшей скоростью, с отставанием. Это мешает концентрации внимания и создаёт помехи работе мышления: невозможно сосредоточиться на смысле текста. Такое «наложение со сдвигом» одной и той же информации по разным каналам восприятия создаёт вредное умственное (интеллектуальное), психоэмоциональное напряжение, дискомфорт, вызывает раздражение обучающихся и наносит ощутимый вред процессу обучения: способствует развитию утомления, усталости, уменьшению работоспособности. Это «наложение со сдвигом» обусловлено различной скоростью прохождения информации по зрительному и слуховому каналам.

Ещё учителями древности было замечено, что новое, ранее неизвестное заметно активизирует процесс познания и обучения. Древнегреческий философ, мыслитель и учёный Аристотель придавал первостепенное значение эмоции удивления, изумления в развитии познавательной потребности *«Познание начинается с удивления»* [4]. *Создание ситуации новизны*, актуальности, важности, современности; приближения содержания обучения к самым важным открытиям в науке и технике, к явлениям общественно-политической внутренней и международной жизни – важный приём активизации УПД. Русский писатель, прозаик и поэт Александр Грин писал по поводу человеческой потребности в необычайном: *«Потребность необычайного, – может быть, самая сильная после сна, голода и любви»* [4].

Применение приёма регулярного непрерывного обновления методов, средств, форм обучения – верный признак высокой профессиональной компетентности преподавателя. Информативность

учебного процесса, то есть насыщенность новым, неизвестным, привлекает и обостряет внимание обучающихся, побуждает к изучению темы, овладению новыми способами и приемами учебной деятельности. Но по мере усвоения знаний обостренность их восприятия постепенно начинает снижаться. Обучающиеся привыкают к тем или иным методам, формам, средствам, теряют к ним интерес. Для того чтобы этого не произошло, педагогу необходимо разнообразить методы, способы, приёмы обучения, используемые технологии и средства обучения. **Правильно подобранные** преподавателем **электронные и другие учебные средства** дают возможность формировать познавательный интерес обучающихся. Этому способствует подчёркивание новизны уже усвоенных знаний; возможность взглянуть на ранее изученное с другой стороны; раскрытие научной и практической значимости знаний; обеспечение внутрипредметных и межпредметных связей; демонстрация достижений современной науки, техники, возможностей человека и пр. Все это способствует созданию у обучающихся новых впечатлений, вызывает удивление, побуждает их мыслить, вызывает интерес к изучаемому.

В образовательном процессе педагогическая психология рекомендует **всемерное применение принципа наглядности (с использованием разнообразных средств наглядности)**: предъявление учебного материала; демонстрация (показ) картин, схем, диаграмм, таблиц, рисунков, фотоизображений; электронных слайдов (статических и анимационных); кинофильмов и видеофильмов; кино- и видеофрагментов; стендов, плакатов, чертежей; приборов, макетов, моделей, реальных образцов изучаемой техники, устройств, оборудования; показ действий, приёмов, отдельных двигательных действий, а также демонстрация опытов, экспериментов; иллюстрации звукового и текстового учебного материала и т.п. Наглядные методы обучения можно классифицировать на методы предметной, изобразительной и словесной наглядности.

Помимо предметной и изобразительной наглядности, большое значение и влияние имеет наглядность **словесная**. Живое слово преподавателя, яркая, образная, впечатляющая речь буквально приковывает внимание обучающихся.

Словесная наглядность имеет силу выразительности не меньшую, если не большую, чем наглядность визуальная – наивыразительнейшая из всех видов наглядности: яркая, образная, захватывающая, увлекающая, приковывающая внимание, рисующая образ, захватывающий тебя целиком и полностью. «Заставляющая осязать кожей прикосновение любимого человека, слышать шелест трав и лёгкое дуновение ветра, обонять аромат цветущих лугов, чувствовать вкус и упругие формы сорванного и надкушенного яблока» [3].

Мрачная до дрожи словесная наглядность, бросающая «в средневековье, в тёмные зловещие подвалы пыток инквизиции, освещённые лишь

мерцающим светом чадающих факелов» [3]. Словесная образная наглядность, рисующая «тяжёлый красный бархат нескончаемых вычурных анфилад Колизея с вакханалиями и пиршествами патрициев Римской империи» [3]. Наглядность словесная, уносящая «в вязкие, тёмные, маслянистые воды фенецианских каналов, отсвечивающих жидкими фонарями, окружённые удушливыми, тесными комнатами, куда тайком пробирался Казанова на встречу со своей новой всепожирающей страстью» [3].

Наглядные средства используются не только для создания у обучающихся образных представлений, но и для формирования понятий, для понимания отвлеченных связей и зависимостей – одного из важнейших положений дидактики. Ощущение и понятие – различные ступени единого процесса познания.

Еще Я.А. Коменский выдвинул «золотое правило» обучения: **«Всё, что можно – предоставлять для восприятия чувствам...»** [4].

Принцип наглядности был значительно обогащён в трудах швейцарского педагога, одного из крупнейших педагогов-гуманистов конца XVIII – начала XIX века, внёсшего значительный вклад в развитие педагогической теории и практики, И. Песталоцци. Отстаивая необходимость наглядности в обучении, он считал, что «органы чувств сами по себе доставляют нам беспорядочные сведения об окружающем мире. **Обучение должно** уничтожить беспорядочность в наблюдениях, разграничить предметы, а однородные и близкие снова соединить, то есть **сформировать у обучающихся понятия**» [4].

В педагогической системе К.Д. Ушинского использование наглядности в обучении органически связано с преподаванием родного языка. Ушинский считал, что лучшим средством добиться самостоятельности детей в процессе развития дара слова служит наглядность. Необходимо, чтобы предмет непосредственно воспринимался ребенком и чтобы под руководством учителя **«...ощущения дитяти превращались в понятия, из понятий составлялась мысль, и мысль облекалась в слово»** [4].

В современной дидактике понятие наглядности относится к различным видам восприятия (зрительным, слуховым, осязательным (тактильным), обонятельным, вкусовым, моторным (двигательным, вестибулярным) и др.). Исследователями доказано, что **до 80-90% окружающей информации человек воспринимает через зрительный анализатор** [1]. Поэтому необходимо максимально эффективно задействовать этот канал восприятия. Однако есть ряд правил и рекомендаций, регламентирующих правильное и максимально эффективное применение этого важнейшего принципа обучения с использованием средств наглядности [1]:

– **не предъявлять все средства наглядности сразу**, наглядность следует вводить на занятия постепенно, в нужный момент, по мере необходимости;

- **максимальная визуализация учебного материала;**
- **разнообразие средств наглядности;**
- **последовательность показа** (демонстрации), иллюстрации должна быть синхронизирована в соответствии с последовательностью устного изложения учебного материала;
- **удачное словесное сопровождение средств наглядности** (следует детально продумывать пояснения в ходе демонстрации);
- **чёткость, освещённость и соразмерность с учебным классом наглядных пособий** (чтобы все обучающиеся могли хорошо видеть объект, модель, изображение на экране, демонстрацию опыта, показ приёма, действия и т.п.);
- **отображение главной и существенной информации в содержании визуального кадра, красочность оформления** демонстрационных картинок (слайдов), **анимация демонстрации;**

При изготовлении и применении средств наглядности важно и необходимо **всячески использовать современные возможности мультимедийных компьютерных средств**: 3D-графика, звуковое (музыка и аудиотекст) и текстовое (письменный текст на экране различными шрифтами, выделениями, размером, бегущей строкой) сопровождение, гиперссылки, анимация, звуковые и цветовые эффекты (мигание, смена цвета), изменение масштаба, размеров элементов изображения (крупный – средний – мелкий план) и ракурса демонстрации (сверху – снизу – сбоку – спереди – сзади – изнутри).

В методическом арсенале использования средств наглядности преподавателя ценно **сочетание приёмов статического и динамического способа предъявления информации**. Такая методика позволяет принудительно удерживать непроизвольное внимание на объекте внимания (вспомните часто меняющиеся телевизионные кадры рекламных и «клиповых» роликов и ваш безотрывный взгляд на экран с безмолвным вопрошанием «Что там будет дальше?»).

Если преподаватель использует для записей и начертания изображений учебную доску, флип-чарт, экран и другие подобные средства, то небрежности в его действиях быть не должно. Перед обучающимися должны предстать **чёткая, аккуратная запись и аккуратный, наглядный рисунок на доске**; правильное, ненагромождённое, взаимосвязанное расположение учебного материала.

При задействовании принципа наглядности обучения немалую роль играет **метод применения основных научных (экспериментальных) положений педагогической и экспериментальной психологии** по закономерностям протекания познавательных (когнитивных) процессов. Так, например, не все преподаватели знают, что, педагогически целесообразно и методически грамотное применение звуковых устройств увеличивает объём усваиваемой информации на **15%**, визуальных – на **25%**, совместное использование аудиовизуальных средств обеспечивает усвоение информации до **65%** (табл. 2) [5].

Табл. 2. Увеличение объёма усваиваемой информации в зависимости от применяемых технических (компьютерных) средств

Применяемый вид технического средства обучения	Аудиосредства	Визуальные средства	Аудиовизуальные средства
Объём усваиваемой учебной информации	На 15%	На 25%	До 65%

Одним из эффективных методов активизации УПД является **метод применения структурно-логических схем** (СЛС). Логические структурные схемы – оригинальный эффективный инструмент для активизации всех познавательных способностей студента, к которым, в первую очередь, относятся восприятие, воображение, память, представление, мышление. **Графические СЛС** позволяют на уровне образного мышления в доступной форме довести до сознания студента суть понятия, показать его основные особенности, отличия, выявить характерные признаки.

Представление учебной информации в форме структурно-логических схем (СЛС) – это одна из форм изобразительной наглядности. Изучаемый материал представляется в конкретной и структурированной форме, отражая содержание отдельных вопросов темы или раздела, **в виде графиков, чертежей, схем, формул, уравнений**. Каждая схема имеет опорный сигнал – символ, точнее обобщенный образ восприятия, который, с одной стороны, объединяет вопросы, представленные на

СЛС, а с другой – помогает обучающимся увидеть особенности отдельных вопросов, тем или разделов изучаемого курса.

Применение СЛС при работе со студентами позволяет преподавателю: а) реализовать принцип крупноблочного представления информации, сократить время на изложение теоретического материала; б) установить более тесный контакт с аудиторией и **активизировать работу студентов**.

Проведенные исследования показали, что **применение СЛС в учебном процессе способствует активизации психических познавательных процессов**: восприятия, внимания, памяти, мышления, воображения, а также **самостоятельной познавательной деятельности студентов, значительно повышает ее эффективность** [1,5].

Для **изготовления** удерживающей внимание и вызывающей интерес **презентации**, либо отдельных учебно-наглядных пособий с использованием электронных слайдов (например, в редакторе **Power Point**) необходимо руководствоваться следующими правилами и рекомендациями [2]:

- используйте *не более трёх цветов* на одном слайде;
- используйте *не более трёх шрифтов* на одном слайде;
- оформляйте *все слайды в одном стиле*;
- в одном слайде должно быть *не более 40 слов*;
- всю *информацию*, которую можно отобразить образами или символами, *отобразите образами или символами*;
- не используйте шрифтов с засечками, они плохо воспринимаются;
- не перегружайте выступление слайдами, *человек способен воспринять за 20 минут лишь 7 информативных слайдов*;
- *не дублируйте на слайде того, о чём вы говорите*. Слайд только иллюстрирует ваши слова или закрепляет ключевые моменты;
- подберите освещение так, чтобы изображение на экране было чётким и без помех воспринимаемым;
- расставьте оборудование таким образом, чтобы демонстрационный экран и учебная доска были по левую руку от вас.

Помимо представленных в статье методов активизации УПД обучающихся более широкую и подробную информацию об этой группе методов

Информационные источники

1. Зимняя И.А. Педагогическая психология: Учебник для вузов / – 3-е издание, Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2010. – 448 с.
2. Студеникин С.И. Мотивация активности учебно-познавательной деятельности студентов. Учебно-методическое пособие / Т.2 – Одинцово: АНОО ВПО «ОГИ», 2013. – 280 с.: ил.
3. Студеникин С.И. Дидактика. Современные методы и средства обучения. Учебно-методическое пособие. – М.: Спутник+, 2011. – 463 с.
4. Хоруженко К.М. Педагогика: Словарь афоризмов и изречений. – М.: «Социальный проект», 2009. – 320 с.
5. http://www.pirao.ru/strukt/lab_gr/g-pozn.html; сайт группы психологии развития познавательных процессов ПИ РАО.

можно получить из информационных источников [2,3,5].

Выводы и предложения. Таким образом, в процессе реализации концепции объяснительно-иллюстративного (традиционного) обучения для повышения качества и эффективности образовательного процесса важно применение методов повышения активности УПД обучающихся.

Выработана и предложена система правил, требований, условий, методов (способов, приёмов), рекомендаций организационного, методического, теоретического, практического характера, которые могли бы помочь, при соответствующих усилиях, решить рассматриваемую проблему.

Произведено соотнесение (сравнение) существующих современных научных подходов к проблеме активизации УПД обучающихся в образовательном процессе с воззрениями и взглядами на эту проблему выдающихся мыслителей и деятелей своего времени.

Многие рекомендованные приёмы, методы и способы, описанные в статье, могут и должны быть с успехом применены при подготовке и проведении других форм учебных занятий, в частности, на занятиях семинарского типа.

Tinatın Aliyeva

*PhD in pedagogy, assistant professor, ASPU
Baku, Azerbaijan*

THE METHOD OF ORGANIZATION OF SEMINARS ON THE IMPLEMENTATION OF THE INTERDISCIPLINARY RELATIONS

Abstract

The article deals with the method of organization of seminars on the implementation of the interdisciplinary relations for preparing math teachers in higher pedagogical institutions who meet modern requirements. Finding out logical structural schemes of relations between students' cognitive activity during student years and developing independent cognitive activity habits have been shown in the three-stage schemes. Also the table on different types of interdisciplinary relations, cognitive issues about interdisciplinary relations has been given as an example so as to use generalized interdisciplinary skills.

Keywords: professional training for math teachers, interdisciplinary relations, integration of subjects, cognitive issues, cognitive interest, learning process, implementation of interdisciplinary relations in trainings.

Introduction

A comprehensive approach to the learning process is carried out in different ways and for different purposes. One of such approaches is trainings devoted to the interdisciplinary relations. Such trainings have a

significant impact on the overall development of students: their mind becomes active, scientific outlook is broadened, knowledge about their future profession enriches, and they develop as a person.

Questions on different topics that have been come across in our work experience are handed out to students as an individual work in lectures and practical trainings on the methods of teaching math, and students enthusiastically perform the same tasks. Students willingly take plunge when it comes to the thought out tasks that will help them to become a professional specialist. This is because in this case knowledge related to the neighboring disciplines is repeated, the relation between them is determined and new results are obtained on the basis of this knowledge. (Ağayev A.A, 2006)

The main objective of this work starting from the first year and implemented systematically is developing independent cognitive abilities by finding out logical structural schemes of relations between students' cognitive activity elements.

Preparation of the student is carried out according to schematic phases given in the following tables.

Students get positive qualities in trainings on the implementation of interdisciplinary relations. Thus, students feel the real meaning of their profession by playing a practical game as a future teacher: learn how to use scientific and methodical literature, get an ability to choose the information that is relevant to the student's age and level of knowledge, feel proud with his scientific and methodical work and want to increase his activities in this field; learn details of classroom system. All of these activities contribute to the development of the student scientific and practical training. Information and educational material from scientific sources, which is different from methodological point of view, increases the student's cognitive interest. (Mehrabov A.O, Abbasov A.M, 2006)

Let's classify them:

1. Understanding reality and the real world.
2. Developing practical skills and habits.
3. The formation of personality and upbringing.
4. Ensuring the overall development.
5. Increasing professional qualification.

Teachers try to increase students' cognitive abilities in the process of ensuring interdisciplinary relations in order to solve students' scientific, outlook and moral problems. For this, the teacher's motive and references should be reliable so that they can influence the student's cognitive activity.

Procedural basis, which is related to the implementation of certain transactions, is characterized by deliberately putting forward hypothesis or suggestion.

Situational basis is characterized by outside terms of the activity, and can activate different motives of a person, and can intensify procedural basis.

Collective action of students is crucial for solving the problem of interdisciplinary relations. As a result of collective effort of students coming from different scientific fields with different interests the problem is resolved more quickly. Each student contribute his "share" to the solution of the problem. Experience

shows that students on the eve of the exam discuss questions on the subject and everyone explains issues that he knows well. Students learn a lot from each other. For example, each student likes different subjects, some like mathematical analysis, some algebra and number theory, others geometry, the methods of teaching mathematics. In this way the solution of interdisciplinary problem is done quickly in a collective way and is grounded. Students find out quickly where and how to apply each subject. Curriculum which includes math games, various contests is based on the implementation of the interdisciplinary relations. It is no coincidence that, while assigning individual work to students in an audience, they consult each other and "exchange" knowledge for the implementation of the task. On one hand it is not good because the teacher must determine each student's individual knowledge and skills, on the other hand this is good because the students enrich their knowledge by exchanging knowledge. (Mehrabov A.O, 2015)

As long as there are students who are willing to share friendship, trust and knowledge, general scientific and methodical potential of the staff and interest will go up.

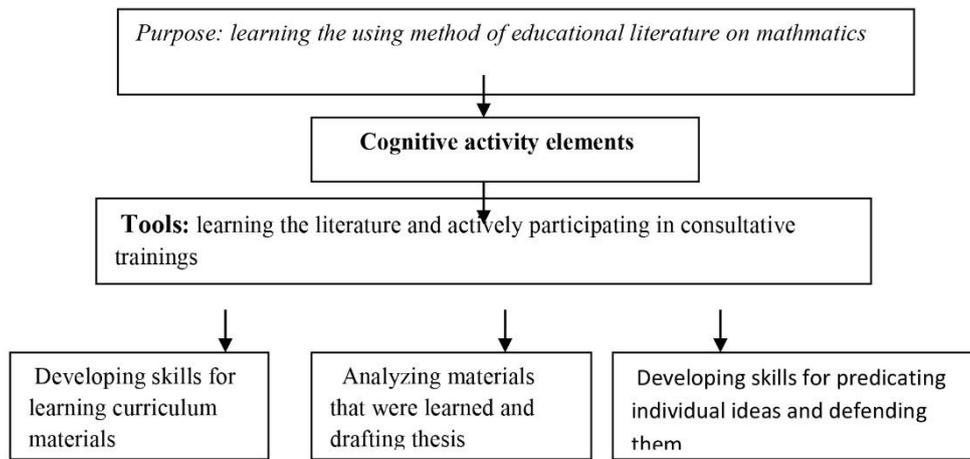
Do students prefer solving problems individually or collectively in surveys and trainings about interdisciplinary relations? Most students' answer to this question is collectively. For example, a student named Narmina K. (State Pedagogical University Faculty of Mathematics and third course, group 302) wrote: "Collective scientific activity gives an opportunity to have enough imagination about the event or object that is studied. Knowledge from different disciplines combines with each other and creates a single system: each student's moral interest is met because each student has at least one scientific field in which he is more interested. Everyone's independent potential is revealed."

As Maksimova V.N. said, this facts show that interdisciplinary connections has directly developmental function for the capacity of individuals develops and their self-esteem increases in the process of its implementation. (Максимова В.Н, 1998)

In the training process the exchange of information, consultation, learning in general, helps to increase students' cognitive activity.

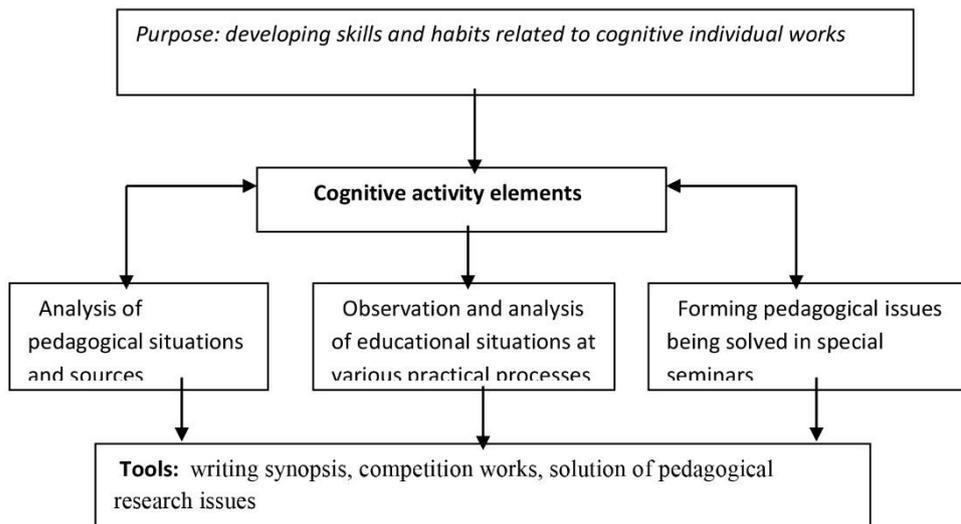
As Lerner I.Y noted, increasing of cognitive interest is a tool for improve the quality of comprehend in the learning proses. Depending on the level of cognitive interest of the student, reasoning and imaginative ability increases. The best opportunity to do so is arising problems which is cognitive in nature in trainings on the interdisciplinary relations, because such problems have both different types and solutions. Generalization of the relationship between facts and events can be carried out at different levels. Every concept can be summarized at the level of fact, theory, practical level and at the level of philosophical outlook. There is a certain type of problem on interdisciplinary relations which is relevant to these levels. The table below describes it. (Лернер И.Я, 1980)

**Logical structural schemes of relations between students' cognitive activity elements
First stage (I year)**

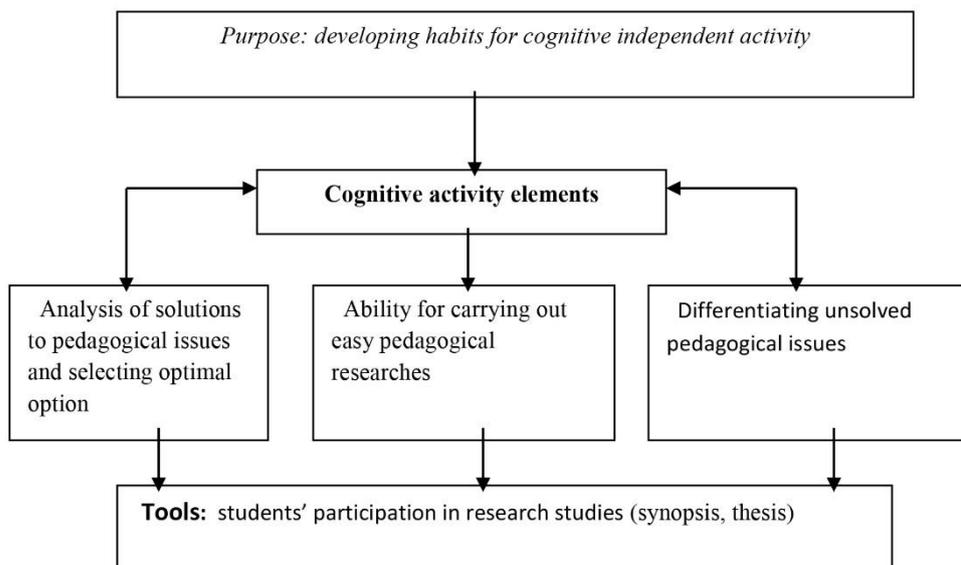
Scheme 2

Interim stage (II-III years)

Scheme 3

Final stage (II-III year)

Types of interdisciplinary relations	Cognitive problems on interdisciplinary relations	Interdisciplinary generalized skills
<p>Actual relations, type relations (forming the whole picture in students about the model of the fact based on the similar facts taught in different subjects). Concept relations (the expansion and deepening of relations between concrete concepts and generalized concepts for different subjects according to phases and elements). Theoretical relations (to give students inkling about the complete theoretical system of knowledge from different disciplines).</p>	<p>Determination of interdisciplinary relations for the formation of new concepts, specification of learned materials, interpretation of these concepts from the viewpoint of general theory, using a fact in explaining other facts etc. Creating relations between theories of various subjects, finding their common features, establishing relations between theoretical knowledge and their understanding methods, finding practical application possibilities of theories.</p>	<p>Analysis, comparison, generalization of facts related to various subjects, their explanation from the perspective of scientific ideas, connecting generalized facts with the system of knowledge and being able to achieve its application etc. To determine the relationship between the concepts of different subjects, switching from specific concepts to general ones, to find type peculiarities of different subjects, to define generalized concepts, including specific concepts to general concepts, to explain general facts on the basis of common definitions, to describe interdisciplinary complex concepts etc. The ability to consider a scientific theory as a special case of a general theory, to fully coordinate structural elements of general scientific theory. To review facts, concepts, theories and laws from the perspective of laws of dialectics.</p>

The selected problems must jibe with students' knowledge, interests and professional orientation. Of course, the implementation of interdisciplinary relations has a negative influence when it is carried out spontaneously: the student who cannot cope with the task on his own, gets mistrust in himself and loses interest in the subject. In order to avoid these situations rules of pedagogy and methodology must be used effectively. In order to reach the goal work must be done at certain stages:

1) in trainings on the implementation of interdisciplinary relations reproductive sessions and problematic training elements must be used;

2) in general courses as an individual work problems must be arised about interdisciplinary relations;

3) tasks about problematic issues must be assigned to students systematically in trainings about interdisciplinary relations;

4) in order to form skills about interdisciplinary relations different problems must be solved, first involving only two subjects, and then three and more;

5) work system must be created which determines trainings and their content on interdisciplinary connections or methodical system must be introduced to teachers.

Lectures and practical trainings on the implementation of interdisciplinary relations require the teacher to have broad erudition and preparation. In this case by finding out relations between fields that are connected to each other in terms of knowledge and can be applied genenal characteristics of the knowledge given to the student must be determined. (Талызина Н.Ф, 1975)

1. Clearly expressed goal of the training on interdisciplinary relations must be set and the system of

proper knowledge must be used. For example, in the course of mathematical analysis the content of the knowledge applied in "Real numbers", "Limit", "Functions", "Continuity" is related to both math course in high schools and to sets (set theory), problems related to them, the expansion of the concept of numbers in "Algebra" course at universities.

In Algebra course "Vector space", "Matrices and determinants", "Euclidean space" sections refer and are closely connected to "Spatial vector algebra" section in Geometry.

2. High activity of students must be provided in trainings on the disciplinary relations.

To do this, you need to solve the following issues:

- Selecting problematic issues and the task that is interesting to apply;

- Preparing specific questions from related subjects;

- Determining the content of the independent work;

- Revision (through questions or comments by the teacher);

- Assigning tasks which is problematic in nature;

- Supervising over the implementation of the work and summarizing;

- Giving homework;

3. The training on the interdisciplinary relations must have a specific purpose and reveal the essence of the event, law or method that is studied. To this end, teachers must select relevant questions about related subjects and they must be goal-oriented. For example, in the course of the methods of teaching mathematics while learning features of the teaching method of "geometric transformations" the teacher must ask questions as the following ones:

- what is geometric transformation?

- which geometric transformation is an action?
- what are the types of geometric transformation?
- what is the difference between homothety and similarity?
- what is affine transformation?
- which transformations are taught at high schools?
- application of similar transformations in problem solutions.

As can be seen in order to prepare future math teachers in the course of math teaching alongside with pedagogical aspects revision of scientific basis of high school math, restoring forgotten knowledge and ensuring its connection with university courses must be provided.

4. Results drawn in the trainings must be concrete, but also general in nature and must refer to the knowledge in different subjects. In the process of interpretation of materials or problem solution concrete application of the knowledge of other subjects must be shown.

5. Trainings on the interdisciplinary relations must raise interest in students for revealing connections between different subjects and applying knowledge. To this end, teachers should take the following measures:

- cognitive tasks must have a concrete application and be related to the real life;
- selected issues must be about proof or calculation;
- application of practical, laboratory and individual works assigned to students must be based on the knowledge of interdisciplinary relations;
- solution of non-standard issues must be given broad space.

6. Training on interdisciplinary relations can be for the revision of a certain section, or summarizing acquired knowledge.

To do this, you need to make certain changes in the organization of trainings. For example, trainings that provide generalized function of interdisciplinary relations can be organized for revision and discussion.

Complex issues can also be included to the individual work.

Taking into consideration the above-mentioned didactic requirements let us review the essence, structure and organization of seminar workshop.

Participation of related subject teachers in such seminars has a good impact. Such training form is an event that directs students to work independently, gives them a chance to get knowledge about various subjects. To organize such a training teachers review beforehand its content, questions and issues to be solved. Students are given questions to get prepared for 1-2 weeks in advance. Teachers somehow draft the plot of the seminar.

Seminar can be organized as follows:

- I. Introduction by teacher.
- II. Information by students is listened.
- III. Problem is discussed.
- IV. Seminar wrap up. Students' knowledge is evaluated.

Topics "Solution methodology for searching given set of points" and "Solution methodology for finding maximum and minimum values in geometric problems" from mathematics teaching method can be used as an assignment. For preparing these two topics students must revise "basic theories of differential association and their application" from math analysis course, "definition of geometric figures with a set of points" and "method of geometric places and its application" from elementary geometry course. They must also learn some parts of "geometry teaching methods" from mathematics teaching method. The following plan can be used for the first topic:

1. Geometric problems and their structure.
2. Types of geometric problems according to the solution.
3. Planimetrics problems about given set of points (geometric places) or problems-theories.
4. Problems-theories about set of points given in Solid geometry.
5. Preparation of illustration of figures and relevant models in the solution of problems about given set of points.
6. To draft a broad plan of a lesson.
7. Literature

The following plan can be used for the second topic of the seminar:

1. Features of the increasing and decreasing intervals of the function. Maximum and minimum.
2. A necessary condition for extreme values. Finding maximum and minimum values.
3. Relation between finding maximum and minimum values with the optimal solution method.
4. Features of geometric problems on finding maximum and minimum values.
5. Problems in algebra course at high schools about finding maximum and minimum values and their solution methods.
6. Literature

Two students can be assigned with the task "Division with remainder and its application" by working together for an individual work on the basis of the theory of numbers and calculation materials at high school:

1. Division. Its features.
2. Theory on division with remainder.
- Requirements for the allocation of sets into subsets that do not intersect with each other. Classification of natural numbers according to the number of its divisors.
3. Notion of comparison. Classification of integers according to the given module. The principle of making up the calendar.
4. Literature

The most important factor for the implementation of interdisciplinary relations is the logical connection between educational material and the student's cognitive activity in the system of trainings about different subjects. On this basis, to organize the training process, we consider it necessary to take into account the following:

- to use a combination of interdisciplinary relations and problematic approach so as to form searching cognitive ability, that is forming complex skills by gradually increasing the volume and the content of interdisciplinary relations, and problematic trainings;
- a systematic approach to the problem and interdisciplinary relations in learning process;
- solving together methodology problems of various subject teachers concerning interdisciplinary relations.

Because the teaching process is connected to the

exact functional structural relations, a change in one of them brings about a change in other relations.

Interdisciplinary relations influence the form of the curriculum and teaching methods.

In order to provide vocational training of future teachers at the high level and to use interdisciplinary relations in the curriculum in the faculty of mathematics of higher educational institutions collective work of teachers at departments (teachers that teach different subjects) and establishing relationship between them must be taken seriously.

References :

Books:

- Ağayev A.A. (2006): Training process: tradition and modernity, Baku, Adiloqlu, p. 149.
 Mehrabov A.O. (2015): Modern problems of education in Azerbaijan, Baku, Science and Education p. 288.
 Mehrabov A.O., Abbasov A.M. (2006): Pedagogical technologies, Baku, Mutarcim, p. 372.
 Karimov Y.S. (2009): Pedagogical research methods, Baku, Azernesr, p. 280.
 (1999): Reform program on the education system of the Republic of Azerbaijan. Baku, "Chashioglu" p. 65.
 Тальзина Н.Ф. (1975): Управление процессом усвоения знаний. М. Изд. МГУ, 343 с.
 Максимова В.Н. (1998): Межпредметные связи в обучении. М., "Просвещение", 160 с.
 Федоговой В.Н. М. (1980): Межпредметные связи естественно-математических дисциплин / Под. ред. "Просвещение" 208с.
 Лернер И.Я. (1980): Процесс обучения и его закономерности. М., "Знание", 96 с.

Magazin:

(2008, February1). The decree of the President of the Republic of Azerbaijan on some measures related to the integration of higher education institutions in the Republic of Azerbaijan to the European Higher Education Zone, "Azerbaijan" newspaper, Baku.

Olga Shpakivska

2, Vyshneva Street, Zhytomyr reg., 12404, Ukraine

School of Gadzinka

Email: shov85@yahoo.com

INVOLVING STUDENTS IN UKRAINE TO STUDENT SELF-GOVERNMENT AS THE MAIN CRITERION FOR THE FORMATION OF STUDENT COLLECTIVE

Summary: In the present paper we analyze the activities of students self-government (SSG) in Ukrainian universities. We consider the government as an important factor in the formation of the student group. It is investigated the influence of joint activities of students on the formation of the collective. The stages of engaging students in student self-government is determined. Also we consider the involvement of students in the SSG as the main criterion for attracting students to the SSG and describe its stages.

Key words: students self-government, collective, involving students, criterion for the formation of student collective.

Analysis of previous results. The future of Ukraine and its socio-economic development largely depends on the formation in young people of social and communicative, organizational skills, important factor in the development of which is the student self-government. Thus the essence of the educational process in the university is help boys and girls create a student collective in which dominates is the atmosphere of friendship and camaraderie mutual assistance understanding, joint search for new ideas that promote the comprehensive development of every person.

The problem of forming of the collective is interest for such authors as I. Bekh, V. Coumarin, M. Fitsula, I. Ivanov, M. Krasovytskyi, L. Vygotskii, L. Lembryk, A. Lutoshkin, A. Makarenko, A. Petrovskii, V. Sukhomlynskii, V. Ternopil'ska, L. Umanskii, N. Volkova, A. Shnirman and others.

Scientific-theoretical and practical bases of government is the object of the following resurchers: N. Bondarenko, V. Bobrytska, B. Coumarin, I. Glickman, L. Gordin, I. Ivanov, K. Korotov, M. Krasovitskii, V. Kuzya, L. Lembryk, A. Lutoshkin, A. Nikitin, A. Makarenko, B. Nabokov, L. Novikova, A. Petrovskii, K. Potopa, V. Potyha, V. Prokopchuk, M. Prikhodko, V. Sergeev, S. Shatskii, V. Sukhomlynskii, V. Ternopil'ska, E. Tishchenko, G. Tsybulko, V. Yaschenko, V. Yaschenko V. Zhukov and others.

V. Karakovskii and E. Kostyashkin investigated the question on the structure and functioning of the self-government. Experience of activities of SSG in foreign universities development such scientists as: J. Bolyubash, V. Danilenko, K. Levkovskii, M. Stepko, V. Shynkaruk, I. Vasilenko, K. Osborn etc.

The experience of investigate of collective formation problems of and functioning of the SSG great, but the problem of formation of collective of students by means government not considered. When we investigated this subject, we have identified the main criterion of forming collective by means of SSG. It is to involve students to participate in the SSG, which we describe in this article, focusing on the stages of this criterion.

The main result. Now Ukrainian students raises the issue of the creation of student self-government do not as the idea, but as a practical tool for action and implementation of their ideas.

Modern researchers do not pay proper attention to the fact that cooperation between students and the administration of the university do not always coincide with those described in the legal documents. That is why there is a series of discussions in scientific circles regarding the organization of the SSG at the university level and its impact on the formation of the collective.

The most common problem in Ukrainian universities is to involve students to the implementation of management functions universities. This means the ability of members of the academic independently and responsibly solve urgent problems. Self-government is part of the educational process. It manifests itself in a specially organized activities of students, which means providing active, voluntary participation in their management of their own activities [1, p. 376].

Involving students to the administration of the group, the faculty includes not only towards a common goal for the individual, group, department, but formation of a holistic collective. Only joint activities and satisfaction each student from the result contributes to the formation real of the collective and SSG in it [2].

In order to attract students to the SSG it is need to go through the following stages:

1. Preparatory and emotional stage. Provides recommendations for organizational structure, objectives, requirements, tasks, directions of the SSG. For this in university Ukraine widely used business games. They make it possible copy the activity of real people and real self-government (administrations), simulate real situations and management procedures for solving practical problems. During these games is necessary dialogical communication, interaction of all participants. The advantage of business games is that during their of preparation and holding of in students developing an interest in SSG, management acquires of personal of content, is formed and enriched the experience of self-organization and self-regulation. In addition, business simulation speed up the consolidation certain skills.

Internal controllers in students this is their motives, sense of purpose, understanding of the purpose, understanding the process, personal and collective importance, results of administrative activity, desire and the need to exert their own efforts, and so on. The empirical indicators activities students in the bodies of SSG serve: the level of inclusion of

students in management and their activity in it, satisfaction with their participation in the management.

An interesting example of this stage is Canada. In this country are create sites to help understand the work of self-government (Site of York university, Toronto, Canada) [3]. These sites are describe the work of the SSG widely and available. Also in these sites are a large number of useful links, a variety of information materials that explain young people the importance and the possibility of this phenomenon [4].

2. The cognitive stage. Provides necessary information for students: about the legal, socio-economic, socio-psychological and pedagogical activity SSG; about the of SSG activity in the student collective; about the content, stages, forms and methods of the SSG; about the character of interpersonal relations students and administration.

3. Activity-stage. This is a management activity in the educational collective. Therefore, as a content of management skills are the following skills: constructive, organizational, communication, gnostic. Also important is the ability to set concrete goals and plan and organize the activities to achieve the goals, and quickly assess and control the personal results, and ability to organize friends, their training, and organize self-education.

This is possible only when in universities there is a clear, stable organizational structure of government. Stability of administrative activity creates conditions for providing a wide space to the initiative of students, teachers, student organizations and groups.

It is depend on the type and specific universities that executive powers SSG can be the following forms: parliament, collegium, student educational department, student dean, senate and others. SSG may evolve into other forms of its tasks with simultaneous complication in the passing stages of its development.

Only in the clear and the sustainability of SSG students can form a real cohesive collective in which everyone can realize their abilities and skills. Even fragmented acquaintance with experience of SSG in foreign universities (France, Poland, Canada, Great Britain) can understand that it is conducted efficiently and devoid of formalism.

It is interesting a Poland experience in attracting students to the activities of the SSG who have enshrined in the law a right to participate in the decision of the general university affairs. For this student community chooses its representatives to collective bodies that operate at the university. An important lever of influence on the administration of the university by SSG in Poland is the right to determine the size of tuition fees at university. In the case of pressure from the administration on student activists, students can put the university in a difficult financial situation. Another major means of influence is a crucial right to approve the pro-rector of student issues [5].

The active involvement in SSG promotes to formation a holistic collective. Attracting students to the SSG is essential for the formation of organization and unity of the collective. Because it provides the joint

activities, the establishment of general traditions and moral norms, a clear division of responsibilities between collective members, the existence of authoritative and capable asset, joint responsibility. The activity of SSG at the level of the collective is aimed at solving such problems [6]:

- formation of a holistic and cohesive collective;
- formation and development of communication skills;
- actively participate in social activities and cultural events;
- formation of students initiative, organizational abilities and skills, the ability to make decisions collectively;
- create a healthy microclimate of group;
- education of careful attitude to university property;
- strengthening of labor discipline;
- respectful attitude to each member of collective.

The experience shows that the formation of each student a sense of responsibility is possible in the condition that each student make assignments, which for him is essential. In a student collective it is formed a responsible for assignments of each student. Therefore, every student academic group should have the assignments, which is associated with the interests and abilities. Typical assignments are the following:

mayor, union leader, coordinators of educational, cultural, sports activities, responsible for relations with civil society organizations, correspondent groups, and so on. Can be installed another assignments arising from the needs of students.

Formation, organization and unity of the collective is characterized by: degree of commitment to issues of group, similarity position, the level of mutual sympathy, a measure of the usefulness of its members, common objectives, interests, goals and preferences, attitudes of the teaching staff to the group, the ability to maintain and friendly relationships and involvement in the SSG of the collective.

The functioning of the SSG at the level of the collective group aimed at improving the quality of the educational process and improve the formation of collective action through effective activity of each student. Consequently, really active SSG is connected with the restructuring of thinking and psychology of both teachers and students with the transition from monologue forms of communication with the audience to the living, creative dialogue. It is important to avoid cases of formalized and constantly refer to the experience of the SSG in foreign universities.

The power of the SSG is in unity, cohesion, what is aimed at satisfying the interests of students in the educational process, the entire university life, to create conditions for full student life to the full collective.

References

1. S. Honcharenko, Ukrainian pedagogical dictionary, Lybid', Kyiv, 1997, 376 p.
2. O. Shpakivska, Formation of students collective by means of self-government as a scientific and theoretical problem, Scientific bulletin of V. O. Sukhomlynsky Mykolaiv state university, **1,35** (2011), 224-229.
3. <http://www.yorku.ca/web/futurestudents/life/links.html>
4. I. Vasylenko, Parenting the civil qualities of students in Canadian universities by means of self-government, Continuous professional education: theory and practice, **2** (2005), 147-152.
5. O. Shpakivska, Organization the student self-government in the practice of domestic and foreign universities, Origins of pedagogical skills, Poltava, **11** (2013), 340-345.
6. K. Potopa, Implementation of pedagogical principles of student self-government in the conditions of higher education, Acmeology – the science of the XXI Century: Proceedings of the international scientific conference, Kyiv, B. D. Hrinchenko university, 2005, 364-378.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Селезінка Любомир Миколайович

аспірант четвертого року навчання без відриву від виробництва кафедри регіонального управління, місцевого самоврядування та управління містом Національної академії державного управління при Президентові України, м.Київ;

начальник відділу контролю за процесами розпорядження державним майном Управління внутрішньодомчого контролю Департаменту аудиту та контролю Фонду державного майна України, м. Київ

Selezinka Liubomyr Mykolayovych

Postgraduate student of the forth year of research at the Faculty of the Regional and Local Government and City Management of the National Academy for Public Administration under the President of Ukraine City of Kyiv;

Head of the Division for State Property Management, Internal Control Administration, Department of Internal Audit and Control, the State Property Fund of Ukraine, the City of Kyiv

ІННОВАЦІЙНІ ПІДХОДИ В УПРАВЛІННІ РОЗВИТКОМ СФЕРИ ЕНЕРГОЗБЕРЕЖЕННЯ РЕГІОНУ INNOVATIVE APPROACHES TO THE MANAGEMENT OF DEVELOPMENT IN A SPHERE OF ENERGY SAVING IN A REGION

Анотація: Запропоновано інноваційні підходи в управлінні розвитком сфери енергозбереження регіону. Серед найважливіших стратегічних пріоритетів сталого розвитку України можна виділити формування сприятливого середовища для технологічної та структурної перебудови економіки, створення економічних, фінансових, управлінських та правових механізмів реалізації державної політики енергоефективності.

Ключові слова: інноваційні підходи, стратегічні пріоритети, управління розвитком, багаторівневе управління, сфера енергозбереження, енергоефективність, регіон, механізми.

Summary: The innovative approaches to the management of development in a sphere of energy saving in a region have been suggested. Formation of a favorable environment for technological and economic restructuring, creating economic, administrative, financial and legal mechanisms for the implementation of state energy efficiency policy are among the most important strategic priorities of Ukraine's sustainable development.

Keywords: innovative approaches, strategic priorities, management of development, multi level governance, sphere of energy saving, energy efficiency, region, mechanisms.

Постановка проблеми. Рівень розвитку сфери енергозбереження та енергоефективності має вирішальний вплив на стан економіки в державі, вирішення проблем соціальної сфери та рівень життя людини. Енергозбереження є проблемою для регіонів України із-за енергоємності їх економік, що не відповідає стандартам країн із розвинутою економікою. Діяльність органів публічної влади у сфері енергозбереження досі не дала суттєвого результату, внаслідок чого знижується конкурентоспроможність вітчизняної продукції, залишаються неякісними енергетичні послуги населенню, послаблюється енергетична безпека України.

Виклики що постають перед регіонами України, зумовлюють необхідність пошуку інноваційних підходів у формуванні механізмів державного регулювання в управлінні розвитком сфери енергозбереження на регіональному рівні [1, с. 3].

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Вагомий внесок у розвиток науково-теоретичних, методичних та організаційних основ політики енергозбереження зробили дослідження вітчизняних вчених, зокрема: І. А. Башмакова, В. В. Бушуєва, Б. П. Варнавського, М. В. Гнідого, С. П. Денисюка, В. А. Жо-

втянського, Є. М. Инкешова, Т. М. Карпа, М. П. Ковалка, В. Т. Меркушова, В. В. Микитенко, А. В. Праховника, Ю. В. Синяка, Б. С. Стогнія, О. М. Суходолі, В. Е. Тонкаля, А. К. Шидловського, Ю. І. Шульги та зарубіжних фахівців: А. Алмейди, Ф. Анандера, С. Аталі, Балкелі, Бірман, Д. Вілліам, Б. Жаме, М. Коломбера, Б. Лапонша, С. Мартішоу, Л.Шіпера, Г. Александер, Дж. Бейлі, Дж. М. Кейнс, Д. Кларк, С. Михайлов, Д. Норт, Р. Нельсон, Т. Троїцький-Марков, Б. Санто, Б. Твісс, Ф. Модільяні, М. Фрідман, У. Шарп, Й. Шумпетер та інші.

Адаптація зарубіжних розробок до умов і специфіки інноваційної діяльності в Україні становить значний науковий і практичний інтерес та потребує спеціальних досліджень. Вагомість зазначених проблем зумовила вибір теми і завдань дослідження.

Метою цього дослідження було розглянути інноваційні підходи в управлінні розвитком сфери енергозбереження регіону.

Для досягнення поставленої мети виконували наступні завдання:

1. Запропонувати шляхи удосконалення вітчизняної нормативно-правової бази та адаптації чинного законодавства до вимог законодавства Європейського Союзу.

2. Розглянути передумови створення цілісної та дієвої системи управління і регулювання у сфері енергоефективності та енергозбереження.

3. Запропонувати способи докорінного зменшення енергоємності виробництва вітчизняної продукції за рахунок впровадження новітніх енергоефективних технологій та обладнання.

Будь-які економічні, інституційні та інші перетворення у сфері енергоефективності, а також побудова внутрішньої та зовнішньої політики у цій сфері мають ґрунтуватися виключно на засадах національного законодавства. Саме закони повинні стати основою правового регулювання енергоефективних відносин. Таке регулювання має бути максимально чітким та деталізованим, що дозволить мінімізувати прийняття підзаконних нормативно-правових актів та уникнути дискримінаційного застосування законодавства.

На цей час правове регулювання в сфері енергоефективності має несистемний характер та характеризується відсутністю рамкового закону, який встановлював би основні засади та підходи до регулювання відносин щодо ефективного використання паливно-енергетичних ресурсів (ПЕР).

Основним завданням законодавства у сфері енергоефективності є створення сприятливих умов для ефективного використання ПЕР, уникаючи безпосереднього втручання у господарську діяльність суб'єктів господарювання. Для реалізації цього завдання перш за все необхідно створити взаємоузгоджену дієву та прозору систему законодавства в сфері енергоефективності. Така система повинна містити правові норми, які б передбачали адекватне поєднання інструментів державного регулювання та заохочення суб'єктів господарювання і населення щодо ефективного використання ПЕР. Для досягнення цієї мети необхідним є негайне удосконалення законодавства з енергозбереження, яке включало б, зокрема, урегулювання таких ринкових механізмів підвищення енергоефективності як енергетичний аудит та енергетичний менеджмент.

Правові норми, що регламентують діяльність, пов'язану з формуванням і забезпеченням реалізації державної політики у сфері енергоефективності, повинні чітко визначати повноваження, права й обов'язки суб'єктів правовідносин.

Удосконалення чинного законодавства та нормативно-правової бази у сфері ефективного використання енергетичних ресурсів, має стимулювати:

– залучення інвестицій у сферу енергоефективності та відновлюваних джерел енергії, пільгове кредитування суб'єктів господарювання;

– впровадження енергоефективних технологій та обладнання;

– стимулювання розвитку вітчизняного ринку альтернативних видів палива, заохочення підприємств, які використовують відновлювані джерела енергії;

– кредитування фізичних осіб, які здійснювали реалізацію відповідних енергозберігаючих заходів у житловому фонді.

Адаптація законодавства України до законодавства ЄС є міжнародним зобов'язанням, передбаченим Угодою про партнерство і співробітництво між Україною та Європейськими Співтовариствами та їх державами-членами, відповідно до якої між сторонами встановлюється партнерство цілями якого є:

– забезпечення у відповідних рамках політичного діалогу між сторонами, який сприятиме розвитку тісних політичних відносин;

– сприяння розвитку торгівлі, інвестицій і гармонійних економічних відносин між сторонами і, таким чином, прискоренню їхнього сталого розвитку;

– створення основ взаємовигідного економічного, соціального, фінансового, цивільного, науково-технічного та культурного співробітництва;

– підтримка зусиль України по зміцненню демократії і розвитку її економіки та завершенню переходу до ринкової економіки [2, ст. 1].

Пристосування українського законодавства до законодавства ЄС для створення в Україні у сфері енергоефективності конкурентних ринків, інтегрованих до європейських доцільно здійснювати з урахуванням особливостей, якими характеризувався процес приведення у відповідність з вимогами європейського права (насамперед, директив) законодавства країн-членів ЄС, а саме:

– з урахуванням існуючих відмінностей у функціонуванні та правовому регулюванні різних сегментів енергоефективності, а також існуючих особливостей їх оподаткування, фінансування, корпоративного управління, охорони навколишнього природного середовища тощо;

– врахування положень права ЄС та внесення змін до діючих і розроблення нових нормативно-правових актів, спрямованих на досягнення визначеної мети.

Розвиток і реформування сфери енергоефективності потребує чіткого визначення і розмежування функцій державного управління та регулювання, а також уникнення впливу природних монополій на прийняття рішень відповідними державними органами.

Пріоритетом проведення державної політики енергоефективності є встановлення ефективно діючих, прозорих механізмів регулювання взаємовідносин суб'єктів господарювання, населення та держави, уникнення адміністративного втручання у ринкові механізми ціноутворення на енергоресурси, зниження рівня корупційних схем у сфері оподаткування, що створить основу успіху єдиної державної політики енергоефективності. Наведений підхід в країнах з ринковою економікою порівнюють з багаторівневим управлінням яке пов'язано із процесом узгодження на всіх рівнях у різних сферах і галузях, який характеризується широким залученням урядових структур, регіональних та місцевих органів влади, бізнесу й неурядових організацій до процесів прийняття рішень та

реалізації політики. Багаторівневе управління є характерною рисою сучасних політик країн з ринковою економікою та важливим чинником її ефективності [3 с. 11].

Для реалізації вищезазначеного необхідно забезпечити дотримання наступних передумов:

- ліквідацію чинників, що призводять до виникнення непрозорих механізмів прийняття рішень;

- встановлення ринкових правил ціноутворення на паливно-енергетичні ресурси і уникнення адміністративного регулювання цін з боку органів державної влади;

- запровадження економічного стимулювання ефективного використання паливно-енергетичних ресурсів через механізми податкової політики, введення “зелених тарифів”, енергетичних чи екологічних податків за видами та обсягами споживання енергоресурсів;

- встановлення в механізмах державної підтримки принципу стимулювання виробника до підвищення енергоефективності виробництва чи використання енергоресурсів через кінцевого споживача тощо.

Держава повинна створювати необхідні умови для проведення системних комплексних досліджень у сфері ефективного використання паливно-енергетичних ресурсів та розроблення наукових основ новітніх енергозберігаючих технологій.

Одні з основних чинників що впливають на темпи зниження енергоємності внутрішнього валового продукту (ВВП) є:

- низький рівень впровадження енергоефективних технологій та обладнання;

- високий рівень фізичної зношеності технологічного обладнання в усіх галузях національної економіки.

Аналіз світового досвіду застосування механізмів стимулювання заходів у сфері енергоефективності дозволяє зробити наступні висновки:

- для заохочення ефективного використання паливно-енергетичних ресурсів або для боротьби з неефективним чи надмірним споживанням енергії використовуються різні схеми оподаткування, які підвищують відносну вартість спожитих енергоресурсів або зменшують відносну вартість застосування нових технологій;

- фінансові стимули використовуються для заохочення реалізації політики енергоефективності шляхом підвищення економічної привабливості відповідних інвестицій та закупівель або зниження експлуатаційних витрат.

З урахуванням реального стану економіки України, першочерговими заходами з впровадження економічних механізмів енергоефективності є здешевлення кредитів і звільнення від оподаткування частини прибутку, отриманого за рахунок впровадження енергоефективних та енергозберігаючих технологій та запровадження

механізмів фінансування від третьої особи в бюджетній сфері.

Основними джерелами надходження коштів для функціонування економічних механізмів стимулювання програм, проектів та заходів з підвищення енергоефективності є: кошти державних та місцевих бюджетів; власні кошти підприємств; кредитні ресурси; внутрішні та зовнішні інвестиції.

Світовий досвід показує, що відновлювані джерела енергії мають свою природну невичерпність і виключно екологічну чистоту. Їх використання не призводить до змін екологічного балансу на планеті.

Енергетичний баланс України на сьогодні складається в основному з традиційних енергоносіїв таких, як вугілля, газ, нафта та нафтопродукти, що визначає суттєву залежність країни від імпорту енергоносіїв.

В той же час, порівняльна оцінка енергоспоживання, енергоємності та екологічності національного виробництва в Україні і світі доводить, що одним з найбільш перспективних шляхів диверсифікації джерел постачання енергоносіїв є збільшення у структурі енергетичного балансу частки енергоносіїв, отриманих з відновлюваних джерел енергії. Україна має значний технічно-дослідницький потенціал використання відновлюваних джерел енергії, який становить понад 98 млн т у.п. на рік.

Проте в енергетичному балансі України енергоносії, отримані з відновлюваних джерел (не враховуючи великої гідроенергетики) складають близько 1% в загальному енергоспоживанні.

Неоптимальна структура енергетичного балансу з переважанням в ньому енергоносіїв імпортного походження призводить до посилення залежності України від зовнішньополітичних факторів, до наукового, науково-технічного та технологічного відставання від провідних країн світу. Це також призводить до посилення техногенної та екологічної небезпеки.

Таким чином, проблема полягає у необхідності усунення критичної залежності вітчизняної економіки від імпортних поставок енергоносіїв, зміни структури енергетичного балансу шляхом зменшення в ньому частки традиційних енергоносіїв та заміни їх на енергоносії, отримувани з відновлюваних джерел, зменшення антропогенного та техногенного навантаження на навколишнє природне середовище України.

При цьому, буде поліпшено рівень енергетичної безпеки України, гарантований потенціалом вітру, сонця та малих річок нашої країни [4 с. 119].

Розв'язання зазначеної проблеми відповідає пріоритетам державної політики розвитку та використання відновлюваних джерел енергії, для чого передбачається: впровадження новітніх технологій виробництва енергоносіїв, отримуваних з відновлюваних джерел енергії; зниження рівня забруднення навколишнього природного середовища; подальшого законодавчого врегулювання питань

розвитку та використання відновлюваних джерел енергії в Україні; створення сприятливих економічних умов для залучення інвестицій у галузь відновлюваних джерел енергії в Україні.

Висновки та пропозиції: Результатами дослідження встановлено що запропоновані інноваційні підходи в управлінні розвитком у сфері енергозбереження в регіоні шляхом удосконалення та адаптації чинного законодавства в частині залучення інвестицій у сферу енергоефективності та відновлюваних джерел енергії, пільгового кредитування суб'єктів господарювання, впровадження енергоефективних технологій та обладнання, стимулювання розвитку вітчизняного ринку альтернативних видів палива, заохочення підприємств, які

використовують відновлювані джерела енергії, кредитування фізичних осіб, які здійснювали реалізацію відповідних енергозберігаючих заходів у житловому фонді, створення цілісної та дієвої системи управління і регулювання у сфері енергоефективності та енергозбереження, зменшення енергоємності виробництва вітчизняної продукції за рахунок впровадження новітніх енергоефективних технологій та обладнання доцільно розглядати з урахуванням сучасних підходів країн з розвинутою економікою що застосовують підхід багаторівневого управління у сфері енергоефективності. З огляду на вищевикладене, перспективним напрямом подальших наукових досліджень є багаторівневе управління у сфері енергозбереження.

Список літератури:

1. Інноваційні підходи до регіонального розвитку в Україні: Аналітична доповідь Національного інституту стратегічних досліджень України [Електронний ресурс]. - Режим доступу: http://www.niss.gov.ua/content/articles/files/innovation_Bila.indd-bb655.pdf
2. Про партнерство і співробітництво між Україною і Європейськими Співтовариствами та їх державами-членами: Угода [Електронний ресурс]. - Режим доступу: http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/998_012/page
3. Innovations in multi-level governance for energy efficiency: International Energy Agency [Електронний ресурс]. - Режим доступу: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/mlg_final_web.pdf
4. Енергетична стратегія України на період до 2030 року: Схвалено розпорядженням Кабінету Міністрів України від 24 липня 2013 р. № 1071-р. - Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/n0002120-13/paran3#n3>
5. Дегтярьова І. О. Конкурентоспроможність регіону: стратегічні пріоритети та механізми державного управління : монографія / І. О. Дегтярьова. – К. : НАДУ, 2012. – 368 с.
6. Про стимулювання розвитку регіонів: Закон України [Електронний ресурс]. - Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2850-15>
7. Бевз С.М. Енергозбереження - фінансові механізми та можливості Міжнародної співпраці / С.М.Бевз // Енергоефективність 2004: матеріали міжнар. конф. Одеса, 13-16 жовт. 2004 р. - Одеса: Ветаком, 2004.
8. Бевз С.М. Світовий досвід реалізації політики енергозбереження / С.М.Бевз // Зб. наук. пр. ІЕД НАНУ: спец. вип. - К.: ІЕД, 2004.
9. Договір до Енергетичної Хартії та Заключний акт до нього, Протокол до Енергетичної Хартії з питань енергетичної ефективності і суміжних екологічних аспектів від 17 груд. 1994 р. (ратифікований Законом України від 6 лютого 1998 р. № 89/98-ВР). [Електронний ресурс]. - Режим доступу: http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/995_056
10. Заключний документ Гаазької конференції з Європейської енергетичної хартії від 17 груд. 1991 р. [Електронний ресурс]. - Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_061
11. Закон України про державні цільові програми [Електронний ресурс]. - Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1621-15>
12. Закон України про енергозбереження [Електронний ресурс]. - Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/74/94-%D0%B2%D1%80>

УДК 354.1/314.1

Коновал Вадим Александрович

перший заступник начальника управління інформаційно-комунікаційних систем та захисту інформації апарату виконавчого органу Київської міської ради (Київської міської державної адміністрації), здобувач кафедри інформаційної політики та електронного урядування Національної академії державного управління при Президентові України, м. Київ.

Konovall V.A.

first deputy head of the information and communication systems and information protection office of the executive body of the Kyiv City Council (Kyiv City State Administration), aspirant of Department of Information Policy and Electronic Governance the National Academy for Public Administration under the President of Ukraine, Kyiv.

тел.: 063 617-38-39, e-mail: vad_1977@ukr.net

СВІТОВИЙ ДОСВІД ВПРОВАДЖЕННЯ ЕЛЕКТРОННОГО УРЯДУВАННЯ WORLD EXPERIENCE IMPLEMENTING E-GOVERNMENT

У статті розглянуто міжнародний досвід створення й розвитку систем електронного урядування; проаналізовано процеси еволюції використання інформаційно-комунікаційних технологій в публічному управлінні, зроблено огляд впровадження електронного урядування в успішних країнах світу в контексті західної та східної моделей управління.

Ключові слова: електронне урядування, електронний уряд, світовий досвід, електронні послуги, інформаційно-комунікаційні технології, західна та східна моделі.

Konovall V.A. World experience implementing e-government.

The article examines the international experience of creation and development of e-governance; The process of evolution information and communication technology in public administration, reviewed the implementation of e-governance in successful countries in the context of Eastern and Western management models.

Keywords: e-government, e-government, international experience, e-services, information and communication technology, western and eastern models.

Постановка проблеми. Перехід до постіндустріального суспільства передбачає трансформацію політичних інститутів і публічного управління з урахуванням вимог інформаційної епохи. Інтернет-технології, що забезпечують інформаційну взаємодію органів влади, бізнесу, інститутів громадянського суспільства та населення, отримали в сучасній літературі стійке найменування «електронне урядування». В цілому електронне урядування – це модернізація системи публічного управління, яка охоплює як надання якісних послуг для громадян і бізнесу, так і налагодження новітніх комунікативних каналів між владою та громадянським суспільством, перебудову функціонування всієї публічної служби.

Нині в світі практично не залишилося країн, які б не використовували у своїй діяльності ті або інші компоненти електронного урядування. Проте практика їх використання є різною, про що свідчить розподіл елементів їх впровадження, міра їх інтеграції до управлінських структур та функцій.

Актуальність дослідження і полягає в необхідності розгляду досвіду впровадження електронного урядування у передових країнах світу. З огляду на сучасний курс реформування України аналіз світового досвіду є необхідним та буде дуже корисним для розробки шляхів модернізації публічного управління.

Аналіз останніх досліджень і публікацій.

Існує значна кількість робіт, присвячених темі електронного урядування. Першопрохідцями можна вважати великі корпорації, постачальники

програмного забезпечення, такі як: Microsoft, Samsung, HP і тощо. Практично всі корпорації подібного масштабу мають технології, орієнтовані на публічний сектор. Звертаючись до вітчизняних наукових праць, в яких досліджувалося питання розвитку електронного урядування в контексті модернізації публічного управління і розвитку інформаційного суспільства, слід відзначити роботи О. Голобуцького [1], А. Журавльова [7], В. Єганова [3], І. Клименка [5], Ю. Ковбасюка [2, 6], К. Ляньова [5], А. Семенченка [2, 7] та ін.

Таким чином, проблематика електронного урядування не є новою, її дослідженню присвячено багато розробок, які відрізняються різними підходами до розгляду цього явища. Втім, аналіз світового досвіду впровадження електронного урядування залишається висвітленим не в достатній мірі.

Метою статті є дослідити процеси еволюції та визначити особливості впровадження електронного урядування в успішних країнах світу в контексті західної та східної моделей управління.

Основні результати дослідження. Існують дві основні моделі впровадження електронного урядування у світі: західна та східна. Зокрема процес реформування публічного управління в західних країнах пов'язаний з реорганізацією державних органів на основі принципів «нового публічного управління» та створення «відкритої держави». В той же час, проекти впровадження електронного уряду в східних державах реалізуються на базі принципів традиціоналізму (конфуціанства) та «раціональної бюрократії».

В рамках західної моделі слід відокремити шлях, обраний країнами Європи, від американського шляху. У 2000 р. лідери Європейського Союзу ухвалили Лісабонську стратегію [21] для того, щоб зробити ЄС найдинамічнішою і конкурентоспроможною економікою в світі, заснованою на знаннях. Інформаційно-комунікаційні технології (ІКТ) послужили ключовим компонентом у досягненні цих цілей. Була розроблена спеціальна програма «eEurope» [10], щоб реалізувати цілі Лісабонської стратегії в області ІКТ. Ця програма стала продовженням широкого діапазону ініціатив в цій області, зроблених Комісією ЄС з 1984 року.

У програмі «eEurope» 2000-2002 рр. було три головних мети: більш дешевий, швидкий і безпечний Інтернет, інвестиції в навички людей і збільшення використання мережі Інтернет. Пізніше ці цілі були змінені у наступних програмах ЄС щодо впровадження електронного урядування [11, 8] на надання публічних послуг в режимі онлайн, динамічне середовище електронної комерції, повсюдне поширення широкосмугового доступу і безпечної інформаційної інфраструктури [28].

Істотними документами в цій галузі також є «Роль електронного уряду для майбутнього Європи» («The Role of E-Government for the Future of Europe» [29]) і «Електронне урядування в Європі: стан справ» («E-Government in Europe: The State of Affairs» [20]), представлені на європейській конференції в м. Черноббю (Італія).

На рівні Євросоюзу була узгоджена правова база для розвитку системи електронного уряду, виражена у формі Директив Європейської комісії, які всі країни-учасниці зобов'язані впровадити в національне законодавство. Відповідно, у європейських країнах прийняті закони, що стосуються:

- електронних цифрових підписів;
- електронної торгівлі;
- захисту даних;
- державних замовлень.

Також у всіх країнах ЄС прийняті закони про доступ до інформації. Вимоги Євросоюзу до законодавства, що регулює системи електронного уряду, охоплюють як технічні аспекти (цифровий підпис, електронна торгівля), спрямовані на спрощення створення систем електронного уряду, так і етичні й політичні питання (розподіл держзамовлень, доступ до інформації), що визначають нові обов'язки державних установ щодо захисту прав громадян і організацій в новому контексті надання публічних послуг електронними засобами.

Європейський Союз ввів систему постійного моніторингу характеристики наступних електронних послуг, що надаються громадянам і бізнесу:

1) послуги громадянам: надання публічної інформації та відповіді на запити; сприяння в декларуванні податків; пошук роботи через службу зайнятості; надання соціальної допомоги, виплата допомоги по безробіттю, на дитину, відшкодування витрат на медичні послуги, оплата навчання; видача персональних документів (паспорт, водійські

права; реєстрація автомобіля; подача заяв на будівництво; інформування поліції (крадіжки і т.д.); надання доступу до публічних бібліотек (доступність каталогів, пошукові засоби); видача свідоцтв про народження та шлюб; прийом заяв до вищих навчальних закладів; інформування про зміну проживання; послуги, пов'язані з медициною (інтерактивні консультації, заявки на лікування в конкретному місці, доступність послуг в госпіталі) тощо;

2) послуги бізнесу здійснюються в таких сферах, як соціальні відрахування від заробітної плати працюючих; корпоративні податки і декларування; податок на додану вартість; реєстрація нової юридичної особи; повідомлення статистичних даних; митне декларування; отримання дозволів, пов'язаних з охороною навколишнього середовища; державні закупівлі тощо.

На додаток до ініціатив на рівні Європейського Союзу більшість держав-членів визначило свої власні національні стратегії, як частини програм «eEurope». На початку 1990-х було популярно для кожної країни розробити власну програму, як стати лідером з розвитку інформаційно-комунікаційних технологій [17]. Так наприклад, у Швеції були програми для державного фінансування широкосмугових мереж; у Данії – широкосмуговий доступ отримав істотні субсидії оподаткування, оскільки компаніям дозволили здійснювати широкосмугові з'єднання з їх службовцями як неоподаткованої додаткової пільги [14]; Бельгія була однією з перших країн, які застосували систему голосування, використовуючи мережу Інтернет [9].

Американський підхід відрізняється від європейського, що обумовлено структурою та традиціями публічного управління в США. Шлях формування інформаційного суспільства визначається загальною моделлю соціально-економічного розвитку, в якій функції держави зводяться до мінімуму, а діяльність приватних осіб – до максимуму.

Одним з пріоритетних напрямів розвитку інформаційного суспільства в США є створення електронного уряду, що забезпечує населення всією необхідною інформацією з метою більшої відкритості і підзвітності уряду громадянам. Зокрема підзвітність не зводиться лише до надання якоїсь потрібної громадянам інформації, а забезпечується відкритою специфікацією комплексів показників роботи конкретних державних органів і створенням доступних населенню засобів моніторингу цих показників.

Важливим кроком для впровадження електронного урядування в країні стало підписання у 1999 р. Президентом США двох меморандумів: «Про електронний уряд» (Electronic Government) [23] та «Про використання інформаційних технологій на користь суспільству» (Use of Informational Technology to Improve Our Society) [31]. Це власне був старт широкомасштабного проекту впровадження технологій електронного урядування в діяльність американських державних структур. В

якості ключової була визначена проблема, яка полягала в тому, що до того часу громадянин змушений був звертатися до конкретного відомства, а не до уряду в цілому.

Головний урядовий портал США [30] був уведений у дію у 2000 р. Він об'єднує безліч сайтів на рівні інтеграційних послань, містить повну інформацію про державні ресурси, послуги й форми для громадян, бізнесу та уряду. Онлайн-сервіси, представлені на урядовому веб-порталі США, реалізуються шляхом перенаправлення на відповідні сайти. Для вирішення проблем інтеграції міжвідомчих проектів влада США спирається на концепцію федерального корпоративного будівництва. Основною метою федеральної інформаційно-технологічної архітектури є забезпечення умов для міжвідомчої розробки процесів, стандартів та обміну інформацією [4, с. 25].

Пізніше в США був прийнятий Закон «Про електронний уряд» (the E-Government Act of 2002), який був направлений на розширення доступу до інформації про уряд, а також надання інформації та послуг громадянам, службовцям, іншим агентствам і юридичним особам [26].

В цілому, в США набула розвитку система управління процесом впровадження електронного урядування та покрокового створення системи надання електронних публічних послуг, як важливої складової удосконалення адміністративної системи. При цьому важливим фактором успіху стала інформатизація публічного управління та інтерактивність урядових послуг у системі функціонування урядових відомств.

Східна модель спирається на специфічний стиль управління, азійський тип корпоративної культури і багатопланову систему публічного управління, організованого за принципом ієрархічної піраміди. Її представники прагнуть впровадити альтернативний західному підхід, який базується насамперед на затвердженні власних ціннісних орієнтацій щодо індустріалізації, інформатизації і соціального розвитку. В його основі лежать співпраця держави і ринку, спроба встановити зв'язок між культурними цінностями, властивими прихильникам конфуціанству, які супроводжуються соціальними змінами. В рамках східної моделі виділяються Японію, «азійських тигрів», а також Китай.

Поняття «японське економічне диво» є хрестоматійним. Успіхи країни в розвитку інформаційного суспільства в цілому співпадають з успіхами США в цій сфері. Одним з найважливіших факторів їх досягнення залишаються значні витрати на наукові дослідження і розробки, високий пріоритет ІКТ у вирішенні проблем соціально-економічного розвитку країни.

У 2000 р. в Японії був прийнятий закон про формування прогресивного інформаційно-комунікаційного суспільства (the Basic Law on the Formation of an Advanced Information and Telecommunications Network Society) відповідно до

базової стратегії ІКТ (Basic IT Strategy) [19]. Акцент був зроблений на формування Японії як країни з високорозвиненими ІКТ та ключове завдання впровадження електронного урядування [24].

Стратегія «Електронної Японії» («e-Japan») [13] була анонсована як національна стратегія в 2001 р. «Електронна Японія» повинна була стати основою спільноти, в якому кожна людина могла б активно використовувати інформаційні технології та отримувати від цього вигоди і переваги. Найважливіша роль уряду полягала в створенні робочого середовища, в якій приватний сектор мав змогу проявити свій потенціал і сприяти перетворенню Японії протягом наступних років в найрозвиненішу націю в світі в області інформаційних технологій. Специфічні напрями стратегії «e-Japan»:

- будівництво ультрашвидкісної мережі Інтернет та забезпечення повсюдного доступу в мережу в максимально короткі терміни;
- розробка правил електронної комерції;
- реалізація концепції електронного уряду;
- підготовка висококваліфікованих кадрів, здатних працювати в новій, «цифровій» епосі.

За формулюванням стратегічних напрямів слідувала розробка відповідних механізмів дії. Таким механізмом стала «Програма пріоритетної політики електронної Японії» (eJapan Priority Policy Program) [12], «Програма побудови електронного уряду» («Program for Building E-Government») [16].

В цілому, програма створення електронного уряду в Японії переслідувала дві мети: забезпечення орієнтованих на користувачів управлінських послуг і реалізація суспільного управління. Було досягнуто реального прогресу в наданні можливостей громадянам і фірмам подавати заяви і здійснювати реєстрацію для практично всіх національних адміністративних процедур. Так, з 2005 р. 96% національних адміністративних процедур доступні онлайн, наприклад, такі як реєстрація податку і запит до системи соціального страхування [15].

В основі інформаційного розвитку «азійських тигрів» (Південна Корея, Тайвань, Сінгапур і Гонконг) лежить так звана модель економічного співробітництва держави і ринку. Успіх цих країн базується, зокрема, на втручанні держави в прийняття рішень в області великих приватних капіталовкладень та на активній участі держави в створенні національної інформаційної інфраструктури. До проблем інформаційного розвитку, на які уряди цих країн акцентують особливу увагу відносяться постійно зростаюча конкуренція в області виробництва і впровадження новітніх інформаційно-комунікаційних технологій, пов'язана з цим потенційна можливість втрати якогось сегмента ринку або робочих місць, а також проблема забезпечення рівного доступу до інформаційних ресурсів.

У концепції електронного уряду Південної Кореї реалізується програма «Уряд для громадян» (G4C), яка спрямована на спрощення процедур взаємодій державних органів з громадянами країни

і юридичними особами. Програма орієнтована на мінімізацію безпосередніх контактів чиновників з громадянами країни і господарюючими суб'єктами. Дотримання даного принципу забезпечується організацією електронного документообігу, в тому числі, і з питань оподаткування. Зокрема, оплата податків юридичними та фізичними особами може здійснюватися з використанням електронного документообігу через мережу Інтернет, звітність юридичних осіб, податкові декларації фізичних осіб надаються в податкові органи в електронному вигляді, при цьому, податкові органи подають консультації платникам податків в режимі онлайн. В даний час, уряд пропонує значну кількість інтеграційних онлайн послуг за принципом роботи «єдиного вікна».

Рішення про розробку інфраструктури і бази електронного уряду в Південній Кореї було прийнято в 1987 році. Завдяки цій системі жителі країни можуть здійснювати практично всі операції, не виходячи з дому: починаючи від покупок в магазинах і закінчуючи оплатою рахунків і оформленням документів. У громадських місцях можна побачити спеціальні термінали, в яких легко знайти потрібну інформацію або роздрукувати будь-яку довідку [25].

Загалом Південна Корея щорічно займає лідируючі позиції в світі як по середній швидкості Інтернету, так і за ступенем охоплення широкосмужового мережею населення.

На особливу увагу серед східних країн заслугове Сінгапур, який розробив стратегічний план «Інтелектуальний острів». Його наміри полягають у тому, щоб стати однією з перших країн у світі з розвинутою національною інформаційною інфраструктурою, що забезпечує зв'язок комп'ютерів практично в кожному будинку, школі або робочому місці.

Важливе значення мало прийняття плану з розвитку інтерактивних методів роботи уряду – e-Government Action Plan [27], головним завданням якого ставилося «вторгнення» електронного уряду Сінгапуру до лав світових лідерів у цій галузі.

Розвиток електронного урядування у Сінгапурі сприяв чіткій і інтегрований підхід до національної комп'ютеризації. Протягом двох минулих десятиліть був цілий ряд національних програм, кожна з яких базувалася на успіху попередньої та в неухильному дотриманні стратегії перетворення Сінгапуру в країну, охоплену мережею. Національні програми з ІКТ дали розвиток системі надання послуг, шляхом експлуатації сучасних технологій для підвищення ефективності, якості обслуговування і доступу через електронні канали. Ці досягнення були працюючими прикладами публічних електронних послуг, яким судилося стати провісниками електронного уряду.

Загалом більшість урядових послуг в Сінгапурі доступні через онлайн системи. Урядом заохочується доступ громадян до послуг електронного уряду з домашніх або робочих комп'ютерів в будь-

який зручний для громадян час. Однією з головних програм електронного уряду є «Електронний громадянин» (e-Citizen), яка надає пакет інтегрованих послуг [32]. Основним пріоритетом Сінгапуру є інтеграція розрізаних урядових систем в єдиний портал надання урядових послуг. Послуги, що надаються раніше різними Міністерствами та відомствами уряду Сінгапуру, тепер надаються в рамках програми «Електронний уряд» на єдиному сайті уряду.

Що стосується Китаю, то відповідний проект онлайн уряду (Government Online Project) був офіційно запущений в 1999 р. [33]. Згодом у країні було налаштовано платформу громадської інформації та урядову мережу, засновано ряд інформаційних баз даних, які можуть обробляти інформацію підприємств, населення та органів управління [8].

Процес розвитку електронного урядування в Китаї можна розділити на три головні етапи:

1) надання інформації і консультаційних послуг онлайн (урядова інформація та послуги надаються громадянами через мережу Інтернет; окрім того, шляхом додавання таких простих функцій, як відправка e-mail або обговорення на форумі, також підтримується двостороння комунікація);

2) надання публічних послуг онлайн (на цій стадії громадяни можуть отримати послуги в електронному вигляді, наприклад, онлайн оподаткування або онлайн реєстрація фірми);

3) об'єднання онлайн послуг (об'єднані онлайн послуги звертаються до функцій і послуг, вироблених різними підрозділами уряду, які пов'язані із загальним урядовим веб-сайтом, для надання послуги за принципом «єдиного вікна») [22].

Отже, за більш ніж два десятиліття з моменту практичного впровадження технологій електронного урядування в різних країнах накопичено істотний досвід, в результаті якого досягнуто економії ресурсів, часу та забезпечено якісне надання публічних послуг через онлайн системи, та в цілому ефективне функціонування органів публічної влади.

Висновки та перспективи подальших досліджень. Всі розглянуті світові моделі впровадження електронного урядування є обумовленими розвитком інформаційно-комунікативних технологій і орієнтовані на майбутнє. Умовами їх реалізації виступає мережева організація суспільства, ефективно налагоджений зворотний зв'язок і високий технологічний рівень оснащення публічного апарату.

Впровадження технологій електронного урядування вирішує ряд політичних проблем, таких як підвищення рівня прозорості надання публічних послуг, збільшення ефективності публічного управління, запобігання корупції, а також відкриває нові канали для комунікації між владою і суспільством, що є актуальними проблемами для України.

З урахуванням того, що значна кількість розвинених країн почали процес впровадження електронного урядування задовго до розробки подібних заходів в Україні, застосування успішних практик зарубіжних країн стає необхідним фактором досягнення цілей електронного урядування, попередження можливих проблем інформатизації органів влади і розвитку інформаційного суспільства.

Разом з тим, при використанні досвіду впровадження електронного урядування інших країн

необхідно виділяти не лише світові тенденції, закономірності, принципи, підходи, методи створення та впровадження електронного урядування, але розуміти особливості тієї чи іншої країни, її пріоритети, специфіку розвитку, ресурсні можливості тощо. Це потребує детального дослідження кожної країни і в жодному разі не може бути просто скопійовано для використання в Україні.

Список використаних джерел

1. Голобуцький О. П. Електронний уряд / О. П. Голобуцький, О. Б. Шевчук. – К. : Атлант UMS, 2002. – 173 с.
2. Електронне урядування : підручник / авт. кол. : В. П. Горбулін, Н. В. Грицяк, А. І. Семенченко, О. В. Карпенко та ін. ; за заг. ред. проф. Ю. В. Ковбасюка ; наук. ред. проф. Н. В. Грицяк, проф. А. І. Семенченка. – К. : НАДУ, 2014. – 352 с.
3. Єганов В. В. Проблеми та перспективи впровадження системи електронного урядування в Україні [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.kbuara.kharkov.ua/e-book/db/2012-2/doc/1/05.pdf>.
4. Иванов В.В. Государственное и муниципальное управление с использованием информационных технологий / В.В. Иванов, А.Н. Коробова. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 383 с.
5. Клименко І. В. Линьов К. О. Технології електронного урядування: Навчальний посібник. – Київ: Вид-во ДУС, 2006. – 225 с.
6. Ковбасюк Ю. В. Електронне урядування: європейський досвід та українські перспективи / Ю. В. Ковбасюк // Інвестиції: практика та досвід. – 2010. – № 16. – С. 81-83.
7. Семенченко А. І., Журавльов А. В. Теоретико-методологічні засади інституалізації державного управління у сфері електронного урядування [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.academy.gov.ua/ej/ej14/txts/Semenchenko.pdf>.
8. ChuanSheng R. E-Government Construction and China's Administrative Litigation Act [Text] / R. ChuanSheng // Electronic government: concepts, methodologies, tools and applications. – New York : Information Science Reference, 2008. – P. 988-993.
9. Delwit P. Electronic Voting in Belgium [Text] / P. Delwit, J.-B. Pilet, E. Kulahci // Electronic government: concepts, methodologies, tools and applications. – New York : Information Science Reference, 2008. – P.2749-2760.
10. eEurope – An information society for all [Text] / Communication on a commission initiative for the special European Council of Lisbon. – Brussels, 2000. – 16 p.
11. eEurope 2005: An information society for all [Text] / An Action Plan to be presented in view of the Sevilla European Council. – Brussels, 2002. – 22 p.
12. e-Japan Priority Policy Program [Electronic resource]. – URL: <http://www.kantei.go.jp/foreign/it/network/priority/index.html>.
13. e-Japan Strategy [Electronic resource]. – URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/it/network/0122full_e.html.
14. Falch M. ICT as an Example of Industrial Policy in EU [Text] / M. Falch // Electronic government: concepts, methodologies, tools and applications. – New York : Information Science Reference, 2008. – P.1683-1689.
15. Government of Japan (GOJ) [Electronic resource]. – 2005. – URL: http://www.guoukaku.go.jp/siryou/index_kouhyou.html.
16. Government of Japan (GOJ). Program for building e-government [Electronic resource]. – 2003. – URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/it2/cio/dai4/4siryou2.pdf>.
17. Henten A. European planning for an information society [Text] / A. Henten, M. Falch, K. Skouby // Telematics and Informatics. – 1996. – № 13(2). – P. 177-190.
18. i2010 – A European information society for growth and employment [Electronic resource]. – 2005. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52005DC0229>.
19. Kubo S. Local E-Government in Japan: IT Utilization Status and Directions [Text] / S. Kubo, T. Shimada // Electronic government: concepts, methodologies, tools and applications. – New York : Information Science Reference, 2008. – P. 2217-2230.
20. Leitner C. E. Government in Europe: The State of Affairs [Text] / C. Leitner. – Maastricht : European Institute of Public Administration, 2003. – 63 p.
21. Lisbon Strategy [Electronic resource]. – URL: http://cordis.europa.eu/programme/rcn/843_en.html.
22. Lu Z. The Development of Urban E-Government in China [Text] / Z. Lu, J. Zhang, B. Han, Z. Deng, J. Lu // Electronic government: concepts, methodologies, tools and applications. – New York : Information Science Reference, 2008. – P.655-675.

23. Memorandum on Electronic Government [Electronic resource]. – 1999. – URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PPP-1999-book2/pdf/PPP-1999-book2-doc-pg2317.pdf>.
24. Ministry of Public Management, Home Affairs, Posts and Telecommunication [Electronic resource]. – 2005. – URL: <http://www.johotsusintokei.soumu.go.jp/whitepaper/eng/WP2004/2004-index.html>.
25. Next Generation of e-Government for Developing Countries: Lessons Learned from the Cases of the EU and Korea [Electronic resource]. – URL: <http://www.computer.org/portal/web/csdl/doi/10.1109/ICCIT.2008.395>.
26. Seifert J.W. E-Government Act of 2002 in the United States [Text] / J.W. Seifert, H.C. Relyea // Electronic government: concepts, methodologies, tools and applications. – New York : Information Science Reference, 2008. – P. 154-161.
27. Singapore E-government Action Plan [Electronic resource]. – URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/APCITY/UNPAN002999.pdf>.
28. Some key issues in Europe's competitiveness – Towards an integrated approach [Electronic resource]. – 2005. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52003DC0704>.
29. The Role of eGovernment for Europe's Future [Text]. – Brussels : Commission of the European communities, 2003. – 26 p.
30. The U.S.A. Government's Official Web Portal [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.usa.gov>.
31. Use of Informational Technology to Improve Our Society [Electronic resource]. – URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_m2889/is_51_35/ai_59520696.
32. Wee G. Justice in the high-tech courts [Text] / G. Wee // Computer World. – 2000. – № 6 (40). – P. 4-10.
33. Zhang N.N. From geographical space to composite space: The urban space under the influence of information networks [Text] / N.N. Zhang, C.L. Gu // Human Geography. – 2002. – № 17(4). – P. 20-24.

Melnychuk L. M.

*PhD in Public Administration,
doctoral candidate of social and humanitarian politics department,
National Academy for Public Administration
under the President of Ukraine
Мельничук Лариса Михайлівна
кандидат наук з державного управління,
докторант кафедри соціальної і гуманітарної політики,
Національна академія державного управління
при Президентові України*

**PUBLIC POLICY FOR PROVIDING OF SOCIAL DEVELOPMENT OF REGIONS IN THE
CONTEXT OF PARADIGM OF THE WELFARE STATE
ПОЛІТИКА ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ СОЦІАЛЬНОГО РОЗВИТКУ РЕГІОНІВ У
КОНТЕКСТІ ПАРАДИГМИ СОЦІАЛЬНОЇ ДЕРЖАВИ**

Summary: In this article the processes of formation and development of the welfare state institute and its models are being researched. The principal approaches to the understanding of the welfare state phenomenon have been analyzed. The peculiarities of foreign models of the welfare state caused by modernization processes have been elucidated. The main tendencies in the development of the welfare state under the circumstances of modern globalization challenges have been defined. On this basis there is identified the content of public policy for providing of social development of regions, including in the context of modernization of the domestic social model.

Key words: social development of regions, welfare state, social model, social policy, public administration of the social development of regions

Анотація: В межах статті досліджуються процеси становлення та розвитку інституту соціальної держави та її моделей. Проаналізовано основні підходи до розуміння феномену соціальної держави. Розкрито особливості зарубіжних моделей соціальної держави, зумовлені процесами модернізації. Визначено основні тенденції розвитку соціальної держави в умовах сучасних глобалізаційних викликів. На цій основі визначено зміст державної політики забезпечення соціального розвитку регіонів країни, в тому числі у контексті модернізації вітчизняної соціальної моделі.

Ключові слова: соціальний розвиток регіонів, соціальна держава, соціальна модель, державна соціальна політика, державне управління соціальним розвитком регіонів

Постановка проблеми. В сучасних умовах системної кризи, яка охоплює практично усі сфери людської життєдіяльності, загострюються проблеми регіональних диспропорцій рівня та якості життя населення, надмірної нерівності у доступі до ресурсів та поширення соціального відторгнення в

регіонах України. За таких обставин об'єктивно зумовлюється необхідність в освоєнні нового формату державного управління соціальним розвитком регіонів й, відповідно, потреба у проведенні досліджень, зорієнтованих на розроблення адекватного

сучасним умовам наукового підґрунтя для здійснення державно-управлінських впливів на соціальну реальність.

За класичного визначення, державне управління виступає особливим видом діяльності держави, своєрідною формою та засобом практичного втілення державної політики. Відтак державне управління соціального розвитку регіонів знаходиться у тісному взаємозв'язку з державною політикою забезпечення розвитку соціальної складової регіональних систем, що нерозривно пов'язане з функціонуванням соціальної держави. Відповідно від теоретичного розуміння її природи та сутності моделей залежить відповідь на таке важливе питання, яким чином держава соціальної якості має забезпечити соціальний розвиток регіонів країни.

Водночас у світовій та вітчизняній науці відмічається неоднозначне тлумачення сутнісного змісту соціальної держави. Більш того, наукова література переповнена вкрай суперечливими визначеннями та характеризується відсутністю стандартизованої термінології, що виявляється у використанні різних термінів для позначення цього типу держави (соціальна держава, соціальна правова держава, держава загального добробуту, позитивна держава, держава двох третин, держава соціальних послуг, сервісна держава тощо). Крім того, окремі теорії заперечують сам феномен соціальної держави, що в цілому актуалізує необхідність проведення подальших досліджень цього суспільного явища, його концептуалізації у цілях забезпечення соціального розвитку регіональних систем.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Поняття «соціальної держави» пройшло довгий шлях свого гносеологічного розвитку. Ідеї соціальної держави можна віднайти ще в працях стародавніх мислителів, проте появу самого терміну та формулювання концепції соціальної держави загально прийнято вважати серединою XIX століття, передусім пов'язуючи з іменем німецького державознавця Л. фон Штайна [14]. Сучасна ж концепція соціальної держави склалася після другої світової війни і достатньо відтворена як теоретично-науковою думкою, так і на практиці під час розбудови економічних систем з соціальною орієнтацією.

В Україні дослідження змісту соціальної держави активізувалися з часу конституційного закріплення за нею такого статусу. На сьогодні вивчення різних аспектів проблематики соціальної держави набуло міждисциплінарного характеру та виступає предметом досліджень політичних, юридичних, філософських, соціологічних, економічних, історичних наук. Державно-управлінський вимір поняття «соціальна держава», її розвиток і функціонування виступає предметом чисельних досліджень й фахівців у галузі наук з державного управління, серед яких В. Бульба, В. Гошовська, Н. Дацій, М. Кравченко, О. Крюков, О. Петроє, О. Радченко, І. Савченко, В. Скуратівський, А. Тамм та інші.

Визначення невирішених раніше частин загальної проблеми. Незважаючи на зростаючу актуальність досліджень із даної проблематики, наукова думка продовжує залишатися лише в площині обґрунтування змісту соціальної держави, характеру прояву її соціальної якості. Водночас поза увагою науково-експертної спільноти залишаються дослідницькі проблеми щодо з'ясування місця та ролі державної системи у загальному механізмі соціального розвитку регіонів, що актуалізує тему та визначає цілі даної роботи.

Отже, **мета статті** на основі аналізу теоретичного розуміння природи соціальної держави, характеру прояву її соціальної якості та сутності її моделей, визначити зміст державної політики забезпечення соціального розвитку регіонів країни.

Виклад основного матеріалу. Закономірним результатом відсутності єдиної загальновизнаної теорії соціальної держави неминує виступає феноменально різноманітна кількість наданих зарубіжними й вітчизняними науковцями визначень цієї категорії та підходів до її концептуалізації. Усі вони постають у різноманітних формулах, тою чи іншою мірою відтворюючих базові положення й разом із тим утримуючих власні напрацювання, недоліки та логічні суперечності.

Спроба певним чином систематизувати наявні у науковому просторі тлумачення дають можливість окреслити основні складники та специфіку державно-управлінського трактування соціальної держави. Теоретико-методологічною передумовою з'ясування її сутності є визначення загального поняття будь-якої держави, яке належить до фундаментальних категорій науки державного управління, відповідно та чи інша його інтерпретація обумовлює конкретні висновки теоретичного та прикладного характеру.

Водночас варто зауважити, що саме ця складова досить часто не враховується при формулюванні терміну «соціальна держава» через її багатозначність і складність й відповідно існуюче різноманіття поглядів щодо сутності категорії «державного». Крім того, держава є продуктом суспільного розвитку, внаслідок якого вона поступово змінюється, закономірно змінюються погляди на поняття держави, її роль та призначення в суспільному житті.

Зокрема, посилаючись на авторитетні дослідження у галузі державного управління, у сучасному суспільстві термін «державна» вживається у різних значеннях, зокрема як:

- об'єднання людей на певній території на основі публічної влади, відповідно її синонімом виступають поняття «народ», «країна»;
- спеціальний апарат управління суспільством, а саме «державний апарат» як сукупність органів управління;
- універсальний політичний інститут, тобто система влади в інтересах людей, які проживають на даній території, що регулює їх взаємовідносини за допомогою права.

Тобто держава – це єдина політична організація суспільства, яка поширює свою владу на всю територію країни і її населення, має в своєму розпорядженні для цього спеціальний апарат управління, видає обов'язкові для всіх правові акти й володіє суверенітетом [1, с. 9-11].

Таким чином, природу категорії «соціальна держава» через особливість цього суспільного інституту слід розкривати відповідно до словосполучення, змістом якого є «організація влади в суспільстві» чи «організація суспільної влади». Тобто саме влада «як субстанціональний компонент сутності державної системи, обумовлює її ознаки, функції та особливі повноваження» [10, с. 25]. При цьому закономірною властивістю та однією з найважливіших функцій держави є соціальна функція – коли держава свідомо бере на себе обов'язок та відповідальність щодо задоволення соціальних потреб громадян.

Саме при наявності та зі специфіки соціальних функцій деякі науковці виводять феномен соціальної держави. У цьому контексті певний концентрат позицій наукової спільноти щодо соціального призначення держави енциклопедично закріплено проведення державної політики, спрямованої на забезпечення прав і свобод людини і насамперед соціальних прав, досягнення високого рівня добробуту населення, забезпечення соціальної безпеки суспільства, задоволення соціальних потреб, створення умов для реалізації особистістю свого соціального потенціалу [5, с. 536].

Ознакою соціальності держави, таким чином, є виконання нею соціальних функцій, здійснення цілеспрямованої діяльності з реалізації соціальних зобов'язань, отже впровадження відповідної соціальної політики, як однієї з необхідних умов формування соціальної якості держави. Відтак державна соціальна політика виступає узагальненою соціальною функцією, в межах якої реалізуються окремі спеціальні функції. На сьогодні існує чимало підходів до їх визначення та структурування, проте, у контексті нашого дослідження, слід, на наш погляд, виокремити:

- захисну, яка полягає у створенні механізму гарантування соціально-економічної безпеки людини через усунення й попередження ризиків та їх наслідків, реалізації державних соціальних гарантій, стандартів і нормативів;

- стимулюючу, що полягає у створенні системи заохочень до соціально-економічної активності громадян, ініціативи та ефективного використання підприємницького потенціалу;

- інвестиційну, в основі якої розвиток соціальної інфраструктури, забезпечення доступності охорони здоров'я, освіти, духовно-культурних здобутків;

- інтегративну як забезпечення суспільної злагоди, запобігання маргіналізації та поляризації суспільства, його фрагментації на соціально ізольовані верстви та групи [8, с. 35-36].

Водночас феномен соціальної політики в його загальному розумінні виходить за межі держави та державного управління, оскільки реалізується в усьому суспільному просторі усіма суспільними інститутами в усіх суспільних відносинах, відповідно кінцевий соціальний ефект (причому не завжди прогресивний) досягається не лише діяльністю держави, але й інших суб'єктів соціальних дій. Тому розглядаючи державну соціальну політику, слід розуміти, що центральним її суб'єктом виступає держава та система державних органів, які самостійно визначають власні соціальні цілі, виявляють активність щодо їх досягнення та водночас окреслюють межі функціонування інших суб'єктів соціального розвитку, спрямовуючи їх діяльність у соціальній сфері державними цілями.

Отже, слід погодитися з твердженням, що «соціальна держава своєю соціальною політикою інтегрує цілі різних суб'єктів та прагне до підпорядкування їх діяльності своїм визначеним цілям, спрямованим на задоволення потреб більшості населення в соціальному прогресі» [10, с. 160-161]. У контексті цього положення зрозумілим є необхідність розподілу соціальної відповідальності як між різними сферами соціальних дій (приватною, ринковою, громадянською та публічною), так і між різними рівнями державної влади. З цієї ж точки зору важливим є дотримання повною мірою не лише соціальних (наявність достатньо високих соціальних гарантій для забезпечення гідного рівня життя кожної людини та вільного розвитку кожної особистості), але й політичних (організація суспільної влади на демократичних засадах, розвиток інститутів громадянського суспільства), правових (ефективна правова система державного управління), економічних (формування та ефективне функціонування соціально орієнтованої ринкової економіки) умов.

Водночас за справедливого зауваження російських дослідників, «соціальна держава буде відрізнятися від держави соціальних функцій не наявністю певних ознак, а системністю умов та дій з реалізації поступального соціального розвитку, що виражається в зростанні якості життя для всього суспільства» [2, с. 28].

Така системність забезпечуватиметься, коли діяльність держави базуватиметься на засадах загальнолюдських та інших принципів, сукупність яких з точки зору і вітчизняних, і зарубіжних дослідників [3, с. 340-341; 8, с. 34-35; 9, с. 21-24; 11, с. 22] включає:

принцип людської гідності, що концентрує і фіксує цілі держави, орієнтуючи діяльність державних органів влади на забезпечення прав людини, особливо соціальних, та людську гідність;

принцип соціальної справедливості, що визначає міру забезпечення громадян суспільними благами та спрямований на попередження різкої соціальної нерівності; створення рівних можливостей;

принцип солідарності, що означає взаємодопомогу та взаємопідтримку між різними верствами та

групами населення, має на меті здійснення соціального вирівнювання і перерозподілу та базується на спільності інтересів, єдності дій, спільній соціальній відповідальності;

принцип субсидіарності, що намагається вирішити проблему узгодження на практиці принципу солідарності (за яким суспільство має зобов'язання перед своїми членами) з принципом особистої відповідальності (згідно з яким кожний індивід є господарем власної долі і відповідає сам за себе), таким чином, визначає міру втручання держави, тобто необхідність втручання лише тоді, коли вільні індивідуальні та спільні дії нездатні досягти поставленої мети – забезпечення членам суспільства гідного рівня життя.

Ще один важливий аспект у розкритті сутності соціальної держави – це потенційна здатність держави до здійснення її соціалізаційних можливостей, набутті державою якостей і здатності до забезпечення добробуту й соціального розвитку, зокрема шляхом збалансування потенцій саморозвитку й можливостей держави щодо захисту конкретних, соціально вразливих верств населення. До того ж соціальність формується не в країні в цілому, а на її територіях, відповідно потенціал соціалізації країни формується на підвалинах здатності до соціалізації регіонів, які закономірно різняться один від одного [4, с. 14-15]. З урахуванням цього зауваження показовим є визначення соціальної держави як «соціально-правового інституту, який у розвиненому стані володіє здатністю і внаслідок цього бере на себе відповідальність щодо спрямованого забезпечення зростання добробуту населення на принципах підтримання соціального статусу й розвитку механізмів самозабезпечення життєвих потреб з обов'язковим переміщенням центру тяжіння до місць і територій його проживання» [3, с. 12].

Проте, окрім теоретичного осмислення, за визначенням німецьких правознавців, змістовне наповнення поняття «соціальна держава» повинна розкривати практика його впровадження в конкретне суспільне й економічне середовище [6]. Однак, незважаючи на спільні риси у розбудові соціальної держави, кожна країна долала власний шлях формування суспільних інститутів забезпечення загального добробуту відповідно до національних особливостей і традицій, що зумовило численні спроби фіксації відмінностей у способах організації стратегій задоволення потреб громадян, форм і методів реалізації соціального призначення держави.

Відтак у світовій практиці сформувалися різні моделі соціальної держави, які «відрізняються насамперед підходами до меж державного втручання, масштабами соціально-забезпечувальної діяльності держави», «методологічно базуються на різних ідеологіях і підходах до розв'язання соціальних проблем» [7, с. 187]. Зазначимо, що дослідження проблем класифікації цих моделей широко представлені іменами як західних дослідників

(Е. Букоді, Р. Роберт, Н. Гінсбург, А. Готье, Ж. Делор, Т. Тілтон, Н. Ферніс, А. Сапір та інших), так і вітчизняних науковців (зокрема, О. Агарков, О. Новакова, А. Сіленко, В. Намчук, І. Козаченко, В. Ніколаєвський, Н. Хома).

Позаяк найбільшого поширення та використання у дослідницьких проектах набула класифікація держав загального добробуту, розроблена Г. Еспін-Андерсеном [13], який, ґрунтуючись на загальних політичних теоріях та вивченні ситуації в економічно розвинених країнах, виділив три їх різновиди (ліберальний, корпоративістський та соціал-демократичний).

Погоджуємося з вітчизняними фахівцями, що ця класифікація справила значний вплив на теоретизування щодо політичних вимірів забезпечення соціального добробуту населення, забезпечила багатьох дослідників певними аналітичними рамками для вивчення політичної практики у тій чи іншій царині соціальної сфери та методологічним інструментарієм для здійснення порівняльного аналізу політики [12].

Разом з тим, її застосування можливе лише з певною долею умовності, оскільки не враховує усіх критеріїв та показників порівняння, стосується обмеженої кількості країн та не завжди прийнятна для аналізу й розуміння ситуації в багатьох частинах світу, що зумовило критику з боку численних науковців та появи різних підходів до класифікації моделей соціальної держави в цілому та соціальної політики зокрема.

Проте як і означена класифікація держав загального добробуту, так і багато інших типологій нівелюються сучасними процесами, що відбуваються у світовому середовищі і зумовлюють трансформації існуючих та пошуку нових моделей соціальних держав, які віддзеркалюють нові тенденції у розвитку суспільства, пов'язані з глобалізацією, новими ринковими умовами та технологіями. При цьому відбувається, з одного боку, диверсифікація, з іншого – конвергенція моделей соціальної політики, спільним трендом яких є «скорочення соціальних програм, прагнення до підвищення їх економічної ефективності та віддачі з одночасним розширенням соціального партнерства, децентралізації влади, посиленням регіональних (у середині країни) і місцевих органів» [7, с. 191]. Тобто усі класичні моделі соціальної держави й відповідно соціальної політики модернізуються, адаптуючись до викликів сьогодення та стрімкого інноваційного розвитку.

Яскравим прикладом зближення моделей соціальної держави є формування єдиної соціальної моделі Європейського Союзу, соціальними пріоритетами якої виступають «паралельний та пропорційний економічний та соціальний розвиток; увага до інновацій, заснованих на знаннях; активна політика зайнятості; впровадження цінностей рівності, солідарності та субсидіарності; відкритість і залученість у спільноту усіх громадян; ефективність державної соціальної політики; соціальний діалог і соціальна активність» [7, с. 192].

Своєю чергою українське суспільство демонструє відсутність навіть базових принципів соціальної держави, соціальна ситуація в Україні не відповідає сучасним уявленням про її соціальну якість. Попри конституційно-правові декларації ідеї соціальної держави вона не стала політико-правовою реальністю, а значна кількість учених і політиків скептично оцінюють навіть можливість її побудови у найближчій перспективі. Відтак назрілою є необхідність конструювання вітчизняної моделі соціальної держави з використанням досвіду розвинених країн і з урахуванням низки глобалізаційних чинників, яка має окреслити ступінь втручання держави в соціально-економічні процеси, механізм розподілу і перерозподілу суспільних благ, міру відповідальності людини і держави.

Висновки та перспективи подальших досліджень. Таким чином, про політику забезпечення соціального розвитку регіонів у контексті парадигми соціальної держави можна говорити як про специфічний вид діяльності держави, ядром якої виступає регіональний вимір її соціальної політики, тобто забезпечення рівного доступу до соціальних прав населення незалежно від території проживання, забезпечення соціальної безпеки регіональ-

ної системи, що має досягатися, перш за все, створенням умов для розширення здатності регіональних утворень до саморозвитку, підвищення рівня самостійності, самодостатності та активності регіонів, розподілу соціальної відповідальності між різними суб'єктами соціальних дій та рівнями управлінської діяльності.

В межах означеного виду діяльності держави мають здійснюватися її спеціальні функції захисту, стимулювання, соціальних інвестицій та соціальної інтеграції, що базуватимуться на засадах принципів людської гідності, соціальної справедливості, солідарності та субсидіарності.

При цьому, у процесі формування вітчизняної моделі соціальної держави потребує модернізаційних перетворень й політика забезпечення соціального розвитку регіонів з урахуванням світового досвіду та глобальних викликів сучасності. Відповідно простір для подальшого здійснення наукових розвідок охоплює дослідження проблем формування та розвитку європейської соціальної моделі (з огляду на євроінтеграційні наміри України) та впливу глобалізаційних чинників на основні напрями та механізми модернізації системи державного управління соціальним розвитком регіонів.

Список літератури:

1. Бакуменко В. Д. Держава як об'єкт управління / В. Д. Бакуменко // Науковий вісник Академії муніципального управління. Серія : Управління. – 2013. – Вип. 3. – С. 8-16.
2. Белоусова С. В. Социальное государство как инструмент обеспечения качества жизни : монография / С. В. Белоусова. – Иркутск : ИрГУПС, 2012. – 204 с.
3. Дацій Н. В. Посилення соціальних повноважень місцевого самоврядування як основа реалізації концепції «соціальної держави» / Н. В. Дацій // Науковий вісник Академії муніципального управління. Серія : Управління. – 2012. – Вип. 1. – С. 338-344.
4. Десва Н. М. Реалізація концепції соціальної держави через призму політики розвитку регіонів / Н. М. Десва // Науковий вісник Полтавського університету економіки і торгівлі. Серія : Економічні науки. – 2011. – № 4(2). – С. 14-18.
5. Енциклопедія державного управління [Текст] : у 8 т. / [наук. редкол. : Ю. В. Ковбасюк (голова) та ін.] ; Нац. акад. держ. упр. при Президентові України. – К. : НАДУ, 2011. – Т.1. – 748 с.
6. Изензее И. Государственное право Германии : сокращ. пер. с нем. : в 2 т. / Изензее И., Кирххоф П. – М. : ИГИП РАН, 1994. – Т.2. – 320 с.
7. Кресіна І. О. Моделі соціальної держави: модернізуючий вплив глобалізації / І. О. Кресіна, Н. М. Хома // Публічне право. – 2015. – № 1. – С. 185-196.
8. Крюков О. І. Соціальна політика як необхідна умова функціонування соціальної держави / О. І. Крюков // Актуальні проблеми державного управління. – 2010. – № 1. – С. 31-37.
9. Погребняк С. Соціальна держава : обґрунтування концепції / С. Погребняк // Вісник Академії правових наук України. – 2011. – № 2. – С. 15-25.
10. Радченко О. В. Ціннісний вимір соціальної відповідальності в демократичній державі : монографія / І. Г. Савченко, О. В. Радченко. – Х. : Видавництво ХНУВС, 2008. – 200 с.
11. Розанваллон П. Новый социальный вопрос. / П. Розанваллон – М. : Ad Marginem, 1997. – 192 с.
12. Семигіна Т. В. Еспінг-Андерсен Госта / Семигіна Т. В. // Історія політичної думки: навч. словник-довідник для студентів вищ. навч. закладів / За заг. ред. Н. М. Хоми. – Львів: Новий Світ–2000, 2014. – С. 239–240.
13. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. – Cambridge, UK: Polity Press, 1990. – 266 p.
14. Stein L. von. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaften Deutschlands. – Stuttgart, 1876. – 352 s.

Назаров А.Н.

Соискатель Ташкентского

государственного института востоковедения

Nazarov A.N.

Applicant of the Tashkent

State Institute of oriental studies

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕГИТИМНЫХ ОСНОВ НОВОГО
МИРОВОГО ПОРЯДКА И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА
ПОСТСОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**
**PROBLEMS OF THE FORMATION OF THE LEGITIMATE
FOUNDATIONS OF A NEW WORLD ORDER AND POLITICAL
DEVELOPMENT IN THE POSTMODERN STAGE**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с формированием и развитием нового мирового порядка в условиях углубления вертикальных качеств современных процессов глобализации. Особое внимание автор уделяет цивилизационным аспектам становления нового миропорядка, в котором принципы демократии и равноправного диалога между государствами должны служить в качестве фундаментальных основ.

Ключевые слова: глобализация, новый мировой порядок, безопасность, мировое развитие, цивилизация, демократизация международных отношений, суверенитет, диалог цивилизаций, постсовременность, многополярный мир.

Summary. The article considers the problems, referring to formation and development of a new world order in condition of deepening vertical qualities of modern processes of globalization. An author made a special focus on the civilization aspects of establishing a new world order, in which the democracy principles between states should serve as fundamental bases.

Keywords: globalization, new world order, security, world development, civilization, globalization of international relations, sovereignty, dialogue of civilizations, post-modernity, multipolar world.

Как известно, на рубеже двух столетий произошли грандиозные изменения в жизни человечества. Сегодняшнюю ситуацию можно определить, как переход человечества от старого, Ялтинско-Потсдамского, к новому, пока ещё не имеющему общепринятого обозначения порядку.

«На протяжении последних 30 лет на наших глазах произошла глубокая трансформация системы международных отношений. Классическая биполярность стала фактором прошлого. Все мы являемся свидетелями парадоксальных эффектов глобализации и трансформации мировой политики» [1, с. 96].

Глобализация, с одной стороны, подталкивает к сотрудничеству перед лицом общих проблем, к выработке общих норм и правил поведения мировой политики. Но одновременно глобализация с ее неравномерностью развития, и очевидно, получающими основные преимущества авангардом в лице ведущих государств и некоторых транснациональных сил ведет к обострению целого ряда проблем, прежде всего, связана с мировым политическим развитием.

Период после окончания холодной войны облагодадал рядом специфических черт. Прежде всего, на протяжении почти двух десятилетий никем не оспаривалось глобальное лидерство США. Совокупная мощь США действительно впечатляла. На них приходилось более 20 % мирового ВВП, почти половина мировых военных расходов. Соединенные Штаты оставались мировым инновационным центром и глобальным технологическим лидером. По

мнению американского ученого Ч. Краутхаммера «самой поразительной чертой мира после холодной войны стала его однополярность» [2, с. 23].

Естественно такое состояние никак не может предложить человечеству гарантированного, справедливого миропорядка. Ибо мировое сообщество с нетерпением ожидает появления новой, более устойчивой и упорядоченной миросистемы, которая продержится, сохраняя свою качественную определенность, сравнительно долгий срок. Главным принципом нового миропорядка конечно же должен быть принцип равноправия и стопроцентное отсутствие гегемонии каких либо государств. Другой вопрос, каким окажется новый миропорядок. Поэтому поводу на сегодняшний день накопилось множество различных выводов. Это естественно, ибо « на протяжении многих столетий, даже тысячелетий, человек и его разум напряженно работал над созданием экономических, политических, и идеологических основ прогресса общества. Научная мысль видела свою миссию в том, чтобы создавать цивилизованный социальный проект, раскрывать механизм экономических, политических, идеологических и прочих основ жизнедеятельности человека. Благодаря этому современный мир достиг, как говорится, возможного и даже невозможного. Однако многие вопросы остаются без ответа» [3, с. 6].

На такое положения дела вместе с другими факторами современности большое влияние оказывает недостоверность осмысления феномена глобализации.

Общеизвестно, что «среди проблем, получивших наибольшую актуальность в конце XX и начале XXI веков, глобализация выделяется своей масштабностью и тем вниманием, которое она привлекает к себе» [4, с. 12].

На сегодняшний день глобализация охватывает все новые и новые сферы и наполняется новыми смысловыми оттенками. Все это свидетельствует о динамике смыслов основополагающих понятий, с помощью которых рассматриваются происходящие в мире глобальные трансформации.

Самое главное в ходе глобализации меняется статус и сущностные основы миропорядка. Новым смыслом наполняются величающие ценности человеческого общества, такие как безопасность, стабильность и развитие. Все это свидетельствует о наступлении нового, постсовременного этапа человеческой истории. Тем самым, на наш взгляд, можно выдвинуть тезис о том, что современный этап исторического развития по своим масштабам и следствиям сравним с этапом становления основ нового цивилизационного развития.

Тем не менее, как показывает опыт последних десятилетий «глобализация - противоречивое явление, сочетающее в себе два взаимосвязанных процесса. Это, с одной стороны, процесс расширяющейся самоорганизации, или естественной глобализации, которую можно назвать также глобализацией по горизонтали. Когда определенные достижения одних культур усваиваются другими культурами по мере установления контактов между народами. С другой стороны, общий процесс глобализации включает в себя глобализацию по вертикали или искусственную, навязываемую извне глобализацию, которая является следствием попыток насильственного внедрения одной страной тех или иных представлений в другие социокультурные регионы или традиции» [5, с. 16-17].

В этой связи следует особо отметить, что происходящее усложнение мировых процессов в современном мире связано не только с расширением культурного горизонта современной цивилизации, но и стремлением к доминированию определенных геополитических ценностей и сил. В конце XX века человечество встретило именно с подобной ситуацией, когда масштабные цивилизационные вызовы требуют новых ответов. Многочисленные фундаментальные глобальные вызовы свидетельствуют об объективных основаниях сложившейся кризисной ситуации. Глобализация, как считали некоторые эксперты, сама по себе не привела к консолидации мира. Также вопреки ожиданиям некоторых специалистов не получается реконфигурация союза демократий вокруг какого либо твердого ядра, например на основаниях западной цивилизации.

Поэтому современный этап глобализации, который не тождественен глобализации, как общезивилизационному феномену, происходит на негативном фоне, когда базовые права не только личности или определенных социальных групп

нарушаются, но нарушаются права и отдельных стран. Естественно, в таких условиях будут отсутствовать базовые составляющие основание развития человеческого сообщества.

Изменившиеся социально-политические условия мира, после окончания «холодной войны» характеризуются отсутствием мирового политического порядка, которая бы способствовала созданию системы коррелятивных связей между субъектами мирового политического процесса.

Как отмечал П. Кеннеди «Ясно одно: по мере исчезновения холодной войны мы имеем дело не с новым мировым порядком, а с беспокойной, изломанной планетой, проблемы которой заслуживают самого серьезного внимания политиков и обществственности» [6, с. 32].

Естественно, симметрично к такому положению происходят процессы глобализации. «Глобализация ведет к серьезным изменениям в социально-политической сфере, которые непосредственно затрагивают, хотя и в разной степени, всех членов мирового сообщества. При этом, несмотря на увеличивающиеся экономическую и культурную взаимозависимость, мировую глобальную систему разрывают неравенства. Одна из самых тревожных тенденций заключается в том, что усиление глобализации не сопровождается политической интеграцией или уменьшением мирового дисбаланса» [7, с. 125].

Такое положение дел сопровождается усилением «асимметричного характера глобализации» [8, с. 282]. В результате этого глобальные мировые процессы тесно связаны с крупномасштабным неравенством между высокоразвитыми странами и остальным миром. Подобное глобальное неравенство находится в интересах определенных социальных групп, так называемых «агентов глобализма».

Как считают некоторые специалисты в области мировых процессов, в этом случае «на самом деле речь здесь идет не о глобализации как таковой (о естественном процессе интеграции человечества), а о глобализме - идеологических построениях, которые включают понятие глобализации в русле неолиберальных ценностей и норм» [9, с. 188].

Доминирования несправедливости в процессах мировой глобализации влекут за собой в некотором роде ксенофобию между странами. Отсюда вытекает вывод о том, что глобализацию нельзя отождествлять с открытым обществом. Ибо как об этом свидетельствует история человечества, любые мировые процессы, которые не способствуют суверенному развитию отдельных стран, а, наоборот, разрушают основы таких возможностей и в конце концов приводят не сплочению мирового сообщества, а политическому хаосу.

Такое положение дел многократно увеличивает необходимость формирования легитимного мирового порядка. Именно переход человечества к новому порядку будет служить основанием и источником развития человечества во всех областях.

Как известно, «процессы глобализации нельзя ни отменить, ни остановить, но их можно корректировать, изменяя соответствующим образом политику» [10, с. 44].

В этой связи следует особо отметить что, именно новый миропорядок может искоренить если не все, то основные изъяны современного глобализма, тем самым открывая новый путь развития человеческой цивилизации.

«Ровным образом в условиях глобализации возникает необходимость скорректировать представление и о функциональном предназначении международной системы. Она, разумеется, должна поддерживать свою дееспособность в решении традиционной задачи приведения к общему знаменателю несовпадающих или расходящихся интересов и устремлений государств - не допускать между ними столкновений, чреватых слишком серьезными катаклизмами, обеспечивать выход из конфликтных ситуаций» [11, с. 64].

Восстановление дееспособности международной системы, прежде всего, означало бы восстановление возможностей управляемости международных отношений.

В этой связи одним из главных предназначений формирования нового политического порядка является придание международным отношениям большой структурной организованности. Перспективы мирового политического развития определяются именно достижением таких результатов в современных условиях относительно характера нового мирового порядка. По данному вопросу к настоящему дню накопилось громадное количество теоретико - методологических выводов.

Как считают некоторые исследователи «грядущий миропорядок будет, по всей вероятности, бесплюсовым, т.е. контрарные, одновременно отрицающие и предполагающим существование друг от друга, симметричные, соизмеримые по жизненному потенциалу центры сил. Они образуют противоположные точки силовой «оси», стягивающей воедино мировую систему» [12, с. 33].

На данный момент вероятность того, что в обозримой перспективе мир вновь становится двухплюсовым крайне мала.

Тем не менее следует особо отметить, что к концу XX тысячелетия появились наиболее вероятные мысли о сущности и структурном образовании нового миропорядка, в которых доминируют идеи о появлении многополярного мироустройства в XXI веке. Главными факторами формирования такого миропорядка ученые называют демократизацию мировых отношений и цивилизационного диалога между странами и народами в целях достижения равноправного и взаимовыгодного партнерства.

В качестве одного из примеров можно привести работы С. Хантингтона, который развил методологию цивилизационного подхода и применил ее к анализу и прогнозу мировой политики и международных отношений. (Huntington 1996) [13, с. 27].

Среди наиболее известных современных направлений исследования проблем формирования нового мирового порядка и его перспектив можно отметить многочисленные концепции политической глобализации и регионализации, а также цивилизационные подходы. Каждый из этих подходов, с точки зрения методологии исследования, имеют свои сильные и слабые стороны. Тем не менее, насколько разнообразными не были взгляды и концепции касательно нового мирового порядка, все таки есть точка опоры, на котором должна держаться мировая система. Это демократизация современных международных, в том числе межцивилизационных отношений, во имя сохранения и развития человеческой цивилизации, каждой страны, каждого народа. Ясно, что всякие амбиции о мировом господстве, возможности и соблазны вести политические игры с использованием фактора силы должны остаться в прошлом.

«Теория демократического мира (democratic peace) утверждает, что демократические режимы на международной арене склонны в большей степени к сотрудничеству, нежели к конфликту. Таким образом, в ней постулируется связь между различными уровнями демократического процесса - демократизация «отдельно взятых» государств способствует тому, что на мировой арене они становятся равноправными партнерами развитых демократий. Тем самым обеспечивается становление демократического мира (democratic world), т.е. сообщества демократий, формирующих систему мироправления на либеральной основе» [14, с. 57].

В данный момент абсолютно речь не идет о какой-то унификации мировых демократических процессов, наоборот, суверенная демократизация отдельно взятых стран на основе собственных социокультурных основ и взаимного уважения и признания таких процессов всеми без исключения государствами это и есть основа несущей конструкции нового мирового порядка. Ибо как отмечали известные исследователи демократии в мирополитическом масштабе (Шмиттер, 2004, Хабермас, 2003), глобальная демократия не просто достижение демократии внутри каждого государства, но и демократизация процесса принятия решений на международном уровне.

В этой связи наиболее адекватным к сегодняшним задачам мирового развития являются выводы, изложенные Дж. Модельским. По его мнению « в XXI столетии основой глобальной организации мироустройства будет «демократическое сообщество», способное осуществлять стабильное мироправление [15]. Таким образом, одной из главных характерных черт нового миропорядка может быть постепенное формирование интегрального социокультурного строя на основе диалектического сочетания интересов общемирового и странового, которая станет фундаментом диалога и партнерства народов, несмотря на цивилизационные различия.

В этом случае, речь не идет о «конце истории», как об этом писал Ф. Фукуяма, а, наоборот, человечество переходит к очередной ценностно- институциональной трансформации своего развития.

Думается, было бы правильным, если в исследовательских позициях современности исходным моментом разработки социально-политических проектов касательно развития человеческого сообщества служили именно такие точки зрения. Ибо нет, не было и не может быть альтернативы развитию.

В то же время новый мировой порядок, который системно будет способствовать такому развитию одновременно должен будет служить гармонизации международных отношений, в результате чего мир будет более единым. Увеличится его способность эффективно реагировать на проблемы общего характера, которые в XXI веке становятся все более важными для международно-политического развития. Очевидно, что новый мировой порядок должен окончательно исключить из мировой практики всякие права господства сильного. Равноправие суверенных государств, а не ослабление национально-государственных возможностей должно являться доминирующим фактором современной миросистемы.

Как известно, «практика применения силы, будучи фундаментальной политической проблемой, имеет прямое отношение к другой абсолютной проблеме быть или не быть людскому роду. Философски исключение насильственного подхода, как возможное, существует всегда и повсеместно. И это ни кем, никогда не оспаривалось. А беда в том, что таковое не вышло за рамки простой констатации. Пришло время сдвинуться с «мертвой точки», выбраться из этого заколдованного круга и решительно продвинуться в сторону не только необходимого, но и безотлагательного» [16, с. 94-95].

Поскольку формирование нового мирового порядка исключительно будет и должно происходить на основе развития и обновления внутривнутриполитического статуса государств. Естественно, происходящее внутри страны не может быть отделено непроницаемой стеной от ее внешних взаимоотношений. Усиление взаимосвязи внутренних процессов и взаимоотношений с внешним миром происходит и в контексте некоторых более общих тенденций мирового развития. В данном случае речь идет о недопустимости и исключении внешнего вовлечения во внутренние дела государств, об уважительном отношении, реальному суверенитету между странами. Ибо на самом деле эффективное и стабильное развитие каждого суверенного государства является своеобразным вкладом в формирующейся системе международного порядка. Т.е. независимые государства в мировом пространстве являются главными создателями, субъектами глобального порядка. Положительный опыт по развитию каждой отдельно взятой страны и есть также ценный материал, используя которую можно строить основную конструкцию современной миросистемы.

В этой связи следует особо отметить, что независимая Республика Узбекистан с первых дней своего суверенного развития встала на путь демократизации, построения рыночной экономики и духовного возрождения народа и доказала всему миру эффективность и состоятельность своей модели перехода на новое русло политического развития. Узбекистан является одним из немногих государств, которому удалось избежать серьезных потрясений в политической, социальной и экономических сферах после обретения независимости. Подобное положение объясняется, прежде всего, тем, что в Узбекистане изначально был избран путь демократического развития и сотрудничества с прогрессивным миром, основанной на глубоко продуманной и всесторонне взвешенной концепции независимого развития.

Как отмечал Президент нашей Республики И.А. Каримов, «С первых же дней независимости, отказавшись от старой, изжившей себя тоталитарной советской системы, мы объявили о построении открытого демократического государства с социально ориентированной рыночной экономикой и формировании в стране гражданского общества.

В основу строительства нового государства и общества были положены полностью оправдавшие себя пять принципов:

первое - деидеологизация экономики и ее приоритет над политикой. Иначе говоря, вначале экономика, а затем политика;

второе - государство на переходном этапе от старой системы к новой должно стать главным реформатором, то есть взять на себя функции инициатора реформ в области государственного, общественного и экономического обновления страны;

третье - верховенство Закона, или равенство всех граждан перед Законом;

четвертое - осуществление сильной социальной политики, ответственность государства по поддержке уязвимых в социальном плане слоев и групп населения;

пятое - поэтапность в проведении и реализации реформ, отказ от различных моделей шоковой терапии. Иначе говоря, развитие страны должно идти по эволюционному пути, а не по революционному пути, который, как свидетельствует история человечества, всегда приносил народу насилие, кровь и лишения» [17, с. 4-5].

В соответствии с этими принципами в Узбекистане осуществляется стратегия политических реформ цели, которых нашли своё отражение также в Конституции Республики. В каждой статье Конституции можно найти реформаторские задачи и правовые основы их реализации.

За годы независимости Узбекистан приобрел имидж государства с динамично развивающейся современной экономикой. Ярким подтверждением тому являются следующие ни кем не оспариваемые факты. «Несмотря на всеуглубляющийся глобальной экономической и финансовый кризис, темпы роста нашей экономики, в 2015 году превысили так

же, как и предыдущие десять лет, - 8 процентов, реальные доходы населения выросли на 9,6 процента, размеры заработной платы, пенсий, стипендий и пособий - на 21,9 процента. Такие высокие показатели - это прежде всего свидетельство правильности избранного Узбекистаном пути развития, который получил признание в мире как «узбекская модель», основанная на кардинальном реформировании и демократизации нашего общества» [18].

Как отмечал глава нашего государства, «Узбекистан, который в составе бывшего Союза был одной из самых отсталых республик с низким экономическим потенциалом и уровнем жизни населения, сырьевым придатком, поставляющим, в основном, хлопок, за исторически короткий период стал современным государством со стабильно развивающейся многоукладной экономикой, и это - объективная реальность, вызывающая восхищение у многих ведущих международных аналитиков и экспертов» [19, с. 40].

За годы независимости в Узбекистане планомерно осуществляются меры по обеспечению гражданам равных возможностей для реализации демократическо - конституционных прав и свобод.

На сегодняшний день, в рамках реализации концепции дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране, выдвинутой Президентом И.А. Каримовым 12 ноября 2010 года, осуществляются широкомасштабные реформы по углублению процессов демократизации и либерализации нашего общества.

В этом плане «Наша Конституция является правовой и законодательной базой построения независимого, суверенного демократического государства, утверждения приоритета частной собственности в многоукладной и рыночной экономике и обеспечения гарантий ее защиты, а также формирования в стране гражданского общества, где высшей ценностью становятся интересы, права и свободы человека» [20, с. 41].

Главной особенностью процессов реформирования всех сфер жизни нашей страны является ее непрерывность, также постоянный упор демократическому и системному обновлению фундаментальных основ развития.

В результате осуществления процессов политического развития на базе «узбекской модели» построения нового общества, а также использования прогрессивного, созидательного зарубежного опыта Республика Узбекистан сумела самоутвердиться, как современное, суверенное самодостаточное государство с большими перспективами.

В результате всего этого Узбекистан завоевал себе большой авторитет и международное признание в мировом масштабе. Став полноправным субъектом мирового сообщества, Узбекистан начал вести свою внешнеполитическую деятельность на принципах, которые отражают в себе все демократические потребности современных международных отношений. Таким образом, Узбекистан, войдя в состав мирового сообщества, обогатил её новыми концептуальными основами и также подходами ведения диалога между странами.

Как отмечал Президент И.А. Каримов: «Узбекистан, одновременно участвуя в интеграционных процессах на различных уровнях - глобальном и региональном, тем не менее, придерживается одного важного принципа: сближение с одним государством не означает удаление от другого. Мы против того, чтобы укрепление партнерства с одним субъектом происходило за счет ослабления партнерских отношений с другими. Поэтому интеграция Узбекистана в мировое сообщество - процесс многовекторный» [21, с. 290].

Осуществляя свой внешнеполитический курс на основе данных принципов, Узбекистан стал автором осуществления множества эффективных инициатив по стабилизации и укреплению безопасности в нашем регионе и глобальном масштабе. Здесь уместно заметить, что все позитивные изменения, которые имеют место в осуществлении в нашей стране демократических реформ, отражаются и во внешней политике. Поэтому идти по пути мирного развития, укрепления взаимовыгодных отношений со всеми членами мирового сообщества, стремление гармонизации интересов является главным приоритетом нашей страны во внешнеполитической деятельности.

Естественно в процессе формирования нового глобального миропорядка опыт развития суверенного Узбекистана, безусловно, будет играть позитивную роль.

Список литературы

1. Соловьев Э. Суверенитет в рамках полицентричного миропорядка, возвращения к истокам. // Международная жизнь. №6, 2014. с. 96.
2. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment. - "Foreign Affairs", 1991, p.23.
3. Джураев Т.А. Философия безопасности: проблемы переосмысления. Т: ИПТД. «Узбекистан», 2013. с. 6.
4. Бек У. Что такое глобализация?// Пер с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2001. с.12.
5. Делокаров К.Х. Глобализация как социокультурный феномен.// Глобализация: сущность, проблемы, перспективы.- М.: Книга и бизнес, 2003. с. 16-17.
6. Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок» к методологии анализа.// Полис, №5, 2003. с. 32.
7. Осипова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика// Вестник Московского университета. №2., 2014. с. 125.
8. Bowel T. Hegemony and bifurcation points in world history// The Future of Global Conflict. №9. , 2002. P.282.

9. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006. с. 188.
10. Вебер А.Б. Политика мирового развития: Между реальностью глобализации и императивом устойчивости. // Полис №5, 2003. с. 44.
11. Барановский В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений. // Полис, № 4., 2012. с. 64.
12. Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок» к методологии анализа // Полис, №5, 2003. с. 33.
13. Пантин В.И. Исследование перспектив мирового политического развития: проблемы методологического синтеза. // Полис, №6, 2012. с. 27.
14. Чихарев И.А. Масштабы и ритмы демократизации. // Полис, №3, 2009. с. 57.
15. Modelski G/2005/ Long-Term Trends in World Politics/-journal of World-Systems Research, VolXI №2. December.
16. Джураев Т.А. Философия безопасности: пределы переосмысления. Т.: ИПТД «Узбекистан», 2013. с. 94-95.
17. Каримов И.А. По пути модернизации страны и устойчивого развития экономики. Том 16. Т.: Узбекистан, 2008. с. 4-5.
18. Народное слово, 5 января 2016 год.
19. Каримов И.А. Наша главная задача - поднять на новый уровень реформирование и демократизацию общества, модернизацию страны. Т.: Узбекистан, 2015. с. 40.
20. Там же. с. 41.
21. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Т.: Узбекистан, 1997. с. 290.

*Инна Никифорова,
Национальная академия государственного
управления при Президенте Украины,
аспирантка кафедры государственной
политики и общественного развития*

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ КАТЕГОРИЙ

Аннотация: в статье исследованы особенности политической конкуренции в контексте взаимообусловленных понятий политической борьбы, политической оппозиции и политического конфликта. Установлен состав участников и разработаны критерии классификации видов политической конкуренции сквозь призму властно-управленческих решений.

Ключевые слова: политическая конкуренция, политическая борьба, политическая оппозиция, политический конфликт.

*Inna Nikiforova,
National Academy for Public Administration
under the President of Ukraine,*

ONAL ACADEMY FOR PUBLIC postgraduate student of the chair of the public policy and social development

THE PHENOMENON OF POLITICAL COMPETITION IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC CATEGORIES

Annotation: the article researches the features of political competition in a context of stipulated concepts: political struggle, political opposition, political conflict. The structure of participants of political competition has been established and the classification criteria of the political competition's kinds through the prism power-administrative decisions has been elaborated.

Keywords: political competition, political struggle, political opposition, political conflict.

Демократический путь развития взаимоотношений государства и гражданского общества, избранный Украиной после провозглашения независимости, предполагает утверждение обновленной системы политико-правовых институтов, призванных обеспечить прозрачность и легитимность процесса формирования органов публичной власти, их

подконтрольность населению. Учитывая современные мировые тенденции развития многопартийности и политического плюрализма, дальнейшее усовершенствование системы государственного управления возможно лишь при наличии необходимых условий институционализации политической

конкуренции, как одного из наиболее важных критериев демократизации политического процесса.

Предметная область научных исследований политической конкуренции, как одного из видов конкуренции социальной, простирается далеко за пределы политических наук, затрагивая экономику, социологию, психологию, государственное управление, конституционное и административное право.

Современные украинские ученые более заинтересованы в изучении отдельных аспектов политической конкуренции, связанных преимущественно с механизмами правового регулирования и особенностями элитарного влияния на процесс формирования отечественной политической системы. Результаты этих научных исследований отображены в работах и публикациях В. Бортникова, С. Гелея, Д. Короткова, Л. Мандзия, С. Наумкиной, Н. Селютиной, Ф. Рудича, С. Чемяковой, Г. Щедровой, С. Щедрова и других. В отдельную группу целесообразно отнести также современные диссертационные работы С. Бондарь, Н. Винничук, Д. Зубрицкой, И. Зарицкой, Н. Пискаревой, О. Совгири, посвященные проблемам институционализации и правового статуса политической оппозиции.

Несмотря на относительно устоявшееся общее научное представление о политической конкуренции, как о стремлении к завоеванию и удержанию власти, необходимой для установления контроля над процессом распределения экономических, политических, информационных и других видов ресурсов, многообразии исследовательских аспектов сущности, целей, субъект-объектных особенностей, специфики, причин и следствий конкурентных отношений в политике требует выработки дополнительных критериев установления семантической точности как самого понятия «политическая конкуренция», так и определения его отличий от других взаимообусловленных категорий, прежде всего таких, как «политическая борьба», «политическая оппозиция» и «политический конфликт».

Кроме того, системный характер политической конкуренции, как совокупности социально-политических институтов, формальных и неформальных установок, историко-культурных традиций, проявляется не только в рамках избирательных процессов, но и пронизывает соревновательным духом всю политико-административную систему государственных устройств. Поэтому для дальнейших комплексных исследований политической конкуренции, влияния конкурентного взаимодействия в политике на характер государственно-управленческих процессов в современных демократических обществах, а также во избежание терминологической путаницы, необходимо путем применения структурно-функционального и системного научных методов:

- очертить круг субъектов политической конкуренции, которые оказывают решающее влияние

на протекание политических и государственно-управленческих процессов;

- предложить авторское определение политической конкуренции и критериев классификации последней сквозь призму властно-управленческих решений;

- исследовать особенности политической конкуренции, как механизма удовлетворения индивидуальных и групповых интересов, на уровне гражданского общества, деятельности политических партий и «групп давления», органов государственной власти и местного самоуправления.

В современных украинских научных источниках и учебной литературе преобладает подход, согласно которому политическая конкуренция и политическая борьба рассматриваются как отдельные равнозначные формы политических отношений, однако в контексте власти и политических интересов изучается преимущественно политическая борьба. Такой подход обусловлен спецификой самой политики, как особой сферы общественной жизни, связанной прежде всего с отношениями власти.

Например, в Энциклопедическом словаре по вопросам государственного управления политика понимается как:

- целенаправленная деятельность в сфере взаимоотношений между различными общественными группами, государствами и народами, которая связана с борьбой за завоевание или удержание государственной власти;

- сфера борьбы за власть с целью реализации определенных интересов и целей [4, с. 531].

Подобной точкой зрения характеризуются и результаты диссертационного исследования И. Побочия, который приходит к выводу, что политическая борьба, как одна из трех возможных форм политического взаимодействия (наряду с нейтралитетом и сотрудничеством), ведется по поводу завоевания и распределения государственной власти [10, с. 6].

Украинский ученый Ю. Шведа, одним из исследовательских направлений которого является партология, суть политической борьбы видит во взаимодействии различных политических сил во имя достижения определенных политических целей на основе многообразия интересов политических субъектов – классов, социальных групп, сообществ, индивидов [12].

Если рассматривать властную концепцию как политической конкуренции, так и политической борьбы, то, на наш взгляд, последняя будет иметь гораздо более широкие смысловые рамки в силу ряда причин.

Во-первых, предметом политической борьбы прежде всего являются политические и неполитические права и свободы широких слоев населения, направленные на преодоление любых дискриминационных тенденций (свобода вероисповедания, свободный выбор профессии, языка общения,

право на развитие национальной, культурной, этнической самобытности и т.п.), в то время как государственная власть необходима политическим акторам для придания с помощью властно-принудительных полномочий государства статуса общегосударственных тем идеалам и интересам, которые они выражают, и для их практической реализации посредством законодательства и исполнительных механизмов государственной власти [9, с. 7].

Иными словами, цели участников политической борьбы не всегда связаны со стремлением властвовать непосредственно, поскольку их требования может выполнить и действующая власть. На современном этапе общественного развития динамику политической борьбы определяют конкретные социальные, экономические и политические причины, среди которых, в частности, ухудшение качества жизни, угроза безработицы, непопулярность реформ. Как правило, характер политической борьбы выражается в требованиях экономического характера: повышение уровня заработной платы, создание новых рабочих мест и предпосылок для реализации предпринимательской инициативы, уменьшение налогового пресса, изменение характера отношений собственности и т.п. Поэтому завоевание власти в политической борьбе вторично по отношению к другим политическим целям, а первопричиной и одним из главных импульсов политической деятельности индивидов и социальных групп являются политические интересы. Именно последние определяют решающий мотив, который мобилизует субъект политики на борьбу за сохранение или изменение определенных условий и форм его политической деятельности [5, с. 273-274].

Во-вторых, питательной средой политической борьбы является активизация политической активности народных масс, в то время как в процесс политической конкуренции вовлекается ограниченный круг представителей политического класса, претендующих на статус субъектов властных полномочий или субъектов влияния на государственно-управленческие решения с целью удовлетворения требований участников политической борьбы в рамках действия политико-правовых механизмов.

Для установления и закрепления прав и свобод, реализации других общественно-политических интересов, лежащих в основе причин политической борьбы, необходимо принятие соответствующих решений на государственном уровне, как правило, в конституционно-правовой форме. Именно доступ к прямому участию в выработке, принятии и реализации властно-управленческих решений и/или контроле за этими процессами на всех этапах соотносится с конечной целью политической конкуренции. Гражданское участие при этом ограничивается электоральными циклами, а

выдвинутые требования удовлетворяются посредством деятельности политических партий или «групп давления».

В-третьих, политическая борьба, как правило, носит антагонистический характер с превалированием общественной поляризации на уровне «государство-гражданское общество», «власть-народ», «элита-массы», «господствующие классы-угнетаемые классы», «богатые-бедные», «правые-левые», «революционеры-контрреволюционеры», а субъекты политической конкуренции наоборот действуют от имени всего общества, его отдельных сегментов и групп, не противопоставляя им свой собственный интерес.

В-четвертых, последствия политической борьбы могут породить феномен политической конкуренции, как таковой. Например, результатом борьбы отдельных социальных групп за расширение политических прав может стать получение пассивного избирательного права (права избираться), что, в свою очередь, приведет к разнообразию субъектов политической конкуренции, их предвыборных инициатив и программ. Борьба за смену тоталитарного политического режима на демократический, так или иначе, предусматривает институционализацию политической конкуренции.

В-пятых, электоральный характер, политико-правовое регулирование, поддержка политической конкуренции традициями общественного согласия и высоким уровнем политической культуры исключают возможность применения незаконных или насильственных методов устранения соперников, замены властвующей элиты на контрэлиты, смены формы правления, административно-территориального устройства, политического режима и т.п. В результате политической борьбы достижение подобных изменений становится возможным посредством применения различных средств политического насилия, включая войну (межгосударственную, межклассовую или гражданскую, межнациональную, межэтническую), революцию и контрреволюцию, государственный переворот, террор, восстание, партизанские движения [1, с. 50].

Применение таких методов может не только подорвать правовые основы развития демократии, но и стать причиной полного свертывания демократических преобразований, вплоть до установления диктатуры. Таким образом, политическая конкуренция, в отличие от политической борьбы, является одним из важных факторов поддержания политической стабильности.

В тоже время, в политической практике демократических государств с развитыми институтами гражданского общества применяется широкий арсенал методов противодействия злоупотреблениям властью, соблюдения основополагающих прав и свобод граждан, в том числе таких, как свобода слова, право свободно выражать мнение в отношении тех или иных вопросов государственной политики, право прямого участия в управлении государственными делами.

В этих условиях политическая борьба является легальной и творческой, направленной на последовательное удовлетворение различных социальных потребностей и интересов на основе общественного консенсуса; не нуждается в применении методов политического насилия и способствует формированию конкурентной среды взаимодействия политических акторов, стремящихся сконцентрировать в своих руках властные полномочия или влиять на их носителей. Политическая конкуренция при этом выступает индикатором степени применения политического насилия и одновременно инструментом легитимации власти. В свою очередь, уровень развития и характер (добросовестный или недобросовестный) конкурентных отношений в политике определяет общее состояние демократической конкурентоспособности политической системы.

Обобщенно стратегия каждого субъекта политической конкуренции сориентирована на завоевание и удержание государственной власти, как высшей формы политической власти. Однако, для достижения конечной цели необходимо выполнить ряд тактических задач – от формирования общественных запросов на уровне социального взаимодействия до их реализации органами государственной власти.

Политическая конкуренция, таким образом, является динамическим процессом восхождения индивидов и социальных групп до уровня властной элиты, но в зависимости от степени демократизации политической системы и развития институтов гражданского общества, количество его этапов может варьировать. Нам представляется, что полный цикл этого процесса может иметь место в транзитивных полициях.

На первом этапе или уровне социального взаимодействия происходит объединение индивидов и неорганизованных социальных групп вокруг общих интересов и установок. Общественная деятельность этих социальных субъектов формирует сферу социальной конкуренции, при этом они приобретают черты потенциальных акторов как политической борьбы, так и политической конкуренции.

В первом случае импульсом, обеспечивающим трансформацию социальной конкуренции в политическую борьбу, становится полное или частичное расхождение политики и направлений управленческой деятельности институтов власти и государственного аппарата с целями, потребностями и интересами структурных элементов гражданского общества, несоответствие содержания властно-управленческих решений общественным ожиданиям, что более характерно для неустойчивых переходных обществ, в которых проблемы государственного становления, национальной идентификации, экономического развития и другие решены не в полном объеме. Деструктивный потенциал борьбы в таких политических системах может повлечь непредсказуемые последствия, поскольку

кроется в ее стихийном, массовом характере и манипуляционных возможностях искусственного направления вектора политической борьбы в русло узкокорпоративных интересов, навязываемых населению как общественное благо.

В тоже время, в обществах с развитыми институтами партиципаторной демократии политическая конкуренция имеет место и на социальном уровне общественной демократической конструкции, проявляясь в открытой состязательности граждан за влияние на власть в процессе публичного управления. Например, если речь идет о выработке политического курса, принятии и внедрении правительственных решений, то гражданское соперничество выражается в конкуренции идей, мнений, программ, инициатив, альтернативных вариантов решений. В остальных случаях – это конкуренция за право иметь влияние на процесс формирования институтов и органов государственной власти, контролировать их деятельность и кадровую политику.

Из изложенного следует, что в странах с устоявшимися институтами гражданского общества начальный или социальный уровень политической конкуренции характеризуется наличием стартовых возможностей эффективного интегрирования в политический процесс механизмов прямого политического участия в условиях представительной демократии. Учитывая, что партиципизм является скорее желательным идеалом демократии, нежели политической реальностью, и «в чистом виде» не встречается в странах с парламентской, президентской или смешанной формами правления, в современных обществах, эволюционирующих в направлении демократической консолидации, становление цивилизованных конкурентных отношений в политике является логичным продолжением процесса развития и усовершенствования форм и методов конкурентного взаимодействия на социальном уровне.

Соответственно, следующий конкурентный уровень предусматривает институциональную трансформацию групп интересов в политические силы, призванные артикулировать и агрегировать соответствующие социальные запросы в системе субъектов политической власти. На этом уровне субъекты политической конкуренции представлены политическими партиями и другими политическими силами, действующими от имени или в интересах тех или иных социальных групп, а объектами политической конкуренции являются: расширение социальной базы и электоральной поддержки политических акторов, формирование политического имиджа, завоевание общественного авторитета и политического признания, усиление политического влияния. Иначе говоря, этот этап политической конкуренции проходят новые политические силы, стремящиеся выйти из пространства социального взаимодействия в сферу политики и укрепить свои политические позиции. Это уровень политизации групп интересов и формирования по-

литической элиты с ярко выраженными полиархическими признаками, на котором социальная конкуренция трансформируется в политическую.

Следующий, третий этап политической конкуренции в широком смысле можно рассматривать как электоральный процесс состязания политических сил за завоевание государственной власти, как высшей формы политической власти, целью которого является репрезентация тех или иных социально-политических интересов на высших уровнях системы политико-административного управления. В узком смысле – это межпартийная, групповая или индивидуальная (основанная на феномене политического лидерства) политическая конкуренция за распределение должностей и управленческих полномочий на всех уровнях публично-властной системы демократического представительства.

В науке распространено мнение, что пик активизации конкурентных процессов в политике, и в особенности влияния их конфликтного потенциала, приходится на предвыборный период, когда сами выборы порой отождествляются с социально-политическим конфликтом, в котором главной целью его участников является захват и удержание власти [3, с. 24]. Нам представляется, что феномен политической конкуренции носит перманентный характер на всех уровнях политического взаимодействия, вне зависимости от периодичности избирательных кампаний.

В периоде между очередными выборами особенно ошутимо оживление конкурентных отношений между представителями высших эшелонов государственной власти всех ветвей за ее удержание, которое в зависимости от преобладания полиархических или элитарных элементов демократии выражается в борьбе политических акторов за влияние на принятие ключевых политических и государственно-управленческих решений, расширение сферы контроля над процессами их выработки на всех этапах.

Уровень политической конкуренции между высшими носителями государственно-властных полномочий (правящих элит) является наиболее важным и влиятельным с точки зрения зависимости характера протекания государственно-управленческих процессов от политического курса. Несмотря на то, что государственно-управленческие процессы принято понимать, как правило, в контексте деятельности органов исполнительной ветви власти, которая зачастую ассоциируется с государственным аппаратом, их результаты формируются под влиянием межфракционной парламентской конкуренции за принятие тех или иных решений законодательного характера.

В целом, в парламентских республиках ареной политической конкуренции становятся органы законодательной власти, а ее основными субъектами – власть, представленная парламентским большинством и сформированным ею правительством, и оппозиция, состоящая из представителей парламентского меньшинства и соответствующего «теневых

правительства». В условиях работы коалиционного правительства, сформированного при отсутствии парламентского большинства, субъектами политической конкуренции могут быть как парламентские фракции, так и члены правительства, которые представляют разные политические силы. Соответственно, характер конкурентных отношений определяется доминированием элементов межфракционной, внутриправительственной конкуренции или их комбинированием.

При смешанной форме правления к числу субъектов политической конкуренции следует также относить президента, которому в процессе подготовки, обсуждения, принятия, реализации управленческих решений и контроля за их исполнением может полностью или частично противостоять, в зависимости от политической конъюнктуры, парламент и/или правительство. В президентских республиках президенту и сформированному им правительству, как правило, оппонируют парламентарии. Другими словами, основными участниками конкурентных отношений становятся законодательная и исполнительная ветви власти (или легислатура и администрация).

С учетом изложенного, в широком понимании политическая конкуренция – это легализованная и институционно оформленная ненасильственная форма политической борьбы за доступ к ресурсам публичной власти с целью их использования для удовлетворения различных индивидуальных и групповых общественных интересов.

От иных форм и способов ведения политической борьбы политическая конкуренция отличается:

- отсутствием массового (классового) характера и предпочтением группового механизма репрезентации общественных интересов;
- интегрированием субъектов политической конкуренции в систему государственной власти, как высшей формы политической власти;
- применением субъектами политической конкуренции мирных, санкционированных и урегулированных в политико-правовой плоскости методов достижения поставленных целей;
- ориентацией на достижение подконтрольности субъектам политической конкуренции процесса принятия властно-управленческих решений на всех его этапах.

В узком смысле политическая конкуренция – это основанный на демократических ценностях и урегулированный в политико-правовом поле процесс распределения возможностей индивидуального и/или группового влияния на результаты всех этапов принятия и исполнения властно-управленческих решений в политико-административной системе государства.

Поскольку политические процессы в разные исторические эпохи являлись ареной политических противостояний индивидуального или группового характера, которые выражались в борьбе или конкуренции политических акторов за главные роли в

общественной жизни, традиционным индикатором открытости или латентности политической составляющей, борьбы за власть и статусы, влияние и контроль над ресурсами и умами служит категория оппозиционности [2, с. 3].

В целом, оппозиция (от лат. *oppositio* – противопоставление) означает противодействие, сопротивление, противопоставление своих взглядов, своей позиции, своей политики другим взглядам, позициям, политике. В современных научных исследованиях, аналитических и экспертных материалах в оценках характера развития политической конкуренции как в стабильных демократиях, так и в странах демократического транзита, преобладает подход, основанный на дискурсивных теоретических концепциях взаимоотношений власти и оппозиции, как ее основных институционных субъектов.

Вместе с тем, критериям разграничения понятий «политическая конкуренция» и «политическая оппозиция» не хватает семантической точности. В контексте авторского определения конкуренции, как индивидуального и/или группового влияния на процесс принятия решений в системе государственного управления, наиболее приемлемым является понимание оппозиции, как системы субъектов выработки альтернативной государственной политики. Ведь процедурно процесс подготовки, принятия и реализации управленческих решений состоит из совокупности последовательных действий.

Несмотря на разнообразие теоретических взглядов относительно необходимого количества структурных элементов процесса принятия управленческих решений в системе политического руководства и государственного управления, большинство исследователей солидарны во взглядах относительно необходимости выделения среди них таких этапов и/или стадий, которые предусматривают рассмотрение альтернативных вариантов и путей решения существующих государственных проблем [7, с. 287-292 ; 8, с. 170-171 ; 11, с. 16-19].

Исходя из сказанного, считаем возможным предложить собственный вариант дефиниции «политическая оппозиция», как особой группы институционно оформленных, организованных и правомочных субъектов политической конкуренции (граждан, политических партий, «групп давления», отдельных носителей публично-властных полномочий, например, парламентского меньшинства), которые имеют право в процессе подготовки политических и государственно-управленческих решений инициировать рассмотрение альтернативных предложений.

Общеизвестно, что политика начинается там, где существуют конфликты. В этом смысле особенностью политической конкуренции является стремление ее субъектов принимать участие в регулировании этих конфликтов. И хоть политический конфликт может стать одним из следствий использования недобросовестных инструментов политической конкуренции, все же честный и открытый

характер последней – залог нивелирования конфликтного потенциала общественного развития.

В связи с этим, нам представляется, что принципиальная разница между категориями «конкуренция» и «конфликт», как отдельных форм политического взаимодействия, прослеживается в теоретической дефиниции межпартийной конкуренции, разработанной А. Куценко. Исследователь полагает, что политическая конкуренция является формой упорядоченного соперничества за власть индивидов или групп, урегулированной определенными правилами и законами и основанной на присутствующей в обществе «культуре согласия», не допускающей ее превращения в насильственный конфликт [6, с. 9].

Несмотря на весомый теоретический задел для углубления дальнейших исследований политологических, социологических, правовых, экономических, административных и других аспектов конкуренции, как формы политического взаимодействия, на современном этапе развития научной мысли недостаточно внимания уделено вопросам разработки критериев классификации конкурентных отношений в политике.

Исходя из рассмотренной в данной статье четырехуровневой модели политической конкуренции (социальный, олигархический, электоральный и властный уровни), а также учитывая особенности объекта политической конкуренции, связанные с необходимостью обеспечения легитимности правительства курса, состоящего из совокупности управленческих решений и соответствующей последовательности действий относительно их практической реализации, предлагается различать виды политической конкуренции, исходя из следующих классификационных критериев.

Во-первых, учитывая состав участников конкурентных отношений, политическая конкуренция может рассматриваться как:

- партиципаторная – на уровне неполицизированных структурных элементов гражданского общества;
- межпартийная – на уровне политических партий и лидеров;
- межгрупповая – на уровне «групп давления»;
- властно-элитная – на уровне субъектов публично-властных полномочий;
- комбинированная, представленная всеми участниками политического процесса, которые прямо или опосредованно влияют на государственную политику и правительственный курс.

Во-вторых, по уровню электоральной конкурентной сферы в системе публичной власти следует различать политическую конкуренцию:

- общенационального масштаба, характеризующуюся соперничеством за высшие политические должности – депутатские, правительственные, президентскую;

- местного масштаба, в рамках которого конкурентное взаимодействие сосредоточено вокруг процесса формирования органов местного самоуправления.

В-третьих, в зависимости от конечной цели субъектов политической конкуренции, целесообразно выделить конкуренцию за:

- право прямого участия в выработке, принятии и реализации властно-управленческих решений и/или контроля за этими процессами на всех этапах в системе публичной власти;

- расширение легальных и нелегальных возможностей влияния на формирование институтов публичной власти и деятельность их представителей.

Подытоживая, отметим, что проведенное исследование политической конкуренции позволяет дополнить междисциплинарный категориальный аппарат рассмотренной проблематики определением политической конкуренции в контексте властно-управленческого решения, как основного объекта конкурентного взаимодействия в сфере политики; обосновать отличительные черты политической конкуренции от взаимосвязанных концептов политической борьбы, политической

оппозиции и политического конфликта; классифицировать виды политической конкуренции в зависимости от состава участников конкурентных отношений в политике, уровня электорального конкурентного взаимодействия в системе публичной власти и конечной цели деятельности субъектов политической конкуренции.

В современных условиях в качестве субъектов политической конкуренции целесообразно рассматривать:

- граждан, которые стремятся к реализации конституционного права на участие в управлении государственными делами;

- группы интересов, действующих посредством создания политических партий для удовлетворения индивидуальных и групповых потребностей и интересов в ходе электоральных процессов;

- «группы давления», которые, в отличие от политических партий, стремятся не к прямому участию в выработке властно-управленческих решений, а лишь к установлению влияния на этот процесс на всех его этапах;

- органы публичной власти всех уровней.

Ссылки:

1. Борщ А. Формы политической борьбы / А. Борщ // Обозреватель. – 2010. – № 12. – С. 49-59.
2. Воробьев А.А. Основные тенденции формирования оппозиционности в современном российском политическом процессе : автореф. дис. на соискание науч. степени кандидата полит. наук : спец. 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» / А.А. Воробьев. – Саратов, 2013. - 25 с.
3. Горбачев А.А. Манипулирование электоратом в избирательном процессе современной России: дис. ... кандидата полит. наук : спец. 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» / Горбачев Антон Александрович. – М., 2011. – 202 с.
4. Энциклопедичний словник з державного управління [уклад. Ю. Сурмін, В. Бакуменко, А. Михненко та ін]. – К. : НАДУ, 2010. – 820 с.
5. Енциклопедія державного управління [Текст] : у 8 т. / наук.ред. кол. : Ю. В. Ковбасюк (голова) [та ін.] ; Національна академія державного управління при Президентіві України. — К. : НАДУ, 2011 – Т. 1: Теорія державного управління / наук.-ред. кол. : В. М. Князев (співголова), І. В. Розпутенко (співголова) та ін. – 2011. – 748 с.
6. Куценко А.Г. Межпартийная политическая конкуренция : автореф. дис. на соискание науч. степени кандидата полит. наук : спец. 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» / А.Г. Куценко. – М., 2004. - 24 с.
7. Малиновський В.Я. Державне управління / Малиновський В.Я. – К. : Атіка, 2009. – 608 с.
8. Мельник А.Ф. Державне управління: підручник / Мельник А.Ф., Оболенський О.Ю., Васіна А.Ю. – К. : Знання, 2009. – 582 с.
9. Нисневич Ю. Роль конкуренции в обеспечении социально-политической стабильности и подавлении коррупции / Ю. Нисневич // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2009. – № 3. – С. 3–17.
10. Побочій І.А. Політична боротьба як форма взаємовідносин соціальних сил в умовах утвердження державності сучасної України : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора політ. наук : спец. 23.00.02 «Політичні інститути та процеси» / І.А. Побочій. – Київ, 2008. – 35 с.
11. Сосунов Д.В. Процесс принятия политических решений в современной России: монография / Сосунов Д.В. – Воронеж : Научная книга, 2010. - 228 с.
12. Шведа Ю. Політичні партії. [Електронний ресурс] : енциклопедичний словник / Ю. Шведа. – Львів. : Астролябія, 2004. – 500 с. – Режим доступу : http://www.lnu.edu.ua/faculty/Phil/Shweda_slovnkyk.htm.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Наталья Анатольевна Степанова

ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н.Толстого», кандидат психологических наук,
декан факультета психологии

Сергей Курбанович Хаидов

ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н.Толстого», кандидат психологических наук,
доцент

Максим Александрович Басин

АНО ДПО ««ГАППССС»,

кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики образования

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАРГИНАЛЬНЫХ ЖЕНЩИН, ОКАЗАВШИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена выявлению личностных характеристик маргинальных личностей, находящихся в трудной жизненной ситуации, которые получают услуги в учреждениях социальной защиты и занимающих социально-иждивенческую позицию, связанную с позицией выученной беспомощности и безнадежности. Основной целью исследования являлось определение психологических черт и их взаимосвязи у представителей данной группы для разработки рекомендаций по их личностному росту.

Ключевые слова: маргинальная личность, социально-иждивенческая позиция, трудная жизненная ситуация.

Stepanova Nataliya Anatol'yevna

Candidate of Psychology, Associate Professor
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Dean of the Department of Psychology

Khaidov Sergey Kurbanovich

Candidate of Psychology
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Associate Professor of the Chair of Special Psychology

Basin Maksim Aleksandrovich

Candidate of Psychology
Autonomous Nonprofit Organization of Additional Professional Education "Humanitarian Academy of Vocational Training of Experts in Social Sphere",
Chair of Psychology and Pedagogy of Education

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF MARGINALIZED WOMEN IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS

Abstract. The article is devoted to identifying the personal traits of marginalized individuals in difficult life situations who receive services in the social protection institutions dealing with socio-dependent position associated with the one of learned helplessness and hopelessness. The main objective of the study is to determine the psychological traits and their relationships among representatives of this group to develop recommendations for their personal growth.

Keywords: marginal personality, difficult life situation, social passivity, learned helplessness, dependent position, results of research.

Введение. В современном развитии российского общества все еще остаются высокие тенденции к появлению в нем семей, находящихся в трудной жизненной ситуации (далее СНТЖС).

Особое место среди СНТЖС занимают маргинальные семьи, появлению большого количества которых способствует рост маргинальной среды, вызванного: обеднением части населения, угрозой потери социального статуса, невротизацией населения, развитием дезадаптации, ростом заболеваний и смертности. Маргинальная семья неспособна самостоятельно решать свои проблемы, постоянно

нуждается в помощи государства и, как показывает практика, часть из них не хочет что-либо менять в своей жизнедеятельности, чтобы выйти из этого положения. В конечном итоге это приводит к тому, что эта часть семей становится «социальными иждивенцами», считающимися нормальным, постоянное обеспечение государством их материальных потребностей. Для этих маргинальных семей единственным путем выживания становится получение помощи и льгот, за счет которых они и существуют, не прилагая усилий к изменению своей жизни. В этом главное отличие такого типа семей от других

маргинальных семей и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, которые понимают свое положение и стремятся всеми силами и способами, выйти из трудной жизненной ситуации. Зачастую члены таких семей пополняют криминальную среду.

В связи с этим, важным открытием стала теория выученной беспомощности (learned helplessness). Она проливает свет на причины, обуславливающие трудности выхода из такого маргинального состояния. Learned helplessness theory is the view that clinical depression and related mental illnesses result from a perceived absence of control over the outcome of a situation (Seligman, 1975).

Learned helplessness is formally defined as a disruption in motivation, affect and learning following exposure to no contingent (uncontrollable) outcomes. There are three crucial elements to its definition; contingency, cognition and behavior (Christopher et al, 1993) [2].

Таким образом, состояния людей, испытывающих депрессию, пассивность или повышенную агрессивность и находящихся в трудной жизненной ситуации можно также объяснить с точки зрения выученной беспомощности или теории выученной безнадежности.

When a person holds these two expectations – that bad things will heppend and that there is nothing one can do about it – he or she becomes hopeless, and it is this hopelessness that is the immediate cause of the depression [3].

Российские психологи определяют маргинальную личность как «... - личность, у которой не сформирована прочная, однозначная, согласованная система социальных идентичностей и ценностных ориентаций, в силу чего, как предполагается, маргинальная личность испытывает когнитивные и эмоциональные проблемы, затруднения, внутренний разлад. Понятие маргинальная личность введено Р. Парком (Park, 1932); позднее разрабатывалось Е. Стонквистом (Stonequist, 1960), который рассматривал «культурную» и «расовую» маргинальность» [4].

В европейском подходе существенно расширяется диапазон содержания маргинальности личности, где наряду с культурной маргинальностью выделяются: структурная, идейная маргинальность и маргинальность социальной роли [6].

Маргинальные семьи и личности, в нее входящие, с «социально-иждивенческой направленностью» наиболее близки к характеристикам структурной маргинальности. Для них характерны такие социально-психологические показатели: деперсонализация (разрушение личности человека), вызванная деклассированием, наряду с разрушением прежнего образа жизни; доминирование инстинктов выживания; регрессивность культурных норм поведения; рост агрессии и желания мести обществу. В таких семьях может преобладать направленность на внешний контроль, что связано с идеями Роттера (Rotter J.B.) [7].

В некоторых статьях также подтверждается тот факт, что “Individuals who are perceived as having poor coping strategies are most likely to be extrinsically motivated and report more symptoms of depression and anxiety“ [8].

В ценностных ориентациях ведущими выступают уравнивательные ценности; стремление обогатиться за чужой счет, характерны дух наживы, стяжательства, авантюризм; формируется устойчивая мотивация оправдания асоциальных поступков.

Методика. С целью выявления психологических характеристик маргинальной личности, находящихся в трудной жизненной ситуации, получающих услуги в учреждениях социальной защиты Министерства труда и социальной защиты Тульской области было проведено психологическое исследование по следующим методикам, адаптированным к российской выборке: Тест «Исследование уровня субъективного контроля» Дж. Роттера (УСК); Методика многофакторного исследования личности Р.Кеттела форма С (105 вопросов); Стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ) Л.Н.Собчик; Изучение мотивации достижения (А. Мехрабиан); Цветовой тест М. Люшера; Полуструктурированная беседа со специалистами социальных учреждений.

Для обработки результатов использовались методы математической статистики – корреляционный анализ Спирмена.

В исследовании приняли участие 509 респондентов, получающих социальные услуги в учреждениях социальной защиты Тульской области (из них 60 мужчин и 449 женщин). Анализ различий по гендерным и возрастным характеристикам не проводился.

Респонденты отбирались по следующим комплексным характеристикам маргинальности: неработающие (при наличии рабочих мест не хотят устраиваться на работу) или имеющие непостоянное место работы; постоянное получение социальных пособий; отсутствие полного пакета необходимых документов; декларирование желания что-то изменить для улучшения своего социального и материального положения.

Основная часть. Исследование по методике М. Люшера определило продуктивность нервно-психической напряженности и установку на активность действия как факторов, обуславливающих возможности самостоятельного выхода из сложившихся трудных жизненных ситуаций.

Уровень стандартного отклонения (СО) находится на уровне 3,9 стана, что соответствует среднему уровню непродуктивности нервно-психической напряженности. Это говорит о том, что респонденты справляются со своими обязанностями в пределах средних сложившихся требований. В привычной обстановке они могут переходить от работы к отдыху и обратно, от одного вида деятельности к другому без существенных затруднений. В случае необходимости способны преодолевать усталость волевым усилием, однако после

этого в их делах и самочувствии просматривается длинный «шлейф» снижения работоспособности. Для сохранения здоровья и работоспособности им требуется относительно четкое субъективное разделение работы и отдыха.

Вегетативный коэффициент (ВК), равный 4,1 стенам, говорит о возможности оптимальной мобилизации физических и психических ресурсов, установки на активное действие. В экстремальной ситуации наиболее вероятно высокая скорость ориентировки и принятия решений, целесообразность и успешность действий.

Таким образом, у данной категории обследуемых имеются психические и физические ресурсы, позволяющие активно и самостоятельно предпринимать действия для преодоления сложившейся трудной жизненной ситуации. При этом средний уровень непродуктивности нервно-психической напряженности, при четком субъективном разделении работы и отдыха не препятствует активным и самостоятельным действиям.

Исследование по методике УСК Дж. Роттера было осуществлено для определения представлений человека об ответственности за сложившуюся ТЖС. Получены следующие результаты:

По шкале «общая интернальность» получено 4,4 стена, что говорит об экстернальном локусе контроля. Респонденты не видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями жизни, не считают себя способными контролировать эту связь и полагают, что большинство событий и поступков являются результатом случая или действий других людей.

Шкала «интернальности в области достижений» выражена на уровне 5,2 стена, что говорит об экстернальном локусе контроля. Опрошенные приписывают свои успехи, достижения и радости внешним обстоятельствам - везению, счастливой судьбе или помощи других людей.

Результаты шкалы «интернальности в области неудач» соответствуют 4,5 стенам. Данный показатель находится в области экстернальности и свидетельствует о склонности исследуемой выборки приписывать ответственность за подобные события другим людям или считать эти события результатом невезения.

Данные шкалы «интернальности в семейных отношениях» характеризуются 5,1 стенами, свидетельствующими об экстернальном локусе контроля. По этому критерию респонденты возлагают ответственность не на себя, а на своих партнеров. Они видят в них причину значимых ситуаций, возникающих в их семье.

По шкале «интернальности в области производственных отношений» получено 3,8 стена, говорящих о склонности участников опроса приписывать более важное значение внешним обстоятельствам, например руководству или товарищам по работе, а также везению или невезению, что также указывает на выраженную экстернальность.

Показатели шкалы «интернальности в области межличностных отношений» соответствуют 4,8 стенам. Это указывает на неспособность исследуемых активно формировать свой круг общения и на их склонность считать свои межличностные отношения результатом активности партнеров. Все это говорит об экстернальности.

Последняя шкала «интернальности в отношении здоровья и болезни» выражена 4,6 стенами (экстернальность). Участники данной выборки считают здоровье и болезнь результатом случая и надеются на то, что выздоровление придет в результате действий других людей, прежде всего врачей.

Таким образом, результаты исследования по методике УСК Дж. Роттера, показывают общую экстернальность выборки исследуемых по всем 7 шкалам. Наибольшая экстернальность выражена по шкалам «общая интернальность», «интернальности в области неудач», «интернальности в области производственных отношений».

Приписывание ответственности за сложившуюся трудную жизненную ситуацию внешним факторам позволяет респондентам снять ответственность с себя, рационализировать свое бездействие в изменении сложившейся ситуации, что стимулирует их иждивенческую позицию, выражающуюся в требовании помощи со стороны государства или других социальных и благотворительных служб как внешнего фактора способного минимизировать сложившиеся трудности в жизни. Подобные службы не рассматриваются данными гражданами как дополнительные ресурсы, способствующие преодолению кризисной ситуации с целью изменения ее в стабильную позитивную сторону, а воспринимаются как конечный результат выхода из кризисной ситуации.

Корреляционный анализ по Спирмену, выявил следующие корреляционные связи:

Шкала интернальности в области достижения, интернальности в области неудач, интернальности в семейных отношениях, интернальности в области производственных отношений имеют положительную корреляционную связь со шкалой общей интернальности. Повышение экстернальности по перечисленным выше шкалам приводит к повышению общей экстернальности, поэтому эти шкалы являются определяющими в уровне экстернальности.

Шкала интернальности в области неудач имеет положительную корреляционную связь со шкалой интернальности в семейных отношениях. Чем выше экстернальность в области неудач, тем выше ответственность за эти неудачи возлагается на супругов и других членов семьи.

Шкала интернальности в области достижения имеет положительную корреляцию со шкалами интернальности в области неудач, интернальности в семейных отношениях. В тоже самое время и достижения рассматриваются как результат действия партнеров по семье и как результат везения.

Шкала интернальности в семейных отношениях коррелирует положительно со шкалой интернальности межличностных отношений. Можно говорить о том, что респонденты в большей степени видят межличностные отношения также как и отношения в семье результатом активности своих партнеров по общению. Чем выше экстернальность по любой из этих шкал, тем больше неспособности выстраивать свой круг общения, что приводит к замыканию по себе, своей негативной обстановке в семье и невозможности найти выход.

Шкала «интернальности в отношении здоровья и болезни» положительно коррелирует со шкалой интернальности межличностных отношений. Чем выше экстернальность в отношении своего здоровья, тем выше требования к окружающим относительно здоровья респондентов и перекладывание ответственности на них за него.

В свою очередь это можно интерпретировать, как нежелание предпринимать каких-либо резких изменений в жизни самостоятельно. В результате возникает потребность найти защитника, помощника, поддержку, что и становится причиной обращения в службы социальной помощи населению. Однако, как мы указывали выше, помощь и поддержка, оказываемая представителями социальных служб, воспринимается как итог самостоятельных действий и в дальнейшем вся ответственность за свою судьбу перекладывается на плечи различных служб, оказывающих социальную помощь.

По результатам полуструктурированной беседы со специалистами социальных учреждений было определено, что у данной категории маргинальных личностей, имеющих иждивенческую направленность в прошлом, был опыт самостоятельного выхода из сложившихся, по их словам, трудных жизненных ситуаций, который, в свою очередь, был негативным. Причинами неуспешности выхода из трудной жизненной ситуации, со слов респондентов, являлись различные внешние факторы (например, запреты со стороны близких в детстве, насилие физическое и моральное, пьющий муж, плохие начальники, неверные подруги, плохие материальные и бытовые условия жизни и т.п.).

Все это вместе способствует формирование мотивации на избегание неудачи, т.е. по представлениям данной категории граждан, лучше ничего не делать, чтобы не быть причиной негативного результата. Дальнейшее изменение ситуации им видится только как обращение за помощью к государственным и благотворительным структурам, где они реально могут получить (или уже получали) материальную и социальную помощь, и на которых перекладывается ответственность за конечный результат. В свою очередь государственные и благотворительные структуры, оказывающие социальную помощь, согласно социально-психологическим механизмам, подкрепляют и закрепляют ее иждивенческое поведение у данной категории населения.

УСК по шкале интернальности в области неудач коррелирует со шкалой эмоциональной нестабильности-стабильности по методике Р.Кеттелла. Чем больше уровень экстернальности в области неудач, тем выше уровень эмоциональной нестабильности, которая выражается в импульсивности, эмоциональной неустойчивости, переменчивости настроения, подверженности влиянию чувств, раздражительности, неустойчивости интересов, низкой толерантности по отношению к фрустрации.

УСК по шкале интернальности в области неудач коррелирует со шкалой Е подчиненность - доминантность по методике Р.Кеттелла. Чем выше уровень доминантности, тем выше уровень экстернальности в области неудач. Уровень доминантности характеризуется такими качествами как упрямство, своенравие, конфликтность. Люди, находящиеся на этом уровне не признают внешней власти и часто бунтуют.

Шкала общей интернальности имеет отрицательную корреляционную связь со шкалой индивидуалистичности по методике СМИЛ.

Защитный механизм, соответствующий данной шкале СМИЛ – это интеллектуальная переработка при трансформации тревоги, уход в мир мечты и фантазии.

Таким образом, данные корреляции показывают, что люди не рефлексируют свои неудачи, а их причина может заключаться в тех качествах личности, которые выражены в указанных шкалах по методике Р.Кеттелла. Например, раздражительность и неустойчивость интересов мешают людям добиваться позитивных результатов деятельности, что закрепляется как стратегия неуспеха. При этом качества упрямство и неосмысленное бунтарство приводит к невозможности пересмотра неэффективных паттернов поведения и делает их устойчивыми. При этом отреагирование фрустрационных ситуаций происходит вовне, что еще более усиливает неэффективность поведения, приводящее к увеличению конфликта с социумом и перенос ответственности за собственные неудачи на внешние факторы. При полуструктурированном интервью специалисты указывают на специфические фразы клиентов, свидетельствующие об их экстернальности «А что я могу сделать, если администрация мне не помогает!», «Обстоятельства сильнее меня!», «Родственники от меня отвернулись.», «Я к вам пришла за помощью, а вы мне только памперсы дали...» и т.п. Используя защитный механизм интеллектуальной переработки, данные личности уходят от реальных проблем в мир мечты и фантазии. Специалисты учреждений социальной защиты при проведении полуструктурированного интервью фиксировали частые выражения клиентов, характеризующие их высокий уровень фантазирования, мечтаний, оторванных от объективной реальности. Например – «Продам свою почку и куплю дом...», «На материнский капитал куплю дом на Юге, заведу хозяйство и буду на трассе даль-

нобойщикам продавать яйца, молоко и другие продукты...», «Муж мой обещал бросить пить и по этому я с ним останусь» и т.п.

Исследование по методике «Изучение мотивации достижения (А. Мехрабиан)» проводилось с целью выявления стремления к самостоятельному изменению сложившейся трудной жизненной ситуации.

Результатом по данной методике является показатель, равный 121,3 балла, что указывает на доминирование стремления избегать неудачи.

Корреляционный анализ показал, что мотивация достижения имеет отрицательную корреляционную связь со шкалой пессимистичность СМИЛ. Это свидетельствует, что повышение уровня стремления к избеганию неудачи приводит к снижению уровня выраженности пессимистичности. Действительно, высокий показатель по данной шкале СМИЛ указывает на акцентуацию характера по гипотимному (гипостеническому) типу, что связывается с возможной депрессивной реакцией в рамках адаптационного синдрома к проблемной ситуации. Защитным механизмом у такой группы лиц является отказ от самореализации и усиления контроля сознания. У таких лиц имеется тенденция полагаться на судьбу нежели самим пытаться повлиять на нее и возлагают на себя роль жертвы. Специалисты учреждений социальной защиты при проведении полуструктурированного интервью отмечают типичные выражения своих клиентов такие как «все как-то само собой получается...», «как пойдут...», «как карты лягут...», «мне никогда не везет...» и т.п.

Корреляционный анализ показал, что мотивация достижения имеет отрицательную корреляционную связь со шкалой социальной интроверсии СМИЛ. Это свидетельствует, что повышение уровня стремления к избеганию неудачи приводит к снижению пассивности личностной позиции.

Повышенный показатель по этой шкале (59Т при норме 55Т) свидетельствует о замкнутости, застенчивости, переживании человеком трудности

налаживании отношений и межличностных конфликтов. Инертность в принятии решений, избирательность, а также сужение сферы межличностных контактов. Все это закономерно приводит к стремлению избегания любых изменений, в том числе и своей социальной позиции.

Таким образом, поведение людей характеризуется стремлением к избеганию неудач, склонностью к депрессивным состояниям, вызванным субъективным ощущением невозможности самостоятельно изменять свою судьбу и делегирование данных полномочий окружающим людям. На себя они часто возлагают роль жертвы и довольствуются ей, что позволяет им укреплять свою уверенность в невозможности каких-либо улучшений.

Выводы. Анализ результатов исследования выявил следующие психологические характеристики личностей, находящихся в трудной жизненной ситуации и получающих помощь в учреждениях социальной защиты Тульской области:

1. Наличие психических и физических ресурсов, позволяющих активно и самостоятельно предпринимать действия для преодоления сложившейся трудной жизненной ситуации.

2. Выраженность общей экстернальности, перенос ответственности за сложившуюся трудную жизненную ситуацию на внешние факторы.

3. Доминирование к стремлению избегания неудач.

4. Слабая рефлексия причин своих неудач. Отреагирование фрустрационных ситуаций вовне, перенос ответственности за собственные неудачи на внешние факторы.

5. Склонность к депрессивным состояниям, принятие на себя роли «жертвы».

Полученные данные позволяют предположить характерологические особенности подхода к психолого-социальной, реабилитационной, коррекционно-развивающей работе с данными личностями по их ресоциализации. На наш взгляд, целесообразно разрабатывать индивидуальную программу, в основе которой лежат типовые психологические характеристики маргинальной личности.

Ссылки:

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. - СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. - 672 с. С. 275.
2. Попова И.П. Маргинальность: Социологический анализ. М., 1996.- 30 с.
3. Мельник С.Н. Социологический анализ маргинальности в социальной структуре современного российского общества: на примере Приморского Края. Дис. ... канд. социолог. наук. Владивосток, 2003. - 217 с.
4. Басин М.А., Хаидов С.К. Иждивенческая позиция личности маргинальной женщины, находящейся в трудной жизненной ситуации как негативный фактор социализации ребенка: мат. межд. науч.-прак. конф. «Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения». Сб. науч. Статей /Ред.: В.Н. Ослон, Е.В. Селенина.-М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. - 213 с., С. 125-134. <http://psyjournals.ru/childdeprivation/issue/>
5. Adrienne D. Gilmore, Prairie View A&M University, USA G. Solomon Osho, Prairie View A&M University, USA Angela B. Heads, Prairie View Stress, Anxiety, Depression And Psychological Responses Among African Americans: Empirical Investigation And Coping Strategies. American Journal of Health Sciences - Third Quarter 2013 Volume 4, Number 3.
6. Aamna Saleem Khan, Ph. D. Effects of School Systems on Locus of Control 11 : 9 September 2011Language in India_HYPERLINK "http://www.languageinindia.com/"www.languageinindia.com

7. Bootzin Richard R., Acocella Joan Ross, Alloy Lauren B. Abnormal psychology. Current perspectives. 1993 McGraw-Hill, Inc.
8. Nunn, G. D. and Nunn, S. J. (1993). Locus of control and school performance: Some implications for teachers. Education, 113, 636-640. Retrieved Sep 29, 2009, from www.questia.com/PM.qst?a=o&se=gglsc&d=5000224082 &HYPERLINK "http://www.questia.com/PM.qst?a=o&se=gglsc&d=5000224082" &HYPERLINK "http://www.questia.com/PM.qst?a=o&se=gglsc&d=5000224082" &HYPERLINK "http://www.questia.com/PM.qst?a=o&se=gglsc&d=5000224082" &HYPERLINK "http://www.questia.com/PM.qst?a=o&se=gglsc&d=5000224082" &HYPERLINK

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Gaskova M.I.

*Ph.D. in sociology, researcher at IEIE SB RAS,
Assistant Professor, Novosibirsk State University*

Гаськова Марина Ивановна

*кандидат социологических наук, научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, старший преподаватель
НГУ.*

INTEGRAL APPROACH OF K. WILBER IN THE CONTEXT OF POST NON-CLASSICAL SCIENCE

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД К. УИЛБЕРА В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Summary: The article analyzes the main characteristics of the post non-classical science, which has been developing during the last decades in different disciplines. In this work I focus on the integral approach of an American researcher, K. Wilber. The main characteristics of an integral paradigm of knowledge are not only the tendency towards interdisciplinary studies; but it is also a well-grounded foundation for a *holistic* approach, a methodological “map”, created by K. Wilber, that gives opportunity to study any phenomenon of life. In this work I accentuated the positive resources that are contained in the given direction of studies in relation to different areas of social and individual life. I defend a thesis that integral paradigm (being not only a sum of theoretical constructs, but also a certain stage in the development of human consciousness) gives opportunity for a more holistic, and, thus, more harmonious development of personality and society.

Key words: integral approach, post non-classical science, methodology, conscience, holism.

Аннотация: В статье проводится анализ основных характеристик формирующейся в последние десятилетия в разных отраслях знания постнеклассической науки. Делается акцент на интегральном подходе американского исследователя К. Уилбера. Ключевыми характеристиками интегральной парадигмы знания является не только междисциплинарность, но детально продуманные Уилбером методологические основания *целостного* подхода, «карты» в исследовании любого феномена жизни. Показано, какие положительные ресурсы содержит в себе данное направление для различных сфер в жизни общества и индивида. Отстаивается тезис, что интегральная парадигма (будучи не только набором теоретических конструктов, но также определённой стадией в развитии сознания) даёт возможность для более целостного, а значит гармоничного развития личности и общественных институтов.

Ключевые слова: интегральный подход, постнеклассическая наука, методология, сознание, целостность.

Постановка проблемы. Рассматриваемая в статье проблематика имеет социальную насущность, она непосредственно связана с общественными процессами, происходящими в современном мире. Сегодня нельзя не отметить возрастающую взаимосвязь и взаимозависимость феноменов жизни. Неслучайно появились такие термины, как сетевая культура, всемирная «паутина» и др. В культурном плане Восток проникает на Запад, образуя анклавные символы и значений, которые отражают определённый менталитет и тип мышления. Западный тип экономики также проникает на Восток. Глобальными стали одновременно и проблемы: это и угрожающий жизни рост населения (100 млн. человек ежегодно), голод, некачественное питание, бедность, ограниченные ресурсы, ядерная угроза и так далее. Именно они говорят о необходимости если уж не пересмотра, то, по крайней мере, дополнения теории познания.

Всё это говорит о том, что человечество, как и отдельный индивид, балансирует на грани выживания: своими руками мы создали ситуацию, когда

выбор между саморазрушением и позитивной самореализацией будет стоить нам жизни. Здесь, как мне кажется, и назревает необходимость в новом научном видении. Для меня является несомненным тот факт, что существующие типы мировоззрений и научные подходы (в рамках классической парадигмы научного знания) в определённой степени отражали и породили кризис систем и человека в нём. Рождающиеся в последние десятилетия альтернативные классической парадигме способы познания вписаны в контекст реалий сегодняшнего дня; в них содержится много ценных зёрен, которые, как представляется, несут в себе потенциальное решение проблем.

По моему мнению, с помощью холистического, интегрального видения человека как микрокосма в мире, являющемся макрокосмом, с помощью «универсальной ответственности», как сказал Далай-лама в своей Нобелевской лекции, можно решить данный кризис. Согласно, скажем одному из холистических направлений, которым является глубинная экология, существует две фундаментальные причины эволюционного кризиса. Первая

состоит в недостаточной «внутренней» эволюции по сравнению с внешне материальной эволюцией, а вторая – в неспособности понять, что внутреннее развитие человека является сутью эволюционного процесса. Глобальные проблемы – это «порождение нашего индивидуального и коллективного поведения, и их истоки можно в значительной степени проследить до психологических причин – до наших убеждений, жадности, страхов, фантазий, защит, ошибочного восприятия. Мировые проблемы – это глобальные симптомы, состояние мира отражает состояние нашей психики» [3, с. 259]. Юнг был одним из первых, кто смог блестяще доказать данный тезис.

Таким образом, способы познания и интерпретации в науке неотделимы от культурного контекста, как это блестяще показал и М. Малкей в книге «Наука и социология знания» [1]. Тезисом, которого я придерживаюсь вслед за Малкеем, является утверждение, что в «научном знании» (претендующем на абсолютную объективность в традиционной концепции научного знания), «следует видеть лишь часть пронизывающего всё общество сложного движения культурных ресурсов, движения, которое опосредуется и формируется изменяющейся структурой социальных отношений и столкновениями групповых интересов» [1, с. 206]. В физическом мире не существует ничего, что однозначно определяло бы выводы учёных (там же). Как и Малкей, Вебер (хотя и принадлежащий к иной научной школе) в статье «Объективность» социально-научного и социально-политического знания» показывает, что в социальной науке знание никогда не может быть и не является объективным, если понимать объективность как независимость и изолированность от социального контекста и личности субъекта-исследователя [2].

Цель моей работы – понять глубоко взаимосвязанные, переломные процессы, происходящие в течение последних десятилетий – это формирование теории познания, а также определённые стадии в развитии общественного и индивидуального сознания, как и соответствующие глобальные социально-политические изменения современного мира. Задачи статьи – выделить основные особенности формирующейся в последние десятилетия интегральной парадигмы научного знания и её отличия от классической науки; раскрыть сущностное содержание подхода К. Уилбера, который, как представляется, обладает большими ресурсами с методологической и эпистемологической точек зрения. Показать, как интегральная парадигма знания может быть полезна в различных сферах жизни общества и индивида.

Анализ последних исследований и публикаций. Статья преимущественно фокусируется на анализе работ современного американского исследователя Кена Уилбера разрабатывающего интегральный подход в течение последних трёх десятилетий. И если в США он успел за это время основать Инсти-

тут Интегральных Исследований, опубликовать несколько десятков книг и статей, является редактором журнала, то в России его работы практически неизвестны, особенно в сфере философии и социологии, и лишь единичные его исследования переведены на русский язык. Поэтому представляется, что применение его идей в указанных областях знания является в определённом смысле новым шагом в научном исследовании. Подход Уилбера я рассматриваю как часть более широкой области научного знания/мировидения развивающейся также в последние десятилетия – постнеклассической науки, основные принципы которой сформулированы академиком РАН, сотрудником Института философии РАН в Москве В.С. Стёпиным, а также философской школой Томского государственного университета (И.В. Черниковой, В.И. Кабриным и др.). К данному мировидению можно отнести сегодня несколько десятков научных направлений в области различных наук (см. подробнее на с. 6-7).

Основные характеристики классической парадигмы

Для классической парадигмы характерно мышление в рамках оппозиций, где субъект противопоставлен объекту, исследователь исследуемому, материальное идеальному, дух природе и т.д. Методологически, классическая наука восходит к периоду Нового времени, характеризуемому возросшей верой в могущество человека, а именно – в его разум. Именно определение Декартом человека как *homo sapiens* (человека разумного), стало доминирующей истиной. Декартом, Коперником и другими основателями классической западноевропейской науки и философии реальность интерпретировалась как пустое пространство, заполненное материей. Человек исключался из природы, противопоставлялся ей, а природа трактовалась, как обездушенная. В области общественного развития акцент стал делаться на техноэкономическом прогрессе [4].

Также и в социальных науках такие понятия, как социальная система, социальные процессы «создают впечатление пустого социального пространства, отделённого от индивидов». «Структура и процессы мыслились как объекты нашего мышления, включающие людей как статичных фигур, которые могут быть вовлечены во взаимодействие, а могут и нет» [там же]. Такое видение прекрасно прослеживается в трудах таких классиков социологии и философии, как Маркс и Дюркгейм. Так, для Дюркгейма, как известно, в основе предмета социологии лежат «социальные факты», главный признак которых – объективное, независимое от индивида существование и способность оказывать на него воздействие. Это вещи, которые нужно исследовать объективными методами, в рамках *естественнонаучного подхода и позитивизма* [5]. Подлинно научное знание для Дюркгейма не зависимо от его социального контекста.

В области эпистемологии это связано с тем, что значимость изучения биологического и социального человека в целостности, во взаимосвязи с его сознанием, его духовным развитием, была утеряна в течение последних столетий.

Однако, формальное игнорирование духовной составляющей в человеке и в обществе, как это было глубоко и убедительно проанализировано Юнгом, не ведёт к её уничтожению. Вместо этого происходит процесс подавления, образования так называемой «тени» в психике индивида, которая, будучи игнорируемой, даёт о себе знать в деструктивном поведении на уровне личности и общества, проявляясь в форме депрессий, конфликтов, войн, катастроф и пр. И именно здесь я вижу реальную проблему, как и возможность для её разрешения. Для обретения целостности, гармонии необходимо, согласно Юнгу, во-первых, признать существование тени и потом *интегрировать* её в структуру личности/социума, дать возможность для её положительного выражения. В этом и состоит процесс «индивидуации» [6].

Переход к неклассической парадигме и формирование холистических /интегральных подходов

Во второй половине двадцатого века наметился переход к «неклассической» и «постнеклассической» парадигмам, сопровождающиеся соответствующими изменениями в общественном сознании, культуре и других сферах социальной и политической жизни. В области политической культуры можно говорить о начале формирования так называемого постиндустриального общества [7] на Западе, а в структуре сознания стал активизироваться «постконвенциональный», интегральный уровень (согласно исследованию, упоминающему у Уилбера, он характерен для 25% населения) [8].

Итак, если классическая парадигма основывалась на вере во всевластие человеческого разума, принципах рационализма, существовании «объективной» истины, то к концу XX века акцент стал делаться на значимости изучения жизненного мира человека, отказе от мышления в рамках оппозиций, строгости и однозначности понятий. *Человек становится не только объектом познания, но ключевым, исходным пунктом исследования.* Данный подход, т.о., более гуманистичен. В это время также происходит формирование и новой эпистемологии, называемой диалоговой [9] (И.В. Черникова) или «эпистемологией участия» (Макдермот [3]), истоки которой восходят к У. Джеймсу, Рудольфу Штайнеру, Гёте, Эмерсону, Платону и другим.

Считаю важным подчеркнуть, что человек в ней воспринимается как существо биологическое, социальное и духовное (а не только как биологическое или только социальное, или только духовное). В этом и есть сущность интегрального подхода, скажем, К. Уилбера. Хотелось бы отметить, что се-

годня наблюдается отчётливая направленность гуманитариев к *междисциплинарному* подходу, что прослеживается во многих работах различных авторов. Общее между ними то, что они стремятся привлечь различные существующие школы психологии, социологии и пр. Однако, многие из них, как мне кажется, стремятся только к эклектизму, в то время как подходы холистической парадигмы, находят существенно новое основание для интеграции – это, кратко выражаясь, человек «ноэтический». («Нус» (Nous) в древнегреческой философии – это смысловой символ, который полностью перевести в наш культурный контекст можно только синтезом: интуиция – разум – сознание – мудрость – дух. При этом акцентируется не столько рациональная, сколько интуитивная и духовная основа Ноззиса (процесса постижения духовной, божественной сущности человека и Космоса) [10 с. 48]).

К таким подходам можно отнести и продолжателей учения Юнга, и космологию физика Д. Боба, глобальный эволюционизм Янча, синергетический подход, теории Ф. Варела (F. Varela), интегральную модель социальной реальности Дж. Ритцера (G. Ritzer), многомерную социологию Дж. Александера и как минимум десятков других. Нельзя не упомянуть также и течение, называемое глубинной экологией. Особенно стоит отметить и трансперсональную психологию.

Также, на мой взгляд, ключевым отличием интегрального/холистического мировидения являются детально продуманные К. Уилбером основания и принципы, по которым происходит анализ существующих подходов и делается попытка их интеграции (см. рисунки 1, 2).

Некоторые аспекты интегрального подхода Кена Уилбера

Несомненной заслугой Уилбера, Грофа и др. я считаю их серьёзную и очень успешную попытку интегрировать мудрость Востока в корпус современного западного мышления. Интегральный подход признаёт как равноценные и интегрирует все три вида «истины» - истины, являющейся результатом работы не только учёных-эмпириков и философов-логиков, но также и великих моральных и религиозных лидеров. Помимо этого, я считаю особенно важными два аспекта в теории Уилбера – это особое внимание, уделяемое им *трём видам познания* – чувственному, рациональному и «сверхрациональному» или духовному. Каждому из них соответствует три вида *методов* (эмпирические для первого; логическое и символическое мышление для второго; созерцание и медитация для третьего). И если уровень познания исследователя не соответствует уровню исследуемого, то происходит искажение и неадекватность в изучении.

В нём также уделяется внимание попыткам найти положительные стороны и в претендующем на «объективность» позитивизме, и в «субъективистской» феноменологии. Что мне представляется не менее важным отметить, это тот факт, что роль и взаимозависимость материального и чувственного

мира остаётся также равноценно значимой в анализе Уилбера, и это спасает его от крайностей и односторонности идеализма и материализма. Почти с первых шагов человеческого познания теоретики разделялись на два этих, зачастую конфликтующих, подхода. Уилбер делает шаг к их интеграции. Приведённые ниже рисунки являются «картами», в которые можно включать и в другие подходы. «Я» – это сознание, субъективность, самость, самовыражение (включая искусство и эстетику), правдивость, искренность. «МЫ» означает этику, мораль, мировоззрение, общий контекст, культуру; межличностный смысл, взаимное понимание, правильность, справедливость. «ОНО» - это наука и технология, объективная природа, эмпирические формы

(включая мозг и социальные системы), пропозиционный тип истины [8, с. 51].

Одним из ключевых моментов, связанных с приведёнными рисунками, является, по моему мнению, тот факт, что на протяжении времени доминирования *классической* парадигмы в последние столетия подходы, принадлежащие к правой части таблиц (и выделенные курсивом), зачастую *полностью подавляли подходы левой. И, т.о., при изучении феноменов жизни происходил «тонкий редукционизм» (термин Уилбера), где значимость субъективных и интерсубъективных факторов, жизненный мир личности был минимизирован.*

Рис. 1 Рис. 2

<p>ВНУТРЕННЕЕ Левосторонние направления Субъективное</p> <p>И Н Д И В И Правда Д Искренность У Прямота А Степень доверия Л Ь Н О Е</p> <p style="text-align: right;">Я</p>	<p>ВНЕШНЕЕ <i>Правосторонние направления</i> Объективное</p> <p style="text-align: center;"><i>Истина</i> <i>Соответствие</i> <i>Репрезентативность</i> <i>Пропозициональный тип истины</i></p> <p>ОНО</p>
<p>МЫ</p> <p>К О О Л Л Е Справедливость К К Культурное соответствие Т Т Взаимопонимание И В Правота Н Е</p> <p>Межличностное</p>	<p>ОНО</p> <p style="text-align: center;"><i>Функциональное соответствие</i> <i>Паутина теории систем</i> <i>Структурно-функциональное соответствие</i> <i>Сплетение социальных систем</i></p> <p>Межобъективное</p>

<p>ВНУТРЕННЕЕ Толковательное герменевтическое Сознание</p> <p>И Н Д И В И З. Фрейд Д К.Г. Юнг У Ж. Пиаже А Ауробиндо Л Плотин Ь Г. Будда Н Чарльз Тэйлор О Клиффорд Гирц и др. Е</p> <p style="text-align: center;">Интенциональное</p>	<p>ВНЕШНЕЕ <i>Монологические</i> <i>Эмпирические</i> <i>Позитивистские</i> <i>Форма</i></p> <p style="text-align: center;"><i>Б. Ф. Скиннер</i> <i>Джон Уотсон</i> <i>Джон Локк</i> <i>Эмпиризм</i> <i>Бихевиоризм</i> <i>Физика, биология, неврология и пр.</i></p> <p>Поведенческое</p>
<p style="text-align: center;">Культурное К</p> <p>О О Л Томас Кун Л Е Вильгельм Дильтей К Т Жан Гебсер И В Макс Вебер Н О Е Ганс-Георг Гадамер</p>	<p>Социальное</p> <p style="text-align: center;"><i>Теория систем</i> <i>Тэлкотт Парсонс</i> <i>Август Комте</i> <i>Карл Маркс</i> <i>Герхард Ленски</i> <i>Огюст Конт</i> <i>Никлас Лукман и др.</i></p>

И, следовательно, «методология интегральной теории сознания должна развиваться по двум основным направлениям – одно включает в себя одновременное прослеживание различных уровней и линий (см. с.11-13) в каждом из секторов, а затем установление их взаимных корреляций, без попыток их взаимного сведения. Другое направление –

это внутренняя трансформация, внутренняя работа самих исследователей» [8, с. 453].

Помимо стремления интегрировать все четыре спектра, Уилбер уделяет большую значимость некоторым другим аспектам, в частности, понятиям **хололизм** и «холоархия» (термин Артура Кестлера). Последнее - это составное понятие, состоящее из

терминов холон и иерархия. Иерархия здесь понимается как ранжирование порядков или событий в отношении их холистических возможностей (что, как видно, отлично от понимания простого ранжирования или подавления). *Холон* же – это то, что является целым на одной стадии и становится частью объемлющего целого на следующей [3, с. 244]. В данные понятия, таким образом, вложен принцип эволюции, являясь также одним из ключевых. Чем больше целостность субъекта, тем выше он находится в ступени эволюции. Новая стадия обладает всем тем, что являлось важным и ценным на предыдущей, и ещё чем-то сверх того (например, большей интегративностью). Так, и центральное утверждение «Вечной философии» (к которой Уилбер относит Платона, Аристотеля, Гегеля, Ауробиндо, Лейбница, Плотина и других) [8] гласит, что люди могут расти и развиваться, поднимаясь по иерархической лестнице, вплоть до самого Духа, чтобы постичь в нём высшую идентичность с Божеством – и к этому стремится вся эволюция. Явленная реальность – это различные уровни, тянущиеся от низших, наиболее плотных и наименее сознательных, до наивысших, наиболее тонких и сознательных. На одном конце – материя, на другом – «дух», «сверхсознание», и стадии, находящиеся между ними. Развитие холона может принять и патологичные формы (фашизм, канцерохолон и пр.). Эволюционная холоархия является, по мнению Уилбера, общей парадигмой в современном мышлении от физики до биологии, психологии и социологии, допускающей существование материи, тела и разума. Однако большинство исследователей школ приемлют только одно из трёх.

Мне бы хотелось также коснуться вопроса о том, как понимается *парадигма* в интегральном подходе Уилбера. Понятие парадигмы для Уилбера не подразумевает только определённого набора теорий в науке. Это, скорее, образец теоретического мышления, включающий в себя серии новых научных экспериментов. Это также определённый уровень развития всех четырёх составляющих в обсуждаемой выше схеме – в поведенческой, интенциональной, культурной и социальной областях (рис. 1, 2). То есть, для образования новой парадигмы требуется как новое мировоззрение и новые идеи, так и иной техноэкономический базис и иная социальная система. Особую (хотя и не единственную) значимость приобретает именно социально-экономическая область. Согласно Уилберу, мы не можем говорить о новой парадигме, если не произошла смена в нижней правой части схемы (рис. 1, 2).

Именно благодаря тому, что изменения в сознании происходят намного дольше, чем изменения в материально-технической и экономической областях, это может вызвать революции – социальные, политические и пр. Можно также говорить о столкновении парадигм внутри одного общества, так как, по мнению Уилбера, в каждом обществе не

существует единого монолитного технологического способа производства и единого монолитного мировоззрения. Мы всегда видим некий спектр различных «базисов и надстроек». Так, например, в США наравне с существующей информационной и индустриальной стадиями присутствует и аграрная (скажем, фермеры в штате Миннесота).

Как уже упоминалось выше, одно из ключевых понятий в теории Уилбера, холоархия, включает в себя принцип эволюции: благодаря смене парадигм, самопостижению человека и пр. происходит углубление самопознания, приближение к целостности и духу. Кратко и схематично можно выделить некоторые этапы в развитии эмоций, морали, когнитивной области и мировоззрения в индивиде/обществе [8, 11].

Эмоциональная линия: Доконвенциональные эмоции (например, нарциссическая страсть, защитные нужды, импульсивные самоощущения и пр.)

Конвенциональные эмоции (чувство принадлежности)

Постконвенциональные эмоции (глобальная забота, вселенская любовь)

Пост-постконвенциональные эмоции (ананда, трансцендентальная любовь-блаженство).

Моральная линия: Доконвенциональная мораль («правильно то, что я пожелаю»)

Конвенциональная мораль («это моя страна, права она или нет», конформистская самость, потребность в принадлежности, мифическое членство)

Постконвенциональная мораль (всеобщее социальное соглашение)

Пост-постконвенциональная мораль (объекты бодхисаттвы)

Когнитивная линия: Доконвенциональное познание (сенсомоторное, дооперационное)

Конвенциональное познание (конкретные схемы, правила, роли)

Постконвенциональное познание (от формального рационального до постформального зрительно-логического)

Пост-постконвенциональное познание (праджня, гнозис, савикальпа)

Мировоззрения: Доконвенциональное – архаическое, магическое, магически-мифическое

Конвенциональное – мифическое и мифически-рациональное

Постконвенциональное – рациональное и экзистенциальное

Пост-постконвенциональное – шаманское/йогическое, святое, мудрое, недуальное (природный мистицизм, недуальный мистицизм).

«...иными словами – сама духовная линия проходит от доличностной волны (архаические, пищевые, защитные, доконвенциональные интересы) к личностной волне (от принадлежности к конвенциональной заинтересованности до постконвенционального участия), а затем к надличностной волне.

Короче говоря, духовный поток, как бы он ни назывался, проходит через подсознательные, сознательные и сверхсознательные волны» [8, с. 275].

Здесь уместно провести параллель с выводами, сделанными Инглхартом на основе шестилетнего эмпирического исследования, где были опрошены жители более 60 стран, составляющие по численности более 75% населения. Помимо прочих, не менее важных заключений, он разграничивает ценности «традиционных» обществ и тех, которые находятся на стадии постмодернизма [7]. Ценности в большой степени совпадают с описанными Уилбером.

Также, что не менее важно, каждой стадии в развитии мировоззрения соответствует определённый уровень технико-экономического развития системы:

- «фуражной» стадии (подбор падали, охота, собирательство) соответствует архаическая, доконвенциональная и доличностный уровень
- ранней и поздней садоводческой стадии – «магическое», «эгоцентрическое» мировоззрение
- ранней и поздней аграрной – раннее и позднее мифическое, «этноцентрическое»
- индустриальной стадии – «мироцентрический» рационализм
- информационной – «интегрально-аперспективный» или экзистенциальный уровень.

Данные стадии являются асимметричными и **необратимыми**, а также становятся более **целостными** по мере перехода от низшей к более высшим.

На Западе сегодня основные культурные войны связаны не только с конфликтом между традиционными, модернистскими и постмодернистскими ценностями, но также и с техноэкономическими способами производства: фермерством, индустриализацией, и информационным секторами, характеризующиеся соответствующими мировоззрениями - мифическим, рациональным и плюралистическим. В незападном мире основные конфликты происходят между «племенной фуражной» и «мифической аграрной» стадиями с одной стороны, и постмодернистской плюралистической с другой [11] (перевод мой – М.Г.).

Значимость постнеклассической холистической парадигмы. Выводы.

По моему мнению, новая парадигма имеет значимость для переосмысления всех уровней бытия человека: индивидуального, общественно-политического, научного, в области образования и пр. Данный подход/холистическая парадигма является глубоко гуманистичным и демократичным по своей сути, так как ставит в центр исследования человека во всей его целостности – как человека биологического, социального, духовного и пр. Целостность – это один из ключевых составляющих данного мировидения. Её можно понимать как «гармоничное слияние физических, эмоциональных и духовных аспектов благополучия, а также социальную ответственность» [11].

В области *социальной теории* Уилбер (и другие последователи холистической парадигмы) делает попытку разработки стадии *синтеза* двух предыдущих этапов: функционализма и микросоциологии.

Данный подход подразумевает глобальную социальную и культурную ответственность человека, так как человек мыслится в неразрывном единстве с природой, космосом, социальной средой, как микросом в макрокосме, выражаясь терминологией Юнга и мистических традиций. Т.о., говоря о формирующейся *интегральной культуре*, можно было бы понимать её как холистическую, проявляющую заботу, сбалансированную и трансформировавшуюся от традиционного уровня до уровня постмодернизма [11].

На социально-политическом и геополитическом уровнях, по моему мнению, можно было бы выделить три стадии, - а, вернее даже сказать, три тенденции, так как все они существовали и ещё долго будут существовать одновременно: это тенденции ассимиляции, изоляционизма и многополюсности [12]. Если ассимиляция означает потерю индивидуальности и самобытности (личной, культурной, экономической и пр), а тенденция изоляционизма – чаще негативно-отстранённое отношение, то *многополюсность* прежде всего подразумевает уважение и признание «другого»: ценностей других народов, их способа жизни. Первые две тенденции, как мне кажется, связаны с доконвенциональной и конвенциональной линиями развития. В данном случае уместным было бы добавить, что, согласно Всемирному исследованию ценностей Р. Инглхарта (World Values Survey), люди, разделяющие ценности постмодернизма в обществах постиндустриального типа воспринимают различия в образе жизни, вероисповеданиях и пр. как экзотику, вызывающую у них интерес. В то же время, в обществах традиционного типа существует сильная тенденция к одному, доминирующему образу жизни, сильной централизованной власти и пр. [7].

Если холистическая парадигма называется диалоговой, то и принципы многополюсности строятся на принципе диалога. Но он же – самый трудный путь, требующий достаточно высокого уровня развития духовных и интеллектуальных качеств личности/общества. Он означает переориентацию на социотехноприродный симбиоз, на сочетание традиций с уважением к чужим ценностям; отказ от международной экологической эксплуатации и помощь развитых стран, в первую очередь включающую механизмы саморазвития в менее развитых странах; мировую экономическую, политическую, культурную интеграцию. В управлении людьми – это такой взгляд на человека (работника), согласно которому он видится как самый ценный капитал. Недаром сегодня всё большую значимость приобретает такая область практических знаний, как управление человеческими ресурсами.

Также, традиционное рассмотрение сущности духовных феноменов, являющееся неотъемлемой

частью классической парадигмы знания, не способно дать всесторонний и глубокий анализ новых социальных движений и изменений, происходящих сегодня. Холистическая же парадигма позволяет встроить религию (понимаемую в данном случае как духовный рост, особый род переживаний и опыт, связанный со «сверхрациональным» способом познания) в корпус научной теории познания, о чём так мечтал и пытался осуществить ещё П. Сорокин. И только с таких позиций, как мне кажется, будет правомерным изучать все, в особенности духовные феномены жизни, как и те новые социальные и религиозные движения, которые ставят себе целью развитие духовной составляющей и гармонии с окружающим миром. В противном случае возникает конфликт между исследователем и исследуемым, наблюдаемый мной в реальной жизни. Я считаю значимым обращаться к методологии исследования, так как без неё *изучение объекта будет оставаться неадекватным и редуционистским*. Также, именно в контексте конфликтующих «парадигм» (выражающих определённые ценности) я считаю обоснованным рассматривать процесс адаптации и функционирования новых социальных движений. Т.о., их «положительная» или благополучная адаптация будет зависеть от соответствия линий развития по всем четырём составляющим квадрата Уилбера (рис.1,2). В таком случае можно будет говорить об интегрированности данных институтов в общество, об их целостности.

В области образования гораздо больший акцент может быть сделан на воспитании, на обучении различным способам, ведущим к формированию гармонично существующей с собой и с окружающим миром личностью, и такой подход будет соответствовать, по моему мнению, принципу целостности.

Главное - это то, что только такое мировоззрение, (включая научное) которое даёт возможность человеку реализовать свои высшие устремления, является сильнейшим противоядием от тоталитаризма на государственном и саморазрушения на личностном уровнях. Как сказал К.Г. Юнг, признание и внимание к духовной составляющей бытия

человека «создаёт резерв против реальной и неотвратимой силы обстоятельств, перед которыми беззащитен любой человек, живущий только во внешнем мире и не имеющий никакой другой почвы под ногами, кроме тротуара. Если кроме статистической реальности не существует никакой другой, то тогда сила, авторитет и власть тоже существуют в единственном числе» [6, с. 65].

Список литературы:

1. Малкей М. Наука и социология знания. - М.: Прогресс, 1983. - 252 с.
2. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально политического знания//Вебер, М. Избранные произведения: Пер. с нем./ Под ред. Н. Давыдова. - М.: Прогресс, 1983. - 805 с.
3. Пути за пределы эго: Пер. с англ./ Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. - М.: Изд-во Института трансперсональной психологии, 1996. - 318 с.
4. Козлова Н.Н., Смирнова Н. М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социс. - 1995. - № 11. С. 12-22.
5. Философский словарь /Под ред. Фролова И.Т. - М., 2001. - 719 с.
6. Юнг К.Г. Синхроничность. - М.: РЕФЛ-БУК ВАКЛИЕР, 1997. - 315 с.
7. Inglehart, R. Globalization and Postmodern Values // The Washington Quarterly. - 1999. - 23(1). P. 215-228.
8. Уилбер, К. Око Духа. - М.: Изд-во Института трансперсональной психологии, 2002.- 476 с.
9. Черникова И. В. Формирование холистического мировоззрения в ноосферной науке//Психологический универсум образования человека ноэтического: - Сб. статей, Томск: Водолей, 1999. - С. 27-39.
10. Кабрин В.И. Психологический универсум человека ноэтического //Психологический универсум познания человека ноэтического. - Сб. статей, Томск, Водолей, 1999. - С. 47-58.
11. Wilber, K. An Integral Age at the Leading Edge <http://wilber.shambhala.com> (дата посещения - 09.2016).
12. Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. - Новосибирск: НГУ, 1992. - 209 с.

Kavyerina A.S.

postgraduate student,

V. N. Karazin Kharkiv National University

Каверина Алена Сергеевна

аспирант,

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

TRUST IN MASS-MEDIA IN UKRAINE: THE IMPACT OF THE PROBLEMS OF MEDIA INDUSTRY ON THE TRUST-BUILDING PROCESS
ДОВЕРИЕ К СМИ В УКРАИНЕ: ВЛИЯНИЕ ПРОБЛЕМ МЕДИЙНОЙ ОТРАСЛИ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ

Summary: In the recent years the level of trust in mass-media in Ukraine has significantly decreased. The lack trust in mass-media has an impact on the trust in other social institutions. In this case the understanding of main reasons of the loss of trust gets higher actuality.

This paper deals with the research of main criteria and reasons of trust in mass-media and their conformity to realities of Ukrainian media sphere. For solving research issue we've analyzed the primary data of the research, provided by method of in-depth expert interviews.

We have defined that the main reason of decreasing of the level of trust in mass-media consists in the mismatch between the expectations of the trustworthy media and the real state of media sphere. So, the key problems of Ukrainian media space, which included financial problems, dependence on owner or sponsors, legislative issues, uneven access to information, low quality of national journalism in general, etc., negate the trust to mass-media as social institution.

Key words: mass-media, trust, criteria for trust, Ukrainian media space, quality of journalism, media experts.

Аннотация: В последние годы в Украине существенно снизился уровень доверия. Недостаток доверия СМИ оказывает прямое воздействие на уровень доверия другим социальным институтам. В этих условиях понимание основных причин падения уровня доверия приобретает особую актуальность.

Данная статья посвящена изучению основных критериев и причин доверия СМИ и их соответствия реалиям украинской медиасферы. Для решения поставленной задачи мы применили анализ данных авторского исследования, проведенных методом глубинных экспертных интервью.

В результате было выяснено, что основная причина падения уровня доверия СМИ заключается в несоответствии состояния украинской медиасферы ожиданиям аудитории. Таким образом, ключевые проблемы украинской медиасферы, которые включают в себя финансовые проблемы, зависимость СМИ от владельца или спонсоров, законодательные проблемы, неравномерный доступ к информации, низкое качество национальной журналистики в целом и другие, подрывают доверие к СМИ как социальному институту.

Ключевые слова: средства массовой информации, доверие, критерии доверия, украинская медиасфера, качество журналистики, медиа-эксперты.

Постановка проблемы. Проблема доверия к средствам массовой информации всегда представляла определенный интерес для исследователей. Высокие показатели доверия к различным социальным институтам отображают стабильное и эффективное функционирование социальной системы в целом, а средства массовой информации являются мощным инструментом формирования общественного мнения о различных социальных процессах и явлениях. Они выступают одним из основных посредников в процессе формирования доверия к политическим, экономическим, образовательным и другим социальным институтам. При этом, успех выполнения СМИ функции формирования общественного мнения и доверия к другим социальным институтам напрямую зависит от уровня доверия аудитории СМИ как источнику информации. П. Бурдые [1] отмечал, что форма и эффективность влияния СМИ на другие социальные сферы определяется уровнем их независимости от внешнего влияния и наличием относительно высокого кредита

доверия со стороны аудитории. В Украине в последние несколько лет наблюдаются постепенное снижение показателей уровня доверия ко всем социальным институтам, кроме церкви [2]. Сложившаяся ситуация заставляет усомниться в эффективности работы украинских масс-медиа. А резкий спад доверия к СМИ в 2014 году [3] в связи с актуализацией российской пропаганды еще больше обостряет проблему медиадоверия в Украине. Понимание причин подрыва доверия к журналистике как профессии и средствам массовой информации как социальному институту имеет большое значение для разработки соответствующих эффективных решений для укрепления позиций СМИ и журналистской деятельности.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросами доверия к СМИ и медиадоверия в целом занимался ряд исследователей, среди которых Б. Блэбаум, С. Виденбек, К. Воль-Йоргенсен, Р. Геродимос, С. Грицай, У. Даттон, Н. Джакоба, Л. Диксон, Р. Коллинз, С. Корритор, Т. Лукасен,

О. Онилл, Д. Стровский, Э. Шеперд, А. Купрейченко, Л. Змий и другие. В исследованиях проблемы доверия к СМИ выделяются два основных направления. Представители первой группы склонны приписывать СМИ наличие кредита доверия аудитории, полагая, что информация из официальных СМИ априори воспринимается как достоверная и достойная доверия. Б. Блэбаум рассматривает процесс формирования доверия к СМИ как неотъемлемую часть процесса социализации личности. В данном контексте доверие к СМИ во многом определяется опытом взаимодействия со СМИ предыдущих поколений и репутацией самого источника информации [4]. Л. Диксон также отмечает, что в современном обществе наблюдается чрезмерное полагание на информацию из СМИ и низкий уровень критического анализа медийной информации [5]. Между тем, ряд исследователей, среди которых К. Воль-Йоргенсен, Р. Геродимос, Т. Лукасен и другие не столь однозначны в оценках уровня доверия СМИ. Например, Р. Геродимос отмечает, что журналистика находится в кризисе, который проявляется в утрате надежности профессии [6, с. 21-24]. К. Воль-Йоргенсен подчеркивает взаимосвязь уровня доверия СМИ с их независимостью. По ее мнению, чрезмерное вмешательство в работу СМИ со стороны владельцев или государства негативно сказывается на доверии к СМИ, журналистике как профессии и медиасфере в целом [6, с. 5-6].

Отметим, что более полно анализ проблемы доверия к СМИ представлен в работах зарубежных авторов. В украинском научном пространстве проблема медиадверия разрабатывается преимущественно смежными дисциплинами, такими как социальная психология, журналистика и т.д. Тогда как в социологическом дискурсе проблеме доверия к СМИ и его взаимосвязи с проблемами и тенденциями украинского медиапространства уделяется недостаточно внимания.

Цель данного исследования заключается в выявлении ключевых причин падения уровня доверия к СМИ. Для ее достижения были изучены основные критерии доверия и осуществлен анализ состояния украинской медиасферы (на основе оценок медиаэкспертов) и ее соответствия запросам аудитории.

Методы исследования. Эмпирическим материалом исследования послужили данные глубинных экспертных интервью с представителями медиасферы, проведенные автором с января по март 2015 года. Для отбора респондентов применялся метод простого случайного отбора среди представителей медийной отрасли, а именно журналистов, редакторов, блоггеров, репортеров, телеведущих и т.д. Отобранные респонденты имели опыт работы в журналистике от трех до сорока лет и одной из главных их особенностей было наличие опыта работы, как в традиционных, так и Интернет-СМИ. Количество интервью было определено достижением теоретической насыщенности информации и

увеличением количества повторов ответов респондентов и составило $n=35$. Для достижения цели исследования при анализе экспертных интервью мы использовали такие методы, как причинно-следственный анализ, индуктивный метод и метод плотного описания данных.

Изложение основного материала. С помощью индуктивного анализа данных глубинных экспертных интервью были выделены следующие группы критериев доверия к СМИ:

- «достоверность информации»,
- «баланс мнений»,
- «авторитет журналиста»,
- «соблюдение журналистских стандартов»,
- «наличие экспертного мнения»,
- «независимость средства массовой информации»,
- «авторитет времени»,
- «личностные предпочтения».

В первую группу вошли такие критерии как проверка информации, правдивость СМИ, уровень достоверности, отказ от джинсы, надежность источника информации, присутствие журналиста на месте событий и аудио-визуальное подтверждение информации. Во вторую по количеству упоминаний группу «баланс мнений» вошли следующие критерии: сбалансированная подача нескольких точек зрения, использование нескольких источников информации, полнота точек зрения (наличие противоположных мнений), подача информации под разным углом для разной групп аудитории. Еще одним критерием доверия к информации, который дополняет группу «баланса мнений» является «наличие экспертного мнения». Но наличие экспертной оценке обуславливается в большей степени жанром журналистского материала и не является обязательным. Следующая группа «авторитет журналиста» включает в себя ряд требований к профессиональным и личностным характеристикам журналиста, представителя медиаотрасли. Сюда относятся репутация журналиста, его непредвзятость, постоянство взглядов, а также грамотность, интересный стиль изложения информации. Одним из обязательных условий высокого уровня доверия к СМИ является «соблюдение журналистских стандартов», среди которых особое внимание уделяется именно объективности информации. «Независимость СМИ» подразумевает незаангажированность средства массовой информации, соблюдение нейтралитета в изложении информации, отсутствие скрытой рекламы и джинсы, а также отсутствие вмешательства со стороны владельца СМИ или спонсоров. Кроме этого на процесс формирования доверия к СМИ влияют такие факторы, как история существования СМИ или, как отметили эксперты, «авторитет времени», а также опыт личного взаимодействия с определенным источником информации и личностные предпочтения (доступность излагаемой информации, интерес к представленным в СМИ тематикам и рубрикам и т.д.).

Соответствие СМИ названным критериям способно обеспечить высокий уровень доверия аудитории. Между тем, в Украине уровень доверия к СМИ продолжает падать. По мнению опрошенных экспертов основная причина падения уровня доверия к СМИ заключается в качестве украинской журналистики и особенностях функционирования украинской медиасферы в целом. Данное предположение подтверждается оценками журналистов состояния украинской медиасферы, которое характеризуется рядом финансовых, законодательных, этических и других проблем, которые усугубились ситуацией конфликта в Украине и актуализацией пропаганды со стороны России.

На основе внутренней оценки состояния украинской медиасферы ее участниками были выделены наиболее актуальные группы проблем украинских СМИ:

- финансовые проблемы,
- низкое качество журналистики,
- зависимость СМИ от владельца,
- законодательные проблемы,
- кадровые проблемы,
- неравномерный доступ к информации,
- наличие фейковых СМИ,
- джинсва.

Наиболее актуальной по количеству упоминаемых является группа «финансовых проблем», которая охватывает проблемы низкой заработной платы в отрасли, отсутствие финансирования, увеличение цен на издательские материалы, бедный рынок рекламы, убыточность украинских СМИ, отсутствие успешных медийных бизнес-проектов, бесплатный онлайн контент. Финансовые проблемы отрасли влекут за собой проблему «зависимости средств массовой информации». Отсутствие достаточного финансирования вынуждает медийные проекты обращаться за финансовой помощью к инвесторам, которые, в свою очередь, могут впоследствии вмешиваться в работу СМИ и оказывать влияние на форму подачи информационных материалов. В данном контексте актуальность приобретает вопрос цензуры. При чем цензурирование материалов осуществляется не государством, а владельцем СМИ.

Финансовые проблемы, связанные с низким уровнем заработных плат в данной отрасли оказывают влияние и на профессионализм кадров, и на качество журналистики и работы СМИ в целом. К группе «кадровых проблем» относятся низкий уровень профессионализма, отток профессиональных кадров в зарубежные СМИ, сокращение штата редакций, слабое профессиональное сообщество, отсутствие притока талантливых кадров, слабая школа профессиональной журналистики.

Еще одной проблемой, связанной с недостатком финансирования медиаотрасли, является «джинса», то есть «распространение проплаченного материала или намеренно скрытой рекламы» [7, с. 83]. Сильное обострение данной проблемы

наблюдается в период предвыборных кампаний и связано в основном с политической рекламой.

Другая обширная группа проблем связана с законодательной и правовой сферой. Законодательные проблемы украинской медиасферы касаются как законодательного сопровождения работы журналистов, так и функционирования СМИ и реакции органов власти на информацию в них. В данную группу нами были включены такие альтернативы, как отсутствие понятия интернет-СМИ в законодательстве, отсутствие регистрации сетевых СМИ, отсутствие ответственности журналиста за свои действия и в то же время законодательная незащищенность журналистов, незнание обществом норм и законов об информации, незащищенность авторских прав. Также к законодательным проблемам относится узкое определение профессии журналиста, которое не предполагает сопровождения работы журналистов-фрилансеров или блоггеров. По мнению журналистов, отсутствие законодательного оформления интернет-СМИ и, соответственно, отсутствие фактической ответственности журналиста или другого лица за распространенную среди массовой аудитории информацию, порождает распространение фейковых новостей и даже создание сетевых фейковых СМИ.

Выводы. Как видим, на современном медиарынке сложилась ситуация, когда реальное состояние медиаотрасли идет в разрез с условиями формирования доверительных отношений между СМИ и аудиторией. Группы проблем, рассмотренные выше, соприкасаются практически со всеми критериями доверия к СМИ. Так достоверность информации, объективность, баланс мнений и следование журналистским стандартам, которые в соответствии с запросами аудитории необходимы для формирования доверия, нивелируются низким качеством журналистики и работы СМИ в целом, большими объемами джинсы в СМИ и попытками цензурирования информации владельцами СМИ.

Независимость СМИ, в свою очередь, представляется недостижимой через убыточность украинских медийных проектов и дотационный принцип работы средств массовой информации. Наличие экспертного мнения также не распространенное явление украинской журналистике, поскольку в современном медиaprостранстве преобладают факты и оперативность. Зачастую новостийный формат подачи информации предпочитается аналитическим материалам. Критерий авторитета времени существования СМИ также остается недостижимым в силу «молодости» украинской журналистики и отсутствием стабильности на национальном медиарынке из-за зависимости медиасферы от государственной власти и изменений в государственном аппарате.

Исходя из вышесказанного, мы видим, что доверие к СМИ в Украине формируется в основном на межличностном уровне и основывается на личном доверии определенному журналисту, на его авторитете, а также на личностных предпочтениях.

Анализ ряда критериев доверия и состояния украинской медиасферы показал, что практически каждый параметр из списка критериев доверия определяется медиа-экспертами как проблемная область.

Подводя итог, отметим, что низкий уровень доверия к СМИ обусловлен несоответствием критериев медиадобора и потребностей аудитории реальному состоянию журналистики и медиаотрасли в Украине в целом. Таким образом, для повышения

уровня доверия к СМИ и, как следствие, нормализации баланса доверия к другим социальным институтам, необходимо сосредоточиться на устранении проблем в медиасфере. Результаты данного исследования можно использовать для разработки стратегии повышения качества профессиональной журналистики, формирования условий для притока новых кадров, что приведет к стабилизации уровня медиадобора.

Список литературы:

1. Бурдые П. Власть Журналистики / О телевидении и журналистике // Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; Отв. ред., предисл. Н. Шматко. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
2. Довіра українців до соціальних інституцій: результати дослідження КМІС, 2012 [Електронний ре-сурс]. – Режим доступу: <http://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=81>
3. Українське суспільство 1992-2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. д.ек.н. В.Ворони, д.соц.н. М.Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2013. - 566 с.
4. Blöbaum B. Trust and Journalism in a Digital Environment/ Reuters Institute for the Study of Journalism (RISJ) Working Papers, 2014 [on-line]. Available: http://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/Trust%20and%20Journalism%20in%20a%20Digital%20Environment_0.pdf
5. Dixon L. A. Public Trust in Mass Media: Thesis, 2007 <http://digitalcommons.wku.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1397&context=theses>
6. Journalism and Public Trust/ An NUJ Ethics Coincil Conference in association with MediaWise, 4 December, 2004. – pp. 5-6. Available: <http://www.mediawise.org.uk/public-trust/>
7. Сайчук А. Що таке «джинса» і з чим її їдять? // Політична журналістика [види журналістики за проблематикою] – К.: Інститут журналістики, 2013. – 93 с. – Режим доступу: <http://journalib.univ.kiev.ua/Method/polj.pdf>

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Прушковська І.В.

*доктор філологічних наук, доцент кафедри тюркології,
Київський національний університет імені Тараса Шевченка*

Prushkovska I.V.

*doctor of philology, associate professor of Turkology,
Taras Shevchenko National University of Kyiv*

ШЕКСПІРІВСЬКИЙ ІДЕАРИУМ У ТУРЕЦЬКІЙ КУЛЬТУРІ SHAKESPEARES IDEARIUM IN TURKISH CULTURE

Анотація: У статті досліджено шляхи «входження» шекспірового слова до турецької культури і літератури зокрема. З'ясовано, що етап знайомства турецького суспільства з англійським драматургом у першу чергу відбувся завдяки діяльності перекладачів. Виявлено, що послаблення політичних утисків і активна європеїзація турецького суспільства сприяли створенню театральних спілок і театрів, завдяки яким було представлено Шекспіра на турецькій сцені. Поява в Османській державі на початку ХХ ст. поодиноких праць, поетичних творів, присвячених великому драматургу, підтверджує факт про те, що постать Шекспіра поступово знаходить відгомін у турецького суспільства. Проведене дослідження дозволяє стверджувати, що шекспірівський ідеаріум має важливу ідейну, формуючу, естетичну функції в турецькій культурі.

Ключові слова: Шекспір, турецька література, переклад, театр, культура.

Summary: This article explores ways "entry" Shakespeare words to the Turkish culture and literature in particular. It was found that dating phase of Turkish society with an English playwright primarily took place thanks to the translators. Revealed that the weakening of political oppression and active Europeanization of Turkish society contributed to the creation of theatrical unions and theaters that make Shakespeare was represented on the Turkish scene. The emergence of the Ottoman state in the early twentieth century individual works of poetry dedicated to the great playwright, confirms that the figure of Shakespeare gradually finds an echo in Turkish society. The study suggests that Shakespeare idearium has an important ideological forming, aesthetic function in Turkish culture.

Keywords: Shakespeare, Turkish literature, translation, theater, culture.

Творчості Шекспіра притаманний «дивовижний ореол нерозгаданої таємниці та магічної привабливості» [13], попри величезну кількість наукових розвідок, театральних інтерпретацій, наслідувань, стилізацій, адаптацій. Розгляду Шекспірівського ідеаріуму у турецькій культурі сприяла унікальна спроможність творчості Барда народжувати інтерпретації нових культурних сенсів у нових часопросторових координатах.

Шекспірове слово увійшло до турецької культури і літератури зокрема разом із становленням турецької авторської драми європейського зразка (після 1859 р.), із формуванням таких нових для турецької драматургії жанрів, як комедія (Алі Хайдар Бей (1836-1914) «Незалежний гість», «Балакучий перукар», «Краса» і трагедія (Намик Кемаль (1840-1888) «Батьківщина або Сілістра», «Чорна біда»), що моделювалися за жанровими кліше західноєвропейської драми.

Етап знайомства турецького суспільства з англійським драматургом відбувався у першу чергу завдяки активній діяльності перекладачів. Враховуючи потужний вплив Великої французької революції (1789-1799) на османський політичний і насамперед культурний устрій, популярність французької мови і літератури в Османській державі, варто зазначити, що першим твором Шекспіра, який

увійшов у турецьку драматургію, був «Отелло», перекладений з французької (1870-ті) османською мовою Хасаном Бедредіном Пашою і Манастирли Мегметом Рифатом. Згодом з'явилися три частини «Гамлета» у перекладі з французької Мегмета Надіра Бея, математика за освітою. Згодом Надір Бей представив турецькому читачеві сорок два сонети Шекспіра (1887-1888). За певних політичних умов творчість Шекспіра не мала поширення на території Османської держави на перших етапах культурних реформ (від 1839 р.). Як стверджують історичні джерела, османський правитель Абдульазіз (1830-1876) переймався цілісністю країни, тому будь-які спроби зруйнувати цю єдність каралися ним досить жорстоко. У часи його правління негативно сприймалися переклади шекспірівських драм, у яких йшлося про вбивство членів сім'ї правителя через жадобу до влади [3, с. 171].

Із приходом до влади Абдюльхаміда II (1876-1909) ситуація із розвитком нової драматургії дедалі погіршувалася. Літературні твори підпадали під сувору цензуру, акторів кидали до в'язниць, за наказом султана закривали і спалювали театри [2, с. 27]. Але, незважаючи на політичні утиски, турецька авторська драма, хоч і повільно, але торувала свої шляхи.

Так, у 1884-1887 рр. виходять друком переклади османського вченого, Орікагасизаде Хасана

Сирри Бея, драм Шекспіра «Венеціанський купець» і «Комедія помилок». Державний службовець Міхран Бояджиян переклав у 1886 р. драми «Ромео і Джульєтта», «Два веронці» і того ж року опублікував окремих виданнях у видавництві Джівелек'ян. 1912 р. вийшла друком трагедія «Отелло» (видавництво Манзумеі Ефкар) у перекладі з англійської М. Бояджи, хоча сам переклад було завершено ще у 1896, але дозволу на публікацію не було [4, с. 38]. Над адаптацією для турецької сцени творів Шекспіра й Гюго активно працював Абдульхак Хаміт Тархан (1852-1937): «Ешбер», «Ільхан», «Чутлива дівчина» [3, с. 173].

Політик, медик, громадський діяч, активний революціонер Абдуллах Джевет (1869-1932) у 1908-1910 рр. активно перекладає Шекспіра («Юлій Цезар», «Гамлет», «Макбет», «Ромео і Джульєтта»). Захоплення А. Джевета творчістю Шекспіра розпочалося ще у медичному коледжі. 1884 р. він написав вірш, в якому яскраво відображені емоції автора від прочитання Шекспірівських драм [4, с. 40]. Турецька дослідниця Севда Айлучтархан стверджує, що зацікавлення А. Джевета англійською літературою не є простою випадковістю [4, с. 42]. На її думку, він вважав англійців вищою расою, і все, що стосувалося англо-саксонців, було для нього у пріоритеті. Цим він різко відрізнявся від своїх сучасників, адже наприкінці XIX ст. в османському суспільстві «пальму першості» посідала французька культура і література зокрема (з 1860 – до 1896 рр. з французької мови було перекладено 79 драм, тоді як з англійської лише 8) [8, с. 29]. Я співрозмовник і член таємної спілки, яка боролася проти панівної ідеології султана, А. Джевет випробовував різні шляхи антисултанівського руху, зокрема й літературно-перекладацькі. При перекладі драм Шекспіра А. Джевет у першу чергу керувався бажанням донести до османців європейські цінності і виступити проти султанату, аніж прагненням створити перекладацький шедевр. Можливо саме це пояснює той факт, що серед тогочасних фахівців-літераторів переклади А. Джевета сприймалися неоднозначно. Так, у спогадах відомого літератора Сюлеймана Назіфа натрапляємо на гостру критику перекладів А. Джевета: «Нафізе, мене дуже лякає, що я можу померти, так і не доперекладавши Шекспіра», - звертається А. Джевет до товариша. «Я навпаки боюся, що ти помреш вже після того, як доперекладаєш його всього. Усі вважають творчість Шекспіра невмирущою, а ти своїми перекладами робиш їх мертвими» [14].

Неабияку роль у знайомстві османців із творчістю Шекспіра зіграв переклад турецькою праці Віктора Гюго «Вільям Шекспір». На думку турецької дослідниці Інджі Енгінюн ця книга мала навіть більший вплив, аніж поодинокі переклади з французької творів Шекспіра [8, с. 11].

Послаблення політичних утисків і активна європеїзація турецького суспільства сприяли створенню театральних спілок і театрів. Нарешті з'явилася нагода представити Шекспіра на турецькій

сцені. Так, у 1912 р. відомий турецький режисер, актор Мухсін Ертугрул на сцені місцевого турецького театру презентує глядачам п'єсу Шекспіра «Гамлет» у власному перекладі й виконанні головної ролі.

1914 р. було засновано навчальний заклад «Дарюльбедаї», який згодом перейменували на «Стамбульський місцевий театр». Мета закладу – навчати театральному мистецтву та представляти твори як турецьких, так і європейських авторів широкому колу глядачів [7, с. 235]. Каміль Риза – один з перших студентів «Дарюльбедаї» об'їздив із своєю трупною майже всю Анатолію із спектаклем «Помста араба» за мотивами п'єси Шекспіра «Отелло». Каміль Риза навіть узяв собі псевдонім за ім'ям персонажа, якого багато разів представляв на сцені – Отелло Каміль.

Припускаємо, що функціонування перекладених творів Шекспіра у художній свідомості турків було гармонійним, адже використання алегорій, яскравих метафор в англійському тексті дуже нагадували мову поетів індійського стилю, близьку туркам. Адже найголовнішими ознаками індійського стилю є вишуканість і витонченість метафори, оригінальні порівняння, манірність, складна симетрія образів, фантастичність як мистецький прийом, нові значення й трактування життєвих реалій, уподібнення, натяк, символи [1, с. 34-37].

На користь твердження про те, що постать Шекспіра поступово знаходить відгомін у турецького суспільства у першій половині XX ст., слугує факт появи поодиноких праць, поетичних творів, присвячених великому драматургу. 1921 р. з-під пера відомого турецького поета Тевфіка Колайли (Нейзен Тевфік) (1879-1953) з'являється вірш «Шекспір»:

*Şekispir'in bütün asarına değil, birine
Feda imiş Britanya o hikmet eferine.
Ne muhteşem, ne derin bir mehabet-i takdir,
Yeter bu İngiliz'in ilme aşkını tasvir.
Revân eder acı sözlerle tayf-ı hikmetini,
Bu serzeniş ile sezmiş vatan muhabbetini
Britanya sхиляється перед творчістю
Цього віця знань.
Яка чудова похвала,
яка любов англійців до науки
І тане у глибині часу
Ця смута і любов до батьківщини*

1934 р. Дженап Шахабеттин друкує книгу «Вільям Шекспір», у якій вперше турецькою мовою представлено біографію, життєвий та творчий шлях Шекспіра [14]. За представлення Шекспіра турецькому читачеві/глядачеві беруться відомі турецькі літератори: Халіде Едіп Адивар, Сабахаттин Еюбоглу, Улькю Тамер, Джан Юджель, Міна Урган, Берна Моран, Талат Саїт Халман.

У 60-70-ті рр. XX ст. в Туреччині спостерігається спад зацікавленості творчістю Шекспіра через оновлення національної моделі драми, радикальне переосмислення традиційних культурних цінностей і вагомості національної ідентичності. На часі – ідеї епічного театру Б. Брехта.

Вересневі події 1980 р. (військовий переворот в Туреччині) стають відправною точкою політичних і культурних змін, що спровокували набуття літературою «заблокованого характеру». У 80 – 90-ті рр. ХХ ст. турецька література й драматургія зокрема переживає «тематичну» кризу, зумовлену політичними та економічними проблемами. Цензура, репресії, заборони поширювалися не лише на політичну сферу, а й на культурну. Влада обмежувала будь-які вияви свободи мислення, тому ввела заборону на твори багатьох письменників і навіть намагалася викреслити з ужитку такі лексеми, як «революція», «нація», «організація/спілка» тощо [15]. 12 вересня називають «найкривавішим періодом у житті республіки», коли були спроби «повністю перекроїти турецьке суспільство» шляхом тортур, репресій, утисків, гучних судових справ [12, с. 430].

Складні політичні умови витіснили драматичні твори, у яких порушувались важливі соціальні питання, закривалися театри, звільняли акторів і керівників театрів. В атмосфері постійних заборон і перешкод митці втрачали можливість творити. Лише приватні театри утримували позиції, але й вони, враховуючи значні матеріальні збитки, надавали перевагу п'єсам одного актора. Театри втрачали глядачів, які поступово переключалися на телевізійні програми [11, с. 223]. Політичного клімату сприяв зростання інтересу до світової драматургії: В. Шекспір («Король Лір», «Гамлет»), К. Гольдоні («Слуга двох панів»), М. Гоголь («Ревізор»), Е. Йонеско («Король умирає»). У цей час автори п'єс намагаються художньо осмислити сучасну ситуацію, вдаючись до мови алюзій, активізується історична та історико-біографічна драма, виробляються міфологічні стратегії.

Така різка зміна репертуарного вектора, з одного боку, демонструвала «втечу» драматургів від реальних подій у світ алюзій, зумовлену неможливістю відверто висловити свою думку щодо політичної ситуації в республіці, з другого боку, такий стан сприяв розширенню театрального репертуару, збільшенню кількості перекладів турецькою мовою світових шедеврів, можливості вкотре перейняти досвід відомих драматургів.

Окрім сценічних адаптацій творів Шекспіра чи не вперше доробок Великого Барда починає функціонувати у турецькій літературі як інтертекст. Так, відомий турецький драматург Більгесу Еренус (1943) у п'єсі «Радощі болю» (1991) розробляє одну з традиційних тем світової літератури – тему «людина на переломі історії», її самоідентифікації, морального вибору – і свідомо апелює до Шекспірового досвіду художнього осмислення цієї проблеми. За основу сюжету взято події 12 вересня 1980 р. та їх вплив на долю чотирьох молодиків. Чи не вперше в історії турецької драматургії у цьому творі репрезентовано розгалужений сюжет: паралельно розвиваються кілька сюжетних ліній, пов'язаних із долею кожного з персонажів, які водночас мають точки перетину. Зачин п'єси формує інтрига

навколо фотографії трьох юнаків. Усі троє – за демократизацію суспільства, за зміну політичних установах. Позиція четвертого, який знімає на плівку, невідома. Це теж один з нових прийомів, введених Б. Еренусом: інтрига, яку не розкрито до кінця п'єси. Образи історичного часу умовно поділяють твір на дві частини: до військового перевороту і після. Це дає можливість вмонтувати у твір елементи детективу: дівчина, яка знаходить фотокартку, намагається дізнатися, що сталося із тими молодими людьми, як склалося їхнє життя. Розв'язка кожної з сюжетних ліній драматична, адже військові події в Туреччині назавжди змінили долі людей. Перший юнак перетворюється в антигероя, ставши після відомих подій багатієм, що ладний за «зелені» продати душу. Другий перерізає собі вени, не витримавши знущань у в'язниці, а третій призвичаюється до алкоголю, усвідомивши, що всі його намагання випускати революційний журнал зійшли нанівець. Щоб створити певне послання молодому поколінню й «пом'якшити» трагічний фінал, автор розробляє оптимістичний варіант: дівчина намагається повернути мрії і сподівання третьому з юнаків, вважаючи, що легше вилікувати хвору на алкоголізм душу, ніж змусити багатія повернути собі совість. П'єса не лише сучасна за змістом, а й акцентовано національна, її сюжет пов'язаний із ключовим моментом турецької історії.

У «Радощах болю» Б. Еренус пропонує кілька ймовірних поведінкових моделей (пасивність, агресія) в умовах політичної кризи і при цьому творить символічний образ дівчини як вищого судді з майбутнього, збагачуючись життєвою мудрістю Шекспіра. Але ця дівчина – туркеня, яка є свідком військового перевороту в Туреччині 1980 р. і яка прагне допомогти представникам своєї нації вистояти на шляху руйнації цінностей.

П'єса «Антоніус, Клеопатра» Орхана Гюнера (1992) – алюзія трагедії «Антоній і Клеопатра» Шекспіра. Антоній О. Гюнера – великий завойовник, до нестями закоханий у Клеопатру, який володіє принаймні двома західними мовами – французькою й англійською. Деяко іронічний образ «героїчного» полководця формують широко відомі комунікативні кліше обома мовами:

Клеопатра: Починай ти.

Антоніус: Ні, прошу.

Клеопатра: Я прошу.

Антоніус: Ladies first! [10, с. 90].

І Антоніус, і Клеопатра, і навіть Цезар, незважаючи на впізнавані імена, є масками, за якими ховаються образи сучасників. Так, Цезар піклується про стан сучасного турецького театру, драматургії, намагаючись переконати інших у важливості зберегти високий рівень: «Цезар: Стривайте, ви не можете вбити глядача. Думаєте, легко сьогодні виховувати справжніх поціновувачів мистецтва? Це ж такі примхливі люди, які всюди можуть насолодитися чимось цікавеньким: і в супермаркетах, і на стадіонах, і по телевізору» [10, с. 92]. П'єсу Орхана

Гюнера можна схарактеризувати як постмодерністську гру в трагедію, у якій немає чітко визначеного конфлікту, гостроти, глибокого філософського змісту.

Неджаті Джумали у п'єсі «Батьківщино, батьківщино» (1990) вводить у репліки персонажів фрагменти світового інтертексту, зокрема алюзію на шекспірівську трагедію, унаочнюючи таким чином літературну атмосферу зображеної доби, розширюючи часові межі сприйняття явищ турецької драматургії:

Кемаль (До Меліка): Як ти? Чому на порозі стоїш, не проходиш?

Ей, Меліку, Меліку

Чому кишені діряві?

(Сміється) Чи краще так:

Ей, Меліку, Меліку,

Хто збив тебе з пантелику? [6, с. 636]

У передмовях до більшості своїх творів відомий турецький драматург М. Байдур (1951-2001) висловлює подяку і турецьким митцям, і представникам світової культури, зокрема Шекспіру, окреслюючи в такий спосіб власну лектуру й зазначаючи, що без знайомства із їхніми творами його п'єс могло б і не бути: «Висловлюю ширю подяку Емо, Сутату Нафізу, Огузу Атаю, Небі, Нафі, Ніцше, Карлу Орфу, Ван Гогу, Омеру Киршану, Сервантесу, Орхану Велі, Метіну Анду, Азізу Несіну, Шекспіру, Чарлі Паркеру. Якби не їхні надбання, не було б і п'єси «Лимон» [5, с. 12].

Турецька дослідниця Зейнеп Авджи у статті «Від Шекспіра до Shakespeare: анатолійські пригоди майстра слова» (2014) наводить цікаві факти, пов'язані із функціонуванням творчості Шекспіра у турецькому драматургічному і телевізійному просторах: Айла Алган – одна з небагатьох актрис, яка

зіграла Гамлета. Так, з 1962 по 1965 рр. у Стамбульському місцевому театрі під режисурою Мухсіна Ертугрула вона грала і Гамлета, і Офелію [14]. 1976 р. на телеекранах з'являється фільм режисера Метіна Ерксана «Жінка Гамлет або янгол помсти», головну роль в якому виконала Фатьма Гірік. Фільм отримав визнання як на батьківщині, так і за кордоном завдяки участі у міжнародних кіноматографічних фестивалях [14].

1998 р. в Ізмірському місцевому театрі вперше презентували повнотекстового «Гамлета». Під режисурою Ишила Касапоглу п'єса тривала близько семи годин [14]. Бюлент Емін Ярар – єдиний турецький актор, який зіграв усі ролі з «Гамлета» в одній виставі (2003 р., Стамбульський Державний театр) [14]. 2013 р. режисером Гюльшах Оздемір Коркюрек було представлено широкому загалу короткометражний документальний фільм «Бути Шекспіром у Туреччині», який починається символічною фразою: «Бути чи не бути?» [14].

Сьогодні творчість Шекспіра міцно увійшла й до наукового дискурсу турецького соціуму. Існують розвідки літературного доробку Шекспіра з літератури (О. Есеменлі, Х. Язиджи, М.Х. Чалишкан, А. Дагистанли, Ч. Пантер), перекладознавства (Н. Деміркол, М.М. Сарма, Н. Ічоз), компаративістики (М.А. Озтюрк), психології (Ф. Г. Артукоглу, М. Коч).

Вкотре переконаємося, що Бард з Ейвона – творець на «всі часи» (Б. Джонсон) і всі народи. Шекспірівський ідеаріум має важливу ідейну, формуючу, естетичну функції в турецькій культурі. Завдяки численним перекладам і представленим на турецькій сцені творчості великого англійського драматурга турецька авторська драма має у своїй основі міцну «цеглину» англійської культури.

Література:

1. Прушковська І.В. «Краса і Любов» Шейха Галіба (до проблеми індійського стилю у турецькій літературі) [Монографія] / Ірина Прушковська. – К.: Четверта хвиля, 2008. – 256 с.
2. Aldağ Z. Ş. Türk tiyatrosunda Kurtuluş savaşı / Zeynep Şebnem Aldağ. – İstanbul: 3F yayınları, 2008. – 400 s.
3. And M. Osmanlı tiyatrosu kuruluşu gelişimine katkısı / Metin And. – Ankara: Ankara üniversitesi yayınları, 1976. – 280 s.
4. Ayluçtarhan S. Dr. Abdullah Cevdet's translat'ons (1908-1910): The making of a westernist and materialist «culture repertoire» in a resistant ottoman context: Thesis master of arts in translation studies / Sevda Ayluçtarhan. – İstanbul: Bogaziçi University, 2007. – 248 s.
5. Baydur M. Tiyatro oyunları / Memet Baydur. – İstanbul: İletişim yayınları, 2009. – 869 s.
6. Cumalı N. Bütün oyunları 2 / Necati Cumalı. – İstanbul: Cumhuriyet kitapları, 2004. – 1085 s.
7. Çeşitli İ. II. Meşrutiyet dönemi Türk edebiyatı / İ. Çeşitli. – Ankara: Akçağ, 2007. – 639 s.
8. Enginün İ. Tanzimat devrinde Shakespeare: Tercümelere ve tesiri / İnci Enginün. – İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi yayınları, 1979. – 326 s.
9. Erenus B. Acılar şenliği / Bilgesu Erenus. - İstanbul: Akış yayıncılık, 1991. – 79 s.
10. Güner O. Toplu oyunları 1. / Orhan Güner. – İstanbul: Mitoş boyut yayınları, 1996. – 95 s.
11. Şener S. Cumhuriyet'in 75 yılında Türk tiyatrosu / Sevda Şener. – Ankara: Türkiye iş bankası kültür yayınları, 1998 – 331 s.
12. Türkes A. Ö. Darbeler; Sözü Bittiği Zamanlar / A.Ö. Türkes // Hece Hayat, Edebiyat, Siyaset. – 2004. – Özel Sayısı: S. 90/91/92. – İstanbul, 2004. – s. 426-434.
13. Торкут Н.М. Шекспірознавчий дискурс ХХ століття: специфіка і тенденції / Н.М. Торкут // Український шекспірівський портал. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://shakespeare.zp.ua/texts.item>.

14. Avcı Z. Şekspir'den Shakespeare'e: Üstadın Anadolu macerası / Zeynep Avcı // BBC Türkçe, 7 Mayıs 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/turkce/haberler/2014/05/140507_shakespeare_anadolu_zeynep_avci
15. 12 Eylül ve Edebiyat [Электронный ресурс] // 12.09.2009. – Режим доступа: <http://www.sabitfikir.com/dosyalar/12-eyul-ve-edebiyat> – Назва з екрана.

Сухарева Ксения Андреевна

ННГУ, кафедра современного русского языка и общего языкознания

Sukhareva Kseniya Andreevna

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, academic department of the modern Russian and general linguistics

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ МОТИВОВ В ТОВАРНЫХ ЗНАКАХ, РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ И ТЕКСТАХ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМАЯ ПОСРЕДСТВОМ ЭТНОНИМА «РУССКИЙ» И СООТВЕТСТВУЮЩИХ ОТЭТНОНИМИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ.

THE ACTUALIZATION OF THE CONSUMER MOTIVES IN THE TRADE MARKS, ADVERTISING SLOGANS AND TEXTS, REALISED BY THE ETHNONYM “RUSSIAN” AND ITS DERIVATIVES.

Аннотация: В данной работе исследованы потребительские мотивы, осуществляемые в товарных знаках, рекламных слоганах и текстах, в состав которых входит этноним «русский» и соответствующие отэтнонимические дериваты с целью изучения манипулятивного потенциала данных языковых средств. В статье проводится анализ основных и второстепенных потребительских мотивов, актуализированных в рекламных сообщениях с помощью этнонима «русский» и соответствующих отэтнонимических дериватов: мотив традиции, мотив престижа и мотив самоактуализации, мотив развлечения и удовольствия, мотив приобщения к ценностям, мотив экзотики.

Abstract: The object of the article is a study of the consumer motives in the trade marks, advertising slogans and texts, realised by the ethnonym “Russian” and its derivatives for the purpose of researching the manipulation potential of these language means. We carry out the analysis of the main and secondary consumer motives, foregrounded by the ethnonym and its derivatives: the tradition motive, the prestige motive, the motive of the self-actualization, the pleasure motive, the motive of the values inclusion, the exotica motive.

Ключевые слова: рекламный текст, рекламный слоган, товарный знак, манипулятивный потенциал, этноним, отэтнонимические дериваты, потребительские мотивы.

Keywords: the advertising text, the advertising slogan, the trade mark, the manipulation potential, the ethnonym, the ethnonym derivatives, the consumer motives.

В последнее время в лингвистических исследованиях поддерживается устойчивый интерес к постижению языка как антропологического феномена. В центре внимания языкознания находятся прагматические аспекты языковых единиц и категорий, а также вопросы практического использования языка как средства осуществления определенных целей. В связи с вышесказанным актуальной задачей научного познания становится психология манипулирования и вербальная составляющая манипулятивных технологий. В частности обозначился круг проблем, связанных с манипулятивным характером рекламного текста: возможности использования манипулятивных приемов в рекламном сообщении, способы эффективного воздействия в рекламе, конструирование социальной действительности под влиянием СМИ. В связи с актуальностью упомянутых проблем прагматический потенциал различных языковых средств в рекламе вызывает живой научный интерес.

Этнонимы и отэтнонимические дериваты способны актуализировать и эффективно сочетать различные потребительские мотивы, способствуя продвижению товара и успешной коммерческой

деятельности. При создании рекламного имени анализируются свойства товара и целевая аудитория продукта. С учетом вкусов и мировоззрений потребителей разрабатываются аргументы, которые побуждают покупателя к желанному для рекламистов действию. На основании аргументов осуществляется выбор языкового материала для рекламного имени. Мотив понимается как динамический процесс психологического плана, определяющий направленность и активность человеческого поведения, т.е. побуждающий адресата рекламного сообщения испытать потребность в приобретении продукта.

Основными мотивами, которые способен актуализировать этноним «русский» или соответствующие отэтнонимические дериваты, являются мотив традиции, мотив престижа и мотив самоактуализации, которые тесно связаны между собой.

Мотив традиции обусловлен национально-культурными особенностями народа. В соответствующих рекламных сообщениях специалисты ориентируются на фоновые знания, которые разделяют члены культурной общности, говорящие на

одном языке. В рекламные имена, слоганы или тексты включаются этномаркированные компоненты. Этнокультурная маркированность представляет собой символическую связь с константами национальной культуры, которая относится к числу коннотативных компонентов значения, формирующихся у адресата к объекту рекламы [1, 181]. Рассмотрим в качестве примера товарные знаки, внутренняя форма которых содержит национально-культурные смыслы. Помимо этнонимической лексики в рекламные имена включаются следующие единицы: на словообразовательном уровне – словообразовательные модели: «Русские солдатушки»; на лексико-семантическом уровне — русские имена собственные и прецедентные имена собственные: «Русский Ваня», «Русское пиво Кирилл», «Русский цирк Саша», «Русский воин Всеволод Большое гнездо», «Русский виноград Ермак», «Русский воин Ярополк Ростиславович»; имена нарицательные, которые обозначают предметы материальной и духовной культуры, национально-культурные символы, ключевые идеи русской картины мира: «Русский самовар», «Русский сарафан», «Русский лубок», «Русская матрешка», «Русский каравай», «Русские блины», «Русские сказки», «Русские былины», «Русская кадриль», «Русские колобки», «Русский кулачный бой», «Русский терем»; «Русское авось»; «Русский мужик»; «Русский медведь», «Русская тройка», «Русская береза», «Русские купола»; «Русское раздолье», «Русский простор», «Русское авось»; «Русский купец», «Русский князь», «Русский царь», «Русский пир», «Русский богатырь», «Русский витязь», «Русский сказ», «Русские потешки», «Русский терем», «Русская рать», «Русская потеха», «Русская дружина», «Русский светоч», «Русский дар».

Также в группу товарных знаков, в которых реализуется мотив традиции, входят словосочетания, второй компонент которых не имеет этнокультурной коннотации и имеет значение «традиция» или в ряде случаев уточнение, с какой именно областью деятельности связаны соответствующие традиции: «Русский обычай», «Русский уклад», «Русская традиция», «Русские финансовые традиции», «Русские усадебные традиции», «Русские страховые традиции».

Открытую динамическую систему российских этномаркированных номинаций можно представить в виде полевой структуры, ядро которой составляют этнонимы, безэквивалентная лексика, прецедентные национально-культурные символы, а периферию – все русскоязычные наименования [2]. Таким образом, в товарных знаках, которые не включают этномаркированные компоненты, в этнонимической лексике в той или иной степени всегда реализуется мотив традиции, то есть внутренняя форма товарных знаков включает в себя национальное историко-культурное содержание.

В слоганах для реализации мотива традиции используются естественные ассоциативные связи

этнонима и отэтнонимических дериватов: «Возрождающая традиции» (Русский дом), «Недвижимость традиций» (Русский дом недвижимости), «В лучших семейных традициях» (Русская нива), «Традиционно правильный курс» (Русский региональный банк), «За рамки привычного не нарушая традиций» (РусЮгБанк).

В рекламных текстах мотив традиции усиливается многочисленными и разнообразными средствами: этномаркированные лексико-семантические и стилистические средства: этноним и отэтнонимические дериваты, устаревшие слова (Русь, да, дабы, чужеземный), обозначения объектов русской культуры, преемственности традиций (дед, прадед, традиции, традиционный, сватовство, богатыри), инверсионный порядок слов (хлеб ржаной, бодростью налитой). Рассмотрим в качестве примеров тексты рекламных роликов кваса марки «Русский дар», кваса марки «Русский вкус» и пива марки «Старый мельник».

Текст 1.

— Пап, налей мне квасу!

— Спасибо!

— Благодарю.

Так говорили дед наш и прадед. Благодарить значит благо дарить. И дар этот — наши традиции, в которых щедрость и преданность делу. Русское благородство и бодрящий вкус ржаного кваса. Русский дар. Вековые традиции русского кваса.

Текст 2.

Квас «Русский дар». Традиционный. Настоящий. И освежит, и сил придаст, и подъем душевный. С ним и дело спорится на радость людям, и веселье ладится от всей души. Русский дар. От всей души.

Текст 3.

«Русский дар». Прозрачная свежесть родников, хлеб ржаной, бодростью налитой, да клюква северная, ягоды, что всех других полезнее. Летом освежает, зимой здоровье и силу богатырскую дает. С натуральным соком клюквы. Вековые традиции крепкого здоровья в квасе «Русский дар. Клюква».

Текст 4.

Из русской пивоваренной книги: Пиво на Руси во все времена варили. В бочонках дубовых хранили. Была на сватовство такая традиция: кто их женихов на бочонке первый подкатит — тому красавица и достанется. Дабы перед девицей устоять, пиво надлежало варить сытным, да не хмельным. Времена меняются, а на Руси все также подкатывают на бочонках. Старый мельник из бочонка. Открой вкус русских традиций.

Текст 5.

Издrevле на страже родины нашей богатыри стояли. Оберегали Русь от напастей чужеземных, и квас им силу придавал. Богатыри ушли, а преемственность осталась. Русский вкус. Русские традиции.

Мотив престижа побуждает потребителя приобре-

тать товар с целью поднять свой личный статус, получить социальное признание. Потребность в самутверждении особенно эксплуатируется в век растущего материального благосостояния и высокого жизненного уровня. В товарных знаках, слоганах и текстах, которые включают в свой состав этноним «русский» или соответствующие отэтнонимические дериваты, данный мотив реализуется как идентификация адресата с престижной группой — русским этносом. Реклама призывает к чувству национальной гордости и чувству собственного достоинства. Мотив престижа тесно связан с мотивом самоактуализации. Данный мотив эксплуатирует потребность человека в своей индивидуализации, осознании своих особенных и неповторимых черт.

В следующих рекламных сообщениях этноним «русский» и соответствующие отэтнонимические дериваты реализуют мотив престижа и мотив самоактуализации, получают различную манипулятивную нагрузку в сочетаниях с разными языковыми средствами, сочетаются и усиливают мотивы, актуализируемые при помощи других компонентов рекламных сообщений.

1. Этноним и отэтнонимические дериваты и языковые средства, имеющие внеконтекстуальную положительную эмоциональную и оценочную коннотацию. Например, имена существительные обозначают ценности, связанные с социальным одобрением и привлекательным образом жизни. Словосочетания характеризуют продукт, как обладающий отличительными признаками по сравнению с товаром-конкурентом: товарные знаки «Русский престиж», «Русский шик», «Русский эксклюзив», «Русский оригинал», «Русский хит», «Русский премиум». Имя существительное в данных словосочетаниях несет на себе основную воздействующую нагрузку и реализует мотив престижа, а отэтнонимическое прилагательное конкретизирует целевую аудиторию, для которой предназначен данный продукт, т.е. реализует мотив самоактуализации.

2. Этноним и отэтнонимические дериваты и языковые средства, которые не являются этнокультурно маркированными и не имеют устойчивую внеконтекстуальную эмоционально-оценочную коннотацию: время, начало, размер, узор, лед, вопрос, ответ, закон, квадрат, элемент, выбор, версия. Сочетание таких существительных с отэтнонимическим прилагательным «русский» характеризует обозначаемый объект как уникальный, неповторимый, обладающей особой силой и мощью: товарные знаки «Русское время», «Русская версия», «Русский вопрос», «Русский ответ», «Русский выстрел», «Русский удар», «Русские линии». При этом основную воздействующую нагрузку несет именно отэтнонимическое прилагательное, которое актуализирует мотив самоактуализации.

3. Этноним и отэтнонимические дериваты и языковые средства, обозначающие особенности русского национального характера: «Русский бунт», «Русский дух», «Русское гостеприимство»,

«Русская выдержка», «Русская удаль», «Русский характер», «Русский размах», «Русские не сдаются!». Воздействующая нагрузка распределяется на все словосочетание или высказывание, мотив самоактуализации реализуется за счет этнонима или отэтнонимического деривата.

Примерами реализации мотива престижа и мотива самоактуализации могут служить тексты из рекламного видеоролика водки «Русский лед». В рекламном ролике актер Сильвестр Сталлоне говорит следующую речь.

Кофе только из Бразилии. Костюмы все итальянские. Машина – английская классика. Компьютер – конечно же, Китай. Фанаты – из Японии. Работа – чистый Голливуд. Друзья – все из Беверли Хилз.

Сильвестр Сталлоне встречает уличных хулиганов.

Эти парни, наверно, с другой планеты. Будет больно. Характер – от прабабушки, стало быть, русский.

На экране появляется надпись «Прабабушка Сильвестра Сталлоне родилась в России».

Русский лед. В каждом есть что-то русское.

На этикетке водки «Русская выдержка» написан следующий текст.

Безусловно, в данном рекламном сообщении, с одной стороны, утверждается самобытность и уникальность русского характера, используются этнические стереотипы (о русском характере, его силе и противоречивости, о загадочности русской души). С другой стороны, обладание этим характером позиционируется как престижное, рекламное сообщение вызывает к чувству гордости и собственного достоинства. Адресат рекламного сообщения должен почувствовать на себе воздействие следующего ассоциативно-эмоционального комплекса: данный продукт — продукт для русского, быть русским — престижно, данный продукт — престижный продукт. Одновременно идентифицируя себя с престижной группой, адресат переживает приятные эмоции, которые потом будут автоматически ассоциироваться с данной товарной маркой.

В следующих рекламных сообщениях мотив самоактуализации и престижа, которые актуализируются при помощи этнонима, сочетаются с мотивами, которые реализуются посредством других компонентов рекламных сообщений.

1. Мотив приобщения к ценностям. В.В. Зирка анализируя манипулятивный характер имен существительных в рекламном тексте разграничивает слова-ценности и слова-аттрактивы [3]. Слова-ценности представляют собой имена существительные, которые обозначают вечные непреложные ценности: свобода, любовь, счастье, здоровье, успех, сила, красота. Слова-аттрактивы предназначены для привлечения внимания в рекламном тексте и в основном обозначают выгодные условия для потребителей: скидка, приз, акция, цены, гарантия. В таких словосочетаниях как «Русское богатство», «Русская слава», «Русская семья», «Русская сила»,

«Русская жизнь», «Русское добро», «Любить по-русски» реализуется мотив приобщения к ценностям, мотив самоактуализации и мотив престижа.

2. Мотив развлечения и удовольствия. Гедонистические мотивы апеллируют к желанию потребителя доставить себе удовольствие, отвлечься от рутины, испытать необычные и сильные впечатления и реализуются в выражениях, которые обозначают приятное времяпровождение и его атрибуты, потакание желаниям: «Русский отдых», «Русские игры», «Русская забава для души», «Русский азарт», «Русский каприз», «Русская скорость», «Гуляй по-русски!».

3. Мотив экзотики. Экзотические мотивы частично связаны с мотивами престижа в виду большой привлекательности иностранных товаров, а частично с интересом и любопытством к необычным и загадочным объектам чужой культуры. Группа товарных знаков, в которых актуализируется мотив экзотики, включает в свой состав помимо отэтнонимического дериватов лексемы, внешняя форма или значение которых имеет компонент «нерусский»: иноязычные вкрапления, экзотизмы, топонимы, которые обозначают не российские географические объекты, известные зарубежные товарные марки, имена нарицательные русского языка, семантическая структура которых включает в себя компонент значения «чужой». В качестве примера можно привести следующие товарные знаки: «Русская экзотика», «Русское зарубежье», «Русский запад», «Русские тропики», «Русский асистанс», «Русский ивент», «Русское сафари», «Русский марципан», «Русский фермер», «Русский круиз», «Русский Версаль», «Русская Аляска», «Русский Голливуд», «Русская Лапландия», «Русское Саппоро», «Русский Клондайк», «Русская Британия», «Русский Форбс», «Русский Хаммер», «Русские тропики».

В товарные знаки должны входить языковые единицы, обладающими большими информативными возможностями, поэтому использование иноязычной лексики с неизвестным для адресата значением не всегда является эффективным приемом. Однако языковые средства, обладающие иностран-

ным колоритом, часто выполняют в рекламе функцию привлечения внимания и могут обладать более высокой степенью престижности по сравнению со словами родного языка. Сочетание онимов с отэтнонимическими дериватами приводит к переосмыслению и деонимизации имен собственных. Такое использование имен собственных способствует передаче в лаконичной форме большого объема смыслового и эмоционального содержания, актуализации комплекса устойчивых ассоциаций, представлений и характеристик. В рекламных сообщениях этой подгруппы осуществляется интеграция двух компонентов, различающихся этнокультурной маркированностью. Такой контраст создает новые смысловые ракурсы и дополнительные ассоциации, выстраивает связь между родной и мировой традицией и культурой.

Проанализировав вышесказанное, можно прийти к следующим выводам. Этноним «русский» и соответствующие отэтнонимические дериваты обладают манипулятивным потенциалом, который активно используется рекламистами в рекламных сообщениях для выполнения коммерческих задач рекламы. Целесообразность и эффективность использования этнонима «русский» и соответствующих отэтнонимических дериватов как ключевых слов рекламного сообщения объясняется возможностями данных языковых средств в сфере концептуализации и оценочной интерпретации действительности. Данная этнонимическая лексика актуализирует определенный потребительский мотив, ассоциативные и эмоциональные связи и выступает таким образом как наиболее значимые для рекламы данного товара вербальные средства.

Ссылки:

1. Алеференко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. – 360 с.
2. Романова, Т.П. "Русское поле" в рекламной номинации // Вопросы ономастики. - 2013. - №2 (15). - С. 164-173.
3. Зирка, В.В. Языковая парадигма манипулятивной игры в рекламе: дис. д-ра филол. Наук. Днепрпетровский нац. университет, Днепрпетровск, 2005.

Тоирова Наргиза Исаковна

*Ферганский государственный университет
Старший научный сотрудник-исследователь*

Toirova Nargiza Isakovna

Fergana State University

Senior research fellow

ПОРТРЕТ КАК СИМВОЛ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДРАМАТИЗМА В ПРОЗЕ.

THE PICTURE AS THE SYMBOL OF PSYCHOLOGICAL DRAMA IN PROSE.

Аннотация: Статья посвящена проблеме портрета и фотографии как художественных символов, имеющих определенное идейно-эстетическое значение. С позиции сравнительного анализа проблема была рассмотрена на примере романов Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея», Дж. Ролинг о Гарри Потере, повесть Николая Гоголя «Портрет», и рассказа современного узбекского писателя Шодидула Хамраева

«Женщина на фотографии». По мнению автора, использование портретной символики помогает писателям полнее раскрыть драматизм внутреннего мира своих героев.

Ключевые слова: символ, портрет, фотография, внутренний мир, внутреннее «Я», зеркальное отражение души, Дориан Грей, Уайльд, Гоголь, Ролинг, Хамраев.

Annotation: This article is devoted to the problem of symbols as picture and photography. These symbols were considered with ideological and aesthetic meaning in the novel “The picture of Dorian Grey” by Oscar Wilde, the play “The picture” by Nikolay Gogol, novels about Harry Potter by J.K. Rowling, the story “The woman in the photography” by modern uzbek writer Shodiqul Hamroev and unique typological analyses were given. The author confirmed that using symbols as picture and photography helps writers to strengthen inner world description of their characters.

Key words: symbol, picture, photography, inner world, reflection of the soul, Dorian Grey, Wilde, Gogol, Rowling, Hamroev.

Портрет как жанр изобразительного искусства и фотография как жанр художественного творчества обладают специфическими возможностями в изображении жизни героев и их внутреннего «я». Они несут специальную смысловую нагрузку и имеют особое значение в изображении душевных перипетий героев. Основная задача художника, создающего портрет, состоит в том, чтобы отобразить не только внутренний мир человека, который послужил прообразом героя, но и его социальный и профессиональный статус, и вместе с этим конкретно-исторические особенности времени жизни прототипа.

Основным принципом портретного жанра на протяжении веков являлось воспроизведение натуры. Однако в разные периоды существовали различные трактовки понятия «сходство». Процесс изображения натуры и создание посредством этого художественного образа имел каждый раз свои характерные особенности, которые определялись общими идейными и эстетическими предпосылками и позициями периода, а также - конкретной творческой практикой мастеров - особенностями индивидуального творческого метода, стиля и средств художественной выразительности. [1, с.58]

Относительно произведений великих писателей, использовавших в своем творчестве портрет как художественное средство, как символ можно утверждать то, что они придавали ему особое идейно-эстетическое значение.

В «Портрете» Н.В. Гоголя, в который он «вложил» себя более чем в какое-либо другое свое произведение, рассказывается о портрете азиата-ростовщика с дьявольскими глазами. Портрет вызывал ужас у окружающих и приносил несчастье всем, кому попадался в руки. И. Ф. Анненский в статье «Проблема гоголевского юмора» отмечал: «Разбираясь в своем необычном волнении, вы почти всегда найдете, что его жуткость зависит главным образом от глаз портрета. Повесть начинается с того, как молодой художник по фамилии Чартков как-то случайно покупает портрет азиата-ростовщика и после этого мистическим образом становится богатым, знаменитым и модным портретистом, но взамен «им овладела ужасная зависть», он покупал картины более талантливых художников и стал их уничтожать. Казалось, в нем олицетворялся тот страшный демон, которого идеально изобразил

Пушкин... Припадки бешенства и безумия начали сказываться чаще, и наконец, все это обратилось в самую ужасную болезнь. Жестокая горячка, соединенная с самою быстрою чахоткою овладела им так свирепо, что в три дня оставалась от него одна тень только». [2, с.111] Его труп был безобразным, от его несметных богатств ничего не осталось, «но, увидевши изрезанные куски тех высоких произведений искусства, которых цена превышала миллионы, поняли ужасное их употребление». Это не единственный ужасный случай, который произошел с владельцем того странного портрета, где позировал азиат с жуткими, необыкновенного огня глазами.

Рассказ сына иконописца, которому пришлось написать этот безумный портрет, разъясняет многое. В один день к этому иконописцу приходит домой ростовщик и хочет, чтобы нарисовали его портрет. Он, может быть, скоро умрет, детей у него нет, но он не хочет уйти навсегда, он хочет жить и просит художника нарисовать такой портрет, где он был бы как живой. Художник со следующего дня начинает писать картину. «Прежде всего, занялся он отделкою глаз. В этих глазах столько силы, что, казалось, нельзя бы и помыслить передать их точно, как были в натуре. Однако же, во что бы ни стало, он решился доискаться в них последней мелкой черты и оттенка, постигнуть их тайну... Но, как только начал он входить и углубляться в них кистью, в душе его возродилось такое отвращение, такая непонятная тягость, что он должен был на несколько времени бросить кисть и потом приниматься вновь. Наконец, уже не мог он более выносить, он чувствовал, что эти глаза вонзались ему в душу и производили в ней тревогу непостижимую». Это чувство все усиливалось с каждым днем, и художник не выдержал и сказал, что не может больше писать. «Он бросился к нему в ноги и молил, кончить портрет, что от сего зависит судьба его и существование в мире, что уже он тронул своею кистью его живые черты, что, если он передаст их верно, жизнь его сверхъестественно силою удержится в портрете, что он через то не умрет совершенно, что ему нужно присутствовать в мире». [3, с.100] Портрет все-таки не был закончен, ростовщик умер. Но теперь неладное стало происходить с художником: он в корне переменялся. Перемена даже чувствовалась у него на картинах, где на иконах уже не присутствовала святость, даже

было что-то демоническое в глазах. В души всех обладателей портрета переселялась душа самого ростовщика, и, тем самым, он продолжал свои немислимые деяния. На наш взгляд, самой интересной деталью в портрете, без сомнения, являются глаза ростовщика, которые передавали внутренний мир этого человека.

Роман английского писателя Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» тоже основан на мистическом сюжете, где главным деталью является портрет некоего Дориана, нарисованный художником Бэзиллом Холлуордом. Фантастично и одновременно символично то, что человек и портрет как бы поменялись ролями: Дориан Грей на протяжении восемнадцати лет остается внешне неизменным, стареет же картина, на которой время, страсти и пороки персонажа оставляют свои следы. Функции души, все помнящей и знающей каждое движение тех желаний, чувств, страстей, пристрастий, которые испытывает Дориан Грей, принимает на себя портрет. Он становится подлинным Дорианом, а живой Дориан - никогда не изменяющейся копией. Портрет взрослеет, старится, дурнеет, становится все более отвратительным после каждого нового аморального поступка его персонажа. Сам Дориан остается неизменно обворожительным, юным, обаятельным, обманывая окружающих видимостью чистоты и высокой нравственности. Лицо его словно бы превращается в маску, скрывающую истинный облик героя. Дориан называет свой портрет зеркалом своей души. Холлуорд не узнает свое полотно, потому что портрет мистическим образом меняется, возлагая на себя всю ношу грехов и преступлений, которые совершает Дориан с «ангельским лицом». Портрет становится как бы его совестью. Когда же Дориан решает уничтожить свидетеля зловещих тайн его жизни - он странным образом убивает себя. Бэзил Холлуорд, сострадая своему любимцу, хочет спасти его репутацию, возвысить его жизнь до степени уважения, сохранить его человеческое достоинство. Ему и открывает Дориан тайну портрета.

В романе идет речь о соотношении в человеке духовного и телесного начала, о красоте внешней и внутренней, об их взаимообусловленности, и о той трагедии бездуховности, которая возникает, когда происходит их разъединение. Портрет в этом произведении символизирует психологические процессы внутреннего «Я» главного героя.

Другой пример, где фотография является мистической собеседницей, - это рассказ узбекского

писателя Шодикула Хамраева «Женщина на фотографии». В этом рассказе повествуется о странной истории бедного студента, который жил у одной одинокой старухи. История начинается после смерти старухи. Студента заинтересовала старая, потрепанная фотография, где были изображены муж и жена. Интересно, что у этого мужа не было носа, а женщиной на фотографии была та, умершая старуха. У женщины был странный пронизывающий взгляд, с какой - то загадочной тайной, которую она старалась скрыть, но ей это в целом не удалось. Глаза как зеркало души отражают внутренний мир человека, его душевное состояние. И, сколько бы человек ни старался скрыть все свои грешные желания и намерения, все равно глаза могут выдать его. По выражению глаз специалистам не только можно «прочитать» всю информацию о внутреннем «Я» любого человека. Информация, заключенная в глазах женщины на фотографии в рассказе Шодикула Хамраева, относилась к тайным деяниям, которые сильно заинтересовали студента. Интерес к женщине на фотографии возник тогда, когда студент увидел молодую женщину с фотографии рядом собой, не во сне, а наяву. Студент ходил по пятам этой женщины как замороженный или как загипнотизированный. Этот загадочный мотив с фотографией придает рассказу особый мистический смысл.

Итак, рассматривая приведенные в статье произведения, можно понять, что писатель пользуется портретом или фотографией как художественной деталью. Эта деталь имеет особое символическое значение и помогает раскрыть идейно-эстетическую мысль автора, придает произведению мистический характер.

Во всех этих произведениях использован многозначный изобразительный символ - портрет или фотография - как символ драматизма внутреннего мира главных героев.

Символичны и названия произведений, которые помогают передать основную тему рассказа или романа. Общей темой вышеуказанных произведений является тема чистоты души человеческой как идеала. Посредством символов авторы открывают нам «все пятна, всю черноту, все безобразия души героев», определенный психологизм их внутреннего мира, сложные, противоречивые, потаенные движения и ужасные, порой мистические трансформации их души.

Список литературы:

1. Гращенко В. Н. Портрет в итальянской живописи Раннего Возрождения. М., 1996. Т.1. С. 58
2. Гоголь Н. Повести. Пьесы. Мертвые души. Издательство «Художественная литература» Москва. 1975. с 111
3. Гоголь Н. Повести. Пьесы. Мертвые души. Издательство «Художественная литература» Москва. 1975. с 100..

Tortkulbaeva Tursinay,

- Nukus state pedagogical institute named after Ajiniyaz, Kazakh language and literature department

THE POEMS AND BLANK VERSES BY KAIROLLA IMANGALIEV

Annotation: The given article deals with the heritage of Kazakh-karakalpak jiray-poets lived in Karakalpak land at the end of XIX century and the beginning of XX century. There is given some epic poets of Kairolla Imangaliev.

Key words: Kazakh-karakalpak jiray-poets lived in Karakalpak territory, singers, musicians, epic poets, developing poets society.

Folklore is one of the valuable sources in education and in the spiritual-moral upbringing of young generation. An environment makes a great influence on the development of folklore. As an English proverb says, "Every country has its customs", the Kazakh people have their own culture, traditions, customs and literature. Folklore is the great heritage of the national culture of every nation, it is one of the strongest means in education, moral and aesthetic influence on a person, a means of persuasion. Many great scholars of the East in the middle ages pointed out the role of folklore in the education of young generation, its strength of aesthetic impact, they are: Akhmad Yugnaki, Yusuf Khos Khodjib, Makhmud Kashgariy, Kaykovus, Ibn Sina, Saadi, Abu Raikhan Beruniy, Rudaki, Alisher Navoiy and others. For example, Rudakin used widely proverbs and sayings, which are considered to be the treasure of folklore, in his tractates and poetic works [3, 41]. Abu Raikhan Beruniy paid much attention to the issues of national culture and study of culture of other peoples, he called folklore "the honour and wit of the people", "festive clothes of the people's soul" [1, 132].

Kazakh folklore has some peculiar features according to the historical character, theme, plot, heroes

and content, it includes various genres: poems, songs, blank verse, fairy-tales, legends and others.

Kairolla Imangaliev is one of the famous Kazakh poets, bards (jiraus) of the end of the XIX-th century who lived on the territory of Karakalpakstan and he was known for performing epics and poems written in blank verse. The topics of his poems and songs are various. The study of the creative works of the Kazakh poets and bards, living in Karakalpakstan, the peculiarities of their individual style is one of the actual issues in the Kazakh language and literature.

Kairolla Imangaliev was born in 1907, Republic of Kazakhstan Aktobe region, Oyil. In 1919 his father Joldasbay moved to Karakalpakstan. He lived in Kungrad, near Moynak

K. Imangaliev is the author of many poems. One of the widely-spread themes for Kazakh poets and jiraus is the topic of Motherland. In the work "Our Motherland" the poet speaks about his love to the country, to Motherland in the name of an old man. The poet appeals to the people: "I'll watch you by light words". Here is a word combination *light words* means "words that encourage a person, making his spirits high and optimistic". The author expresses his feelings and love to Motherland in the following way:

The famous singers
Asan kaigi, Kaztugan,
The bards of the past,
They were not the last.
There's a place in Asia,
The Amu and Syrdariya betwix,
Inhabited by Uzbeks, Kalpaks and Tadjiks.
The Aral Sea with a mirror-like surface,
It has stormy waves.
If it rains, the land will flourish,
When being blessed,
The country will flourish.
I love our Motherland,
Enjoying the country of my own.
Looking at the picturesque landscape,
Like a precious stone [4, 186].

Келешегин болжаған,
Асан қайғы Қазтуған.
Қарияның бири екен,
Әмиу менен Сырдың арасы,
Өзбек, қалпақ, тәжіктің.
Отырықшы жери екен,
Азияға тең ортақ.
Арал деген теңизің,
Шалқып жатқан көл екен . . .
Жаңбырлы болса жер көклер,
Баталы болса ел көклер.
Тәбиғаттың нуры екен . . .
Қарасам ата қонысқа,
Асылдың шыққан сойы екен [4, 186].

Describing the devoted love of the poet Kaztugan to his native country, the famous scholar M. Magauin writes, "The most valuable thing for a person is Motherland, the place of his off-springs, the country where

he was born and lives. The poet-bard expresses his passionate love to Motherland" [5, 432].

Kairolla Imangaliev went on the good traditions of Kaztugan, singing about Motherland and his country in the form of narration. He was sorry for his country-men

who lived far away from their native country and tried to educate in them the feelings of love, devotion to Motherland. The poet thinks that the praise and proudness of the country is its brave men, heroes:

Kotibar, Esen, Aristan,
Asau, Barak, Suleke,
Batir, Beket, Shektibay,
Ajibay, Altay, Mailibay.
It's their country, Motherland
With a vast valley in this land [4, 192]
Көтибар, Есет, Арыстан,
Асау, Барак, Сүлеке,
Батыр, Бекет, Шектибай,
Әжибай, Алтай, Майлыбай,
Солардың өскен жери екен,
Жалпақ жатқан бел екен [4, 192]

The famous scholar S.Seifullin writes, "The creative way is an immortal way. The life of creation cannot be measured with the life of its creator. If a real talented man expresses realistically his time and the people like it, he will live for ever, he will be eternal. It is rare happiness when people believe in you, when you are able to perform the songs they like, you are able to lighten the future by your rays" [8, 456].

There were many Kazakh poets and bards who lived in Karakalpakstan and created a lot of wonderful valuable poems and eposes worth reading.

Another poem by Kairolla that deserves attention for the study is "If a spring doesn't well out boiling". The outstanding Kazakh writer Sabit Mukhanov emphasizes that this poem has a didactic character, the author "teaches his contemporaries by singing of the great past" [7, 326]. Analyzing the poem we see that there are many statements in the form of rhetorical questions in the lines of the poem. For example: "Will the mountains' stones fall if the spring doesn't well out boiling?", "If something is wrong in the country, will a blue blood's son be patient with it?", "When fighting against an enemy, will he ask for their help?".

The following lines from the poem have a didactic and moral-epic character:

The bad only damage,
They are not kind.
Only quarrel and savage,
Good words they cannot find [4, 189]
Жамандықтың белгиси,
Өз басына өзи жаў.
Сөйлер сөзин таба алмай,
Тилеп алар үлкен даў [4, 189]

Here the poet criticizes the people who don't know when and where to speak, he recommends people "First think, then speak", "Actions speak louder", advising them to be witty and wise. The poet's work "The great men passed" is close to his poem "Our Motherland" according to its content and main idea. In the poem "Our

Motherland" the heroes protected their country by swords, spears and daggers. In the poem "The great men passed" the author praises the heroes (batirs) of his country, mentioning their origin and clan, emphasizing that such heroes who are devoted to their country and love it have been since the Nogay period. Kairolla writes, "There are many outstanding men who deserve fame". They are: Bokenbay, Eset, Er Shora, Ernazar, Barmak, Asau, Serke, Janqoja, Kotibar, Derbisali, Tilek, Ajibay, Altay, Mingbay, Isatay, Makhambet, Atafozi, Berdibek, Qarmis, Qonay and others. The poet writes:

They were holy and blessed men,
They were Algi and Dosan,
With a flame burning in the mouth
Who killed an enemy with oath,
They were brave men
Making famous their clan [4, 193].
Аруақты ерлер осы еди,
Жалыны шыққан аўзынан,
Оязды ушлап өлтирип,
Алғи, Досан бул шықты [4, 193].

These lines of the poet show that he is proud with the heroes of the country who are ready to protect it from an enemy and even to give their lives for Motherland. We see that Kairolla continued the traditions of the bards Bukhar and Umbetei singing of the heroes of his country who fought for their nation and native land. That's why the poet's works remain popular today, they play a great role in the education of young generation.

The two poems "Let me tell the truth" and "A song of introducing a bard himself" are very important for the investigation. In the poem "Let me tell the truth" there are the elements of autobiography, the poet tells about his off-springs, clan, his father and mother in the form of narration. He follows to the traditions of such kind of narration which we observe in the creative works of other Kazakh poets who lived in Karakalpakstan – Dospambet, Kaztugan, Shalkiyz and Makahmabet. Kairolla praises and sings of his tutors:

I want to speak about my country,
Where I was blessed.
There is Bekbergen, Jaskelen,
Baki, Bitegen, Makut and Terlikbay.
All of them are close to me,
All of them are relatives to me [4, 194].
Бата алған жеримди айтайын,
Аржағы үки, Бекберген,
Бержағын оның айтайын,
Жаскелең, Бақы, Битеген,
Макут пенен Терликбай,
Бөтен емес өзимнен [4, 194].

In the next poem "A song of introducing a bard himself" he writes about the poetry:

My speech is eloquent,
 Like a brocade and velvet,
 Like an expensive thing,
 Like a golden ring.
 My speech was worth praising
 Everybody listened to it raising.
 Wishing to learn it by heart,
 I speak it from my heart [4, 198].

Әр алуан сөзім бар,
 Патшайы менен мақпалдай,
 Пулы қымбат затлардай,
 Асыл сөзді көп айтып,
 Талай жерге мақталды-ай,
 Усыдан жаттап алсақ деп,
 Үйреніп будан қалсақ деп,
 Үйренбелер дағдарды-ай [4, 198].

This poem was written when Kairolla was famous for his works.

Thus, in conclusion we can state that Kairolla Imangaliev was one of the outstanding poets-bards

whose works were distinguished by their lyricism, peculiar rhyme and melody. They are valuable today and are being performed by the famous bards and the poet's language, his individual style are being studied by scholars.

References

1. Beruni Abu Raikhan. 1963. Monuments. Selected works. Vol.2. Tashkent.
2. Five ages sing. 1989. Alma-Ata: Jaziushi. vol.I. 384 p; vol.II. 496 p.
3. Ibragimov K., Abdullaeva Sh. 2008. History of Pedagogics and education. Tashken.
4. Jumajanov K. 2006. Kazakh literature in Karakalpakstan. Alma-Ata: Aris. P. 251.
5. Magauin M. 1989. Ages' relief. Alma-Ata: Jaziushi. P. 432.
6. Moldabekov J. 2003. Introduction into Kazakh. Alma-Ata: Kazakh University. P. 459.
7. Mukanov S. 1974. The people's heritage. Alma-Ata: Kazakhstan. P. 326
8. Seifullin S. 1964. Works. A six-volume book. Vol.6. Kazakh literature. Alma-Ata: Kazakh state Publishing house of literature. P. 456

#9(13)/2016część 3

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#9(13)/2016part 3

East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner(Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick(Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner(Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick(Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com>